

смена

№ 16 АВГУСТ 1983

ПОДВИГ
В МИРНОМ НЕБЕ

Владислав ЯНЕЛИС.
Специальный корреспондент
«Смены»

Он убрал шасси, а потом и закрылки. Это сразу сблизило его самолет с самолетом ведущего. Высота стремительноросла. Он взбирался все выше и выше, словно по невидимой воздушной лестнице. Полетшел в режиме. Под квадратом 01—первый поворотный пункт программы. Ведущий передал:

— 058-й, разворот вправо.

Дронов, непроизвольно кивнув, ответил:

— Справа готов.

Ведущий шел по внешнему кругу и начал разворот первым. Дронов чуть отвернулся самолет, чтобы дать ведущему больше пространства для маневра. И, выждав, тоже пошел на разворот. В следующее мгновение он, неотрывно

— Место?
— Квадрат 01.

Шульги не надо было смотреть на карту, чтобы представить себе этот самый квадрат. Он прекрасно знал, что квадрат 01 означает воздушное пространство над большой станицей. И именно это обстоятельство диктовало иной поворот действий Шульги, как руководителя полетов, и Дронова, как пилота.

Итак, обстановка требовала от Шульги немедленного решения. Потому что он и только он будет отвечать за все, что произойдет в дальнейшем. Решений могло быть два. Первое—приказать Дронову катапультироваться. Оно было самым простым и спасало летчика. Но тогда неуправляемый реактивный самолет мог выйти из под контроля рулей и обрушиться на станицу. Вероятность этого невелика, но она существовала. Второе—бороться до конца, отведя беду от людей и их жилищ, и спасать самолет. Но это грозило гибелью летчи-

востно, что самый строгий медицинский отбор именно в авиационные училища.

Чтобы укрепить себя физически, он много времени отдавал спорту—бегал, занимался гантельной гимнастикой, плаванием. Для тренировки вестибулярного аппарата соорудил даже собственной конструкции тренажер. Нашел на свалке старую колесную ось от вагонетки, прикатил к дому, врыл одно колесо в землю так, чтобы второе свободно вращалось. На этом тренажере он крутился часами, пока скрип его окончательно не выводил из себя родителей.

Дронов успешно сдал экзамены и был зачислен курсантом в Ейское высшее военное авиационное училище летчиков имени В. М. Комарова. Если бы он прошел, то сдавал бы на следующий год. И не пошел бы ни на какие компромиссы.

Эта его взрослая жизнь началась обычным чередом и не отличалась ничем от жизни сотен его товарищей по училищу.

— Смотри, Сергей,—Комаровский кивнул на птиц,—у этих тоже вовсю идет вывозная программа. Молодежь на крыло ставят.

После врачебного осмотра, обязательного перед полетами, курсантов и инструкторов собрали под навесом для предполетной беседы майор Шульга. Майор объявил, что курс на взлете 35 градусов, ветер встречный, до 5 метров в секунду, видимость более 10 километров (в таких случаях говорят—миллион на миллион). Добавил, что над зоной отмечены групповые перелеты птиц.

Дронов вырулил на взлетную полосу следом за Кузнецовым. Тот доложил, что готов. Шульга сказал:

— 356-й, взлетайте. Ваша зона вторая.

Кузнецов продублировал команду специально для Дронова, скомандовал:

— 058-й, обороты!

Сергей видел, как серебристая машина ведущего начала таять в дрожащем от грохота двигателей воздухе, как вырвались из сопла оранжевые всполохи пламени. Дронов перевел рычаг на максимальные обороты. Самолет наклонил к земле нос, словно готовясь к прыжку. Спустя секунду истребитель понесся по бетонке, все прибавляя скорость и мощи. И взлетел легко и свободно, обретя желанную свободу.

...Самолет падал. И на то, чтобы принять решение, у Дронова оставались

Герой для подражания

BRAET после ГА

наблюдая за ведущим, зафиксировал боковым зрением темный бесформенный силуэт—справа от кабины. Тут же последовал удар, инерция которого, прорезав стальную обшивку, током передалась Дронову. Он оторвал взгляд от ведущего и машинально посмотрел на указатель числа оборотов двигателя. Но еще раньше, чем сознание зафиксировало какую-то цифру, услышал, как стихает свист мотора, и телом ощущил его прерывистую дрожь. Тем временем обороты упали почти до нуля.

«Попробовать встречный запуск»,—сказал себе Дронов. Это была азбука: успеть при неполной остановке двигателя попытаться его запустить. Дронов сбросил скорость (хотя она и без того уже была много ниже режимной), переведя ручку управления двигателя на малый газ, закрыл стоп-кран... И нажал кнопку запуска. Он проделал все это, не отрывая взгляда от стрелки—указателя оборотов. Стрелка не реагировала—обороты не увеличивались. Тогда Дронов понял, что двигатель запустить уже не удастся. И он ощущал нечто похожее на страх. Страх на мгновение парализовал его сознание и расслабил мускулы рук. Но только на мгновение. У него оставалось их слишком мало. В следующую секунду он уже знал, что надо делать. Включил изолирующий клапан, оставил питание только жизненно важных узлов и приборов самолета, отдал ручку управления от себя. И, стараясь подавить волнение, произнес как можно спокойнее:

— Я—058-й. В результате попадания птицы в воздухозаборник произошла остановка двигателя...

В тот час в воздухе находилось много самолетов, и переговоры летчика с руководителем полетов почти не оставляли пауз. Словом, эфир был занят до предела. И поэтому Дронова поняли не сразу. Но последние два слова—«остановка двигателя»—руководитель полетов рассыпал. Майор рывком поднялся из кресла, сжал микрофон и сказал, тоже очень спокойно:

— Я—первый. 058-й, повторите, что произошло.

Дронов повторил.

Майор Шульга отбросил ногой кресло, выхватил микрофон из ячейки, подошел к стеклу прозрачного колпака комнаты, поднял взгляд к небу в непроизвольной надежде увидеть там терпящий бедствие самолет.

Но небо было пустое, если не считать узкого птичьего треугольника, парившего над заповедными плавнями.

— Ваша высота?

— 1200.

ку. Принять это решение единолично майор не мог, последнее слово оставалось за Дроновым. Впрочем, был еще шанс предотвратить или, на худой конец, отсрочить решение...

Но первым делом майор приказал всем находящимся в воздухе летчикам замолчать и работать только на прием. В эфире наступила непривычная тишина. Такая, что Дронову показалось, будто он остался в небе один. Но тишина длилась совсем недолго. Спокойно, словно в учебной аудитории, Шульга произнес:

— 058-й, попробуем встречный запуск.

От этого «попробуем» Дронов сразу почувствовал себя увереннее. Ему показалось, что майор летит к нему, чтобы разделить с ним опасность. Он даже представил плотную, коренастую фигуру Шульги, втиснутую в кресло истребителя. Дронов не сказал, что он уже пробовал запустить двигатель и что это ничего не дало. В конце концов почему бы не попытаться еще раз?

— Установи скорость...—диктовал тем временем Шульга.

— Установил.

— Закрой стоп-кран...

Двигатель не запускался. Дронов почти физически ощущил, как искореженные лопатки компрессора безрезультатно пытаются прорваться через облепившую их кровавую тягучую массу. На какое-то время в эфире возникла пауза.

— Ну, что, 058-й?—прервал ее Шульга.

— Обороты на нуле,—ответил Дронов.

— Высота?

— 950 метров.

Самолет, наклонив нос, падал на землю. Дронов понял, что именно он должен подсказать земле решение.

...У Сергея были безмятежные, веселые детство и отрочество. Единственный ребенок в обеспеченной семье, он мог позволить себе брат полной пригоршней всех радостей жизни. Увлекался велоспортом, уже пятиклассником гонял на мопеде. У него неплохо шли физика, литература и математика. Много читал, особенно о войне. Был бесменным старостой с 4-го по 10-й класс.

Но какой бы беззаботной внешне ни казалась его жизнь, он довольно рано сделал в ней главный выбор, решив стать военным летчиком. А однажды решив, он уже не отступал от своей цели ни на шаг. Не отступить было не так просто, потому что с детства Сергей не отличался особенным здоровьем, а из-

кур был разбит на отделения, а отделения—на экипажи. Они изучали вместе матчасти, точные и общественные науки, вместе занимались самоподготовкой. Они были военным коллективом. На земле. В небе же каждому из них скоро предстояло стать самостоятельной боевой единицей. И тогда действия их будут оцениваться строго индивидуально. Такова летная специфика. Но готовились они к своей военной работе, повторяю, коллективно.

Это означало, что каждый в равной степени наделялся знаниями, силой, гражданственностью, верой. Они воспитывались военными людьми, перенимая от своих учителей их человеческие и профессиональные качества, впитывая боевые традиции училища, которое вело свою родословную с первых месяцев Советской власти.

В первую же свою курсантскую весну они самостоятельно подняли в воздух боевые машины. Отрабатывались простейшие летные упражнения—взлет, проход по кругу, заход на посадку, расчет приземления, посадка.

Поначалу Дронову не очень везло. Он не мог точно поймать высоту выравнивания во время снижения. Сергею дали несколько дополнительных полетов. Если не пойдет посадка и после них, его могли отчислить, несмотря на прекрасные оценки по теории. Но дополнительных полетов хватило. Он научился сажать самолет не хуже любого другого.

И в целом у него все складывалось в жизни хорошо. У него была девушка, которую он любил, были друзья, настоящие, проверенные. Неплохо шла работа в военно-научном училищном кружке. До конца летней практики, так называемой вывозной программы, оставалось несколько вылетов. А там—отпуск.

...Был понедельник. Они стояли у учебного аэродрома, расположенного неподалеку от небольшого южного города. Дронову предстояло сегодня лететь ведомым в паре с инструктором капитаном Кузнецовым. Задание—ход в пилотажную зону, виражи, пикирование, спираль, горки и—домой. Рядом с Сергеем шагал Володя Комаровский. Было жарко. Над выгоревшим полем с криком пронеслись утиные стаи.

считанные секунды. Он отыскал взглядом кнопку катапульты. Кто его осудит, если он нажмет ее! Разве он не сделал все, что мог, дважды пытаясь запустить двигатель? Одно движение—и все, чем он дорожил в жизни, останется с ним. Одно движение. Только одно. И жизнь будет продолжаться. Земля ждала его решения.

— Первый. Я—058-й. Прошу разрешения на вынужденную посадку с убранным шасси.

Пауза. Он слышал, как Шульга тяжело дышит в микрофон.

— 058-й. Посадку разрешаю. Ищи площадку...

Под ним была станица. Сотни людей, ни о чем не подозревая, вершили свои земные дела. Дронов и потом не сможет объяснить, почему он принял это, а не иное решение. Впрочем, дело не в словах. Дронов действовал сообразно высшей, самой мудрой логике—логике жизни.

Итак, он решил идти до конца. Не только отвести беду от станицы, но и постараться спасти самолет. Хотя этого, последнего, от него уже не мог бы потребовать самый взыскательный командир. Но Шульга не запретил этого Дронову. Майор помнил Сергея по совместным полетам и верил в него.

В кабине неестественно тихо. Ему было даже не с чем сравнить это непривычное для летчика-истребителя ощущение покоя управляемой им машины. Ведь Дронов никогда не летал на планере, он имел дело только с реактивным самолетом, привык к мощному голосу его двигателя, вибрации, дрожанию стрелок на шкалах приборов. Сейчас же он оказался словно в вакууме.

Он потянул ручку на себя, осторожно, боясь слишком резкого движения, пробовал, насколько управляем самолет.

На какое-то время удалось уменьшить угол падения. Впрочем, почему падения? Планирования, ведь пока Дронов находится в кабине и держит руль, он продолжает лететь, даже если этот полет зрительно неотличим от падения.

Какая большая станица! Дома, палисадники, опять дома. А это красное здание — наверное, школа. Ему было бы намного спокойнее, если бы дома как можно быстрее исчезли из-под крыльев. Тогда он мог бы весь сосредоточиться на выборе площадки. Дронову с высоты, как и всем летчикам, видно, сколь густо населена земля человеческим жильем, творениями рук людей.

У него начались провалы в связи. Дронов понял, что выходит из зоны радиовидимости аэродрома. Он не испугался, потому что заранее подготовил себя к этому. И вдруг он услышал голос Кузнецова:

— 058-й, я — 356-й, буду радиомостом между тобой и первым. Помни про баки, сбросишь, когда выйдешь за квадрат.

Понял, — радостно отозвался Дронов. Он посмотрел вверх, над ним кружила (если это выражение употребительно по отношению к реактивным самолетам) истребитель Кузнецова. Его ни на минуту не оставляют одного! Эта мысль захлестнула сознание радостной волной.

Он повернулся машину чуть влево, там станица вскоре обрывалась перепаханным полем. Дронов не думал в те мгновения, сколько у него шансов на благополучный исход. Да и кто мог бы более или менее точно сосчитать их, эти шансы. Но он знал: для приземления ему необходимы как минимум два условия — ровная площадка и сохранение самолетом способности подчиняться его воле. И то и другое в принципе возможно. Но... Этих «но» больше, чем доста-

тельно потянул ручку на себя. Самолет качнулся вперед и преодолел высоковольтку, промелькнув над бензовозом. Шофер его интуитивно втянул голову в плечи, посмотрел вслед бесшумно летящему самолету, остановил машину.

Внезапно прямо перед Дроновым выступило из-за кустов белое низкое здание полевого стана. Возле него были люди. Курс, который он рассчитал, выбирая площадку, теперь не годился, надо было садиться ближе. А времени оставалось секунды.

Последним усилием он наклонил самолет к земле, срезая пространство, столи необходимое ему для посадки. И сразу же выровнял нос. Это было, когда до земли оставались десятки сантиметров. И тут он почувствовал вдруг необычайное спокойствие, которое наступает после всякой тяжелой, изматывающей работы. Если эта работа доведена до конца. Теперь им было сделано действительно все, что вообще было в силах летчика и человека.

Он слышал, как зашелестела стерня под брюхом самолета. Удар был легче, чем он предполагал. Машина продолжала скользить по плотному покрытию пшеничных стеблей еще метров сто пятьдесят. Потом самолет наклонился, уперся крылом в землю и развернулся. Все. Земля приняла его ласково, с почти материнской нежностью.

Ему хотелось уронить голову, закрыть глаза и забыться. Хотя бы на мгновение. Даже не сознавая этого, он отдал этим нескольким минутам своей жизни едва ли не все силы, накопленные им за предыдущие двадцать лет. И только сознание незавершенности чего-то продолжало руководить его мыслями. Чего? Да, конечно, ведь его товарищи не знают, что с ним.

— Я — 058-й, — произнес он ти-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 16 (1350) АВГУСТ 1983

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
рисунок
художника
Юрия
ИВАНОВА.

- 1 ГЕРОЙ ДЛЯ ПОДРАЖАНИЯ.
Владислав ЯНЕЛИС. «ВЗЛЕТ ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ».

- 2 ФИЗКУЛЬТ-УРА!
Александр БОЙКО. «БЕГАЙТЕ НА ЗДОРОВЬЕ!»

- 3 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНЫ».
Стихи болгарского поэта Георгия КОНСТАНТИНОВА
«КАК БЬЕТ РОДНИК, КАК ВЕЕТ ВЕТЕР».

- 6 ОБ ЭТОМ ГОВОРИЛОСЬ НА ПЛЕНУМЕ ЦК КПСС.
Игорь КУВШИНОВ.
Рабочая повесть «Смены» «ПОЕЗД В XXI ВЕК».

- 9 Рассказ Георгия САВЧЕНКО
«ПРЕМЬЕРА».

- 12 «ГОРОД СОЛНЦА».
Фоторепортаж Владимира ЧЕРКАСОВА и Сергея ВЕТРОВА.

- 14 Олег ИВАНОВ.
«СЛОВО О ЧЕЛОВЕКЕ ДОЛГА».

- 16 ОТЕЧЕСТВО.
«ДНИ ЛИЦЕЯ».
Фotoочек Алексея НИКОЛАЕВА, Василия МИШИНА
и Сергея ПЕТРУХИНА.

- 23 А ЧТО У ВАС?
Информационная страница «Смены».

- 24 ЭРА БИОЛОГИИ.
Людмила СТИШКОВСКАЯ. «ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА».

- 26 ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА.

- 27 Винфрид ЛЕШБУРГ.
«ТАЙНА ВЕЛЛИНГТОНА».

- 29 Роман Сергея ВЫСОЦКОГО
«АНОНИМНЫЙ ЗАКАЗЧИК».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК,
А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель
главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный
секретарь), И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ,
Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ,
В. П. СЕРИКОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник),
Б. А. ФАИН (заместитель главного редактора), В. В. ЧИКИН,
О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник Е. М. Ульянова. Технический редактор А. В. Исаева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1983 г.

ЛЕНДИ

точно. Окажись в момент посадки под самолетом камень, или рытвина, или бугор — и все усилия летчика спаси машину будут напрасны. Это — первое. Далее, в решающий момент могут выйти из строя рули. Тогда машина просто повалится на землю — неизвестно, под каким углом и как. С шасси садиться нельзя: любое отклонение по углу снижения в момент касания с землей вызовет катастрофу.

Шульга опять напомнил насчет баков.

— Сейчас, — ответил Дронов.

Он умышленно тянул время, держа пальцы на тумблере сброса. Потому что под ним в пыльной завесе по полу ползла вереница тракторов, а точно рассчитать траекторию полета баков возможности не было. Объяснять это руководителю полетов он не стал, времени и так оставалось в обрез.

Когда трактора остались позади, он нажал на тумблер. Самолет слегка подбросило вверх. Вернее, это показалось Дронову, облегченная машина просто приподняла нос и чуть выровняла угол планирования. Он подумал, что могут представить себе люди, видевшие, как от самолета отрываются и падают вниз топливные баки, так напоминающие внешние авиабомбы. Это наверняка на какое-то время прервет их работу, может быть, даже испугает. Но это простиится ему. Дронову, если он в конечном итоге победит.

Впереди была дорога, над ней высоковольтная линия электропередачи. За дорогой поле — желтое, скошенное, еще не тронутое плугом. Это поле — единственная пригодная площадка для Дронова. Его единственный шанс. Но надо еще перетянуть через дорогу и, главное, через провода.

По дороге медленно плыл бензовоз. Дронов, рискуя сорвать рули, резко и

х — Посадку выполнил. Самочувствие нормальное. — Потом ему показалось, что его голос могут не услышать, и повторил уже громче:

— Я — 058-й...

— Слыши тебя, 058-й. — Это был Кузнецов. — Понял. Докладываю, что у тебя все в порядке. Молодец... А теперь отходи от самолета. Быстро.

Дронов отстегнул ремни, открыл фонарь и вылез из кабины. В лицо ударило теплым ветром и запахом скошенного поля. Он отошел от самолета и, соблюдая требования безопасности, лег в неглубокую выемку. Лег прямо на спину, покалывающую спину острыми иглами, продолжая жадно вдыхать теплый ветер, запах земли и жизни.

Потом к нему подбежали люди, которых он видел возле полевого стана. Подъехал бензовоз, и шофер, улыбаясь, подсунул ему под голову ватник. Потом прилетел вертолет, и из него высаживали свои, летчики, а с ними Шульга. Он подошел к Дронову и долго его ощупывал и говорил:

— Ну что, натерпелся, парень, только честно? Бывает. На то мы и летчики, чтобы летать, даже когда летать нельзя. Я знал, что ты сядешь. Верил...

Потом он учился дальше и осваивал новые, более современные машины. Был избран делегатом XIX съезда ВЛКСМ, за проявленное мужество награжден орденом Красной Звезды. Стал коммунистом. Он многое успел за время своей учебы не только в профессиональном смысле, но и в общечеловеческом. Я это понял, наблюдая за ним во время занятий, полетов, общения с товарищами. Он еще учится. И как военный летчик будет продолжать совершенствовать свое мастерство. Но главное он уже умеет — идти до конца. Он доказал это.

БЕГАЙТЕ НА

Физкульт-УРА!

Александр БОЙКО,
доцент,
кандидат педагогических наук

На стадион пришел фотокорреспондент и, как того требовало задание, сделал снимок (в центре), затем, импровизируя, — второй и, уже выйдя со стадиона, — третий...

Согласитесь, получился интересный фоторяд. Распределение «ролей», как в жизни.

Уже давно я наблюдаю непостижимый феномен, охвативший зрелых людей в завидном стремлении изменить свою жизнь. С огромным желанием, не подстегиваемые честолюбивыми намерениями, люди жадно читают популярную литературу, гарантированную здоровье, и неутомимо пробуют все на себе.

Сегодня процесс активного вмешательства в свою жизнь уже необратим. Откуда пришло это повальное увлечение бегом? От спорта? Да, от спорта! Великие бегуны позвали за собой не только юных последователей, но и тех, кто никогда не посягнет на их звонкую славу. Лет от тридцати пяти — реже, от пятидесяти пяти — чаще люди все больше тянутся к бегу — универсальному уп-

ражнению всестороннего оздоровления.

И, радуясь этому, я задаю вопрос: а что эти люди делали раньше? А раньше было вот так же, как на крайней фотографии. Молодость! И много свободного времени, которое только в безмятежные годы давать некуда... И еще было отчаянное (если можно так выразиться) здоровье. И молодецкая сила ломила с утра. И хотелось дать выход застоявшейся энергии. Тогда, в славные годы молодости, почему-то казалось, что это труднообъяснимое ощущение здоровья останется с тобой навсегда...

Думали ли так четверо мужчин, бегущие нам навстречу? Не знаю. Но кажется мне, что мужчина слева со спортом знаком. Как тренер, не могу не отметить спокойную сосредоточенность его лица, спортивность фигуры и правильную работу рук при беге. Не знаю, но сдается мне, что двое мужчин, бегущие справа, чем-то похожи друг на друга и спортом не занимались. А сегодня, дойдя до критической точки (достаточно взглянуть на их талии), спохватились и отчаянно бросились в трудную схватку. Борьба им предстоит долгая и упорная. Кто кого?

Каким был мужчина, бегущий в центре? Не знаю. Судя по развороту плеч, наверное, спорта он не миновал. Могу предположить, что все четверо по-разному чувствуют себя в том возра-

сте, который уравнял их в одном забеге.

На этом снимке есть еще один участник. Он сидит, развернув газету, а на самом деле наблюдает. А может, мысленно подтрунивает над бегущими. Не пытайся определить его возраст, так и тянет подсказать: пожалуйста, отложите газету! Его Величество Стадион с щедростью предлагает свои просторы: пользуйтесь! Нет, не торопятся моло-

дые, сидят на скамейках, потягиваются, посмеиваются, возможно, шуточки отпускают. Со стороны, наверное, смешно: бегут толстые, неуклюжие мужчины, и не сразу рассмотришь, что это им не только в необходимость, но и в радость. А ведь погрузнее, посолиднее, эти ребята все равно спустятся на дорожку, у них просто нет другого пути. Это закон жизни, и его ничто не может изменить.

ЗДОРОВЬЕ!

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Третья фотография: девушки изучают репертуар кинотеатров, знакомясь с афишами, расположенной по совпадению вблизи от стадиона. Но если, предположу, не найдут они в программе фильма, который бы по-настоящему заинтересовал их, заглянут ли они тогда на стадион? Есть ли у них истинная потребность в движении? Осознают ли они, как это важно — не проходить равнодушно мимо

стадиона, подлинного храма воздуха и здоровья?

Все возвращается на круги своя...

И мальчики и девочки придут к тому, что так необходимо им уже сейчас. Движение как форма существования никогда не бывает излишним, как, например, сон или еда. Сон и еда — это жизненная потребность, движение — жизненная необходимость.

...После окончания института физкультуры мне довелось поработать в детской спортивной школе и в сборной команде страны по легкой атлетике. И все эти годы я встречался с молодыми людьми, страстью желавшими добиться высоких спортивных результатов. Работая с ними, я, к стыду своему, и не задумывался о тех, кто не претендовал на звание мастера спорта. Мне казалось, что и тех, кто стремится стать настоящим спортсменом, бесконечно много. Да, так я думал, и, наверное, так же думают те, кто работает в сборных командах сейчас.

Но только тогда, когда я несколько отошел от спорта, по-настоящему рассмотрел разницу между теми, кто активно стремится к высоким спортивным результатам, и теми, кто пассивно наблюдает — с трибун ли стадионов, на экранах ли телевизоров — за спортивными соревнованиями, не выходя на беговые дорожки. А они, эти дорожки, хронически пустуют на многих-многих стадионах, служат молчаливым укором молодежи, равнодушно, беспечно относящейся к собственному здоровью.

Пишу об этом, глядя на жизнерадостные лица ребят и сосредоточенно-устремленные лица девушек. Больными или слабыми ни тех, ни других не назовешь. Но ведь и суть трех фотографий не в фотообвинении, а лишь повод для

размышлений. Почему физкультурная активность детей постепенно исчезает в юношеском возрасте? Почему такая же активность отсутствует в среде вечно занятых взрослых? Почему же эта активность стремительно возрастает у людей пожилых?

Гляжу на мужчину, бегущего в центре, и на мальчика, потягивающегося от избытка сил. На мужчину, бегущего справа, и на мальчика, вон того, сидящего выше всех. И мне кажется, что они похожи друг на друга, как внуки и деды. Не значит ли это, что им надо быть вместе, в движении? Во имя здоровья! Во имя гарантии от сердечных приступов, стегающих нас беспощадным бичом нашего века. И еще: во имя того, чтобы стать лучше. Можете не сомневаться, вы станете себя уважать больше, если сумеете преодолеть себя.

Прекрасная молитва древних мореплавателей гласит: «Пошли мне, бог, берег, чтобы оттолкнуться, мель, чтобы сняться, шквал, чтобы устоять!» Пожалуйста, вдумайтесь в смысл мудрого заклинания. Лучше заранее пройти через трудности ожидаемые, нежели спасовать перед неожиданными. И физическая культура в любом ее виде — не только утилитарное приобретение здоровья, но и существенное укрепление себя во имя непредвиденных трудностей, ожидающих нас.

КАК БЬЕТ РОДН

Литературный глобус «Смены»

Георгий
КОНСТАНТИНОВ

Перевели с болгарского
Сергей БОБКОВ и
Александр РУДЕНКО.

Лимоновое деревце

Удивляйтесь, как светом победным
мои листья напиться смогли
здесь—
под низеньким комнатным небом—
от родимого юга вдали...
Поражайтесь нечаянной мысли:
как зимой удается мне цветь?..
Заблуждения есть в моей жизни.
Но и жизнь
в заблуждениях есть.

Ожидание

Земля, готов принять слова твои...
Спокойно жду я приговор суровый—
мечтал о славе, падал от любви
и по ступеням дней шагал я снова...
Встречал снега и стаи вешних птиц,
с ночными молниями я прощался,
летел к зениту, обращаясь в прах,
кричал от боли или притворялся...
На божества скептически глядел...
В того, кто мне не верил,
верил свято...
Земля, не нужен мне иной удел.
И жалости мне от тебя не надо.
Придет ли срок —
ты не щади меня,—
спокойно встретит
грудь моя остуду...
Я верю только в голос твой,
Земля, — во мне была ты...
И в тебе — я буду.

Как бутылка, где скрыто
письмо,
к побережью морскому —
прибывает чувство
само
прямо к сердцу живому.
Миг судьбы —
и внезапно
светло
чувство блещет в лазурь...
Только помни,
что к жизни твоей
принесла его буря...
Оно слушало
темных глубин
рекотанья глухие.
И не раз
были властны над ним
направлены слепые...
Терпеливое,
дня дождалось —
чтоб тебя растревожить...
Ты прими его.
Или отбрось — если можешь...

«В поэзии Георгия Константинова есть нечто праздничное, улыбчивое и всегда глубоко интимное и подлинное. Богатый духовный мир нашего современника пульсирует здесь просто, искренне и чисто — как бьет родник, как веет ветер, как течет время», — сказал о творчестве болгарского поэта его известный собрат по перу, председатель Союза болгарских писателей Любомир Левчев.

Георгий Константинов — лауреат премии Дмитровского комсомола, автор десяти стихотворных сборников. Не однажды избирался президентом Советско-болгарского клуба творческой молодежи.

Предлагаем вниманию читателей подборку стихотворений поэта из новой книги «Личное время».

Не сплю.

Погасло освещенье.
И птицы в комнату влетают...
За окнами ведут сражения ветра...
А с кем — пока не знаю...
Потоки гневные клокочут,
терзая корни краснотала...
Влюбленные олени плакут,
копытами кромсают скалы...
И снова запах смол струится...
Беззвездный небосвод нахмурен!
Спи, милая...

Тебе присниться
я не хочу в такую бурю!

Спокойно спи...

Чтоб я не снился
тебе и лунною зимою...
С ветрами я давно сроднился —
они нас разлучат с тобою!
Но среди долгих и мгновенных
ночей —

с тревожным постоянством —
раскинув руки, как антенны,
еще зову тебя в пространстве...
Спи... Спи... Погасло освещенье.

И птицы в комнату влетают...
Светает.

С кем ведут сражения ветра —

уже я точно знаю.

Электронная собака

Напоследок
сюрприз был огромный:
экспонат
сам
внезапно включился,
и навстречу нам
пес электронный
нарастающим лаем залился...

Вот — согласно программе —
блеснули
глазки круглые
«бешеной» злостью...
Он не знает усталости, боли...
Не обманется
вкусно костью...

Много брошено мысли
и денег,
чтоб добиться успеха такого:
электронный
надежно заменит
пса живого —
сторожевого...

Несомненно — научное чудо!
Разволнованы все мы,
не спорю...

Но я вспомнил
про нашего Мурджа,
что виляет хвостом на подворье...

Никого он не удивляет.
В лапах
кость беспринципно сжимает...
Экспонат
замечательно лает...
Только Мурджа
еще и кусает!

Орбита

Средь проводов
с высоким напряжением,
под сенью крон и
серебристых крыл,

Земля,
я чувствую твое движение
в безбрежности созвездий и светил.
Кто я такой?..

Внезапная пыльница
средь желтой бури —
с крошечным теплом...
В метели — безымянная снежинка...
И по орбите

я иду пешком.
Бессонный океан кипит и стынет.
Он растворяет камни и следы...
Но жить хочу я долго

на равнине —
пшеницу сеять и срывать плоды...
Дыханием жарким
согревать основы

весенних строек,
новых городов...
И в хаосе бесчисленных любовей
найти неповторимую любовь!

Над чертежом
и над цветком склоняюсь...
След оставляю
на своей тропе...

И, ненадолго
с солнцем расставаясь,
любуюсь
переливом звезд в реке...

И будут сердца радиосигналы
лететь в грядущее —
покуда жив!

Я на своей орбите...
И едва ли ее
космический изменит взрыв!

Оставил я дыханье
на тысячах окон.
Мои мечты незримо
сквозь облака летели.
Свои следы терял я,
метелью занесен.
Входил в ботинках грязных
в роскошные отели.
Я — будничный, беспечный —
был здесь и там порой...
И согревало руки мне пламя автогена.
Я пил вино в бараках,
пахнущих сосновой.
В прощальных взглядах таял —
как ранний снег — мгновенно...
Живу ли?.. Да! Живу я!
Сквозь мрак и свет иду!
Жизнь в чемодан потертый
повсюду собираю...
Я понимаю шутки,
обиды, доброту...
И кое-что в любви,
наверно, понимаю...
Внезапные улыбки!
Надежд внезапных взлет!
Глаза, где блеск заката...
И утра молодого...
По длительным маршрутам
душа моя снует...
После разлуки быстрой
она вас ищет снова!

*
Те люди хороши, которые
не ведают своей цены,
в свет превратив водонапоры,
посевя хлеб в полях страны.

Они идут без проволочек
на побережье и в леса
и ставят —
в стужу, в бурю — прочно
курортов летних корпуса.

Они пасут стада на взгорьях,
чтобы можно было всех одеть.
Их жизнь ведет по сменам,
гонит
конвейерную круговерть.

Усталости не нужен дансинг!
Что делать,
но, спеша домой,
театры и танцкласс
подальше
они обходят стороной.

Когда по сцене Гамлет бродит
иль демон лебедя попрал, —
их руки жесткие заводят
будильники на пять утра.

*

Вдали — обыденности быт,
вдали — расплывы слов туманных, —
шоссе
как будто черный бинт,
мои заматывает раны.

Вместе с автобусом дрожу,
спеша из дымки порубежной...
Пусть поворот.

Я выхожу
на зов единственной надежды.
Дорога к самому себе.
Я без плаща,

без шляпы модной.
Дождь отдается в голове
необычно тайным кодом.

Дождю,
кородичу морей

и гордых облаков высоких,
нетрудно вызнать до корней,
зачем мечусь без подоплеки...
Мне тоже нравится летать.
Да больше занят пустяками —

живу,
врастая в будней стать
между землей и небесами.

Трава под ноги — словно шелк...
Взмахну,

как крыльями,
руками...
Я вроде путь к себе нашел,
но люди — цель моих исканий.

ИКУ как веет ветер

Рисунок Валерия Черкашина

Река Шехерави

Среди ущелий стылых, среди утесов вечных
дорогу преградила неведомая речка.
Она летела звучно сквозь лунные дубравы...
Шофер сказал задумчиво,
что это — Шехерави.
Затеряна без вести... И в песнях не воспета...
Но дождь пройдет, — воскреснет внезапно речка эта...
Во все глаза глядел я, как, распыляя капли,
извитая, блестела она грузинской саблей...
Своим дыханьем влажным нас поманила речка,
услышав звуки нашей разноязыкой речи...
На камни опустились мы около утеса,
по кругу поделились последней папирисой...
К воде склоняясь часто, горстями воду лили...
И яблоко на части — четыре — разделили...
Приятели поэты, склоненные над бездной,
дожди иссякнут летом —
речной поток исчезнет!
И в миг внезапной боли мы замолчим, я знаю,
там где-нибудь у Волги, у Влтавы и Дуная...
И в одиночку каждый
тот миг переболеет,
когда от горькой жажды вдруг небо потемнеет...
Но в памяти безгласной мы различим,
как речка
нас призывает ясно разноязыкой речью...
Когда нам будет плохо под зноем и ветрами —
для нас —
в горах высоко воскреснет Шехерави!..

Живая случайность

Я видел дерево, приросшее к скале. Растет, изнемогая, подпорой синеве. От жажды почернело, распятое стихией, чуть вздыбится — и снова сгибается бессильно... С потрескавшимся камнем ведет борьбу упорно, — цветет как бы случайно, но не мертвят корни, и древо зеленеет... И знает, пусть нелепо, действительную цену за приближение к небу.

Письмо

Расплакалась опять
от чувств молниеносных...
Не надо поспешать —
на крыльях —
ко мне...

Где б ни была ты,
коль одержима в том
желании возврата, —
приди ко мне пешком.

Бреди дорогой тихо
и погаси порыв —
как некий странный вихорь —
забыть про наш разрыв.

И по дороге длинной
в теченье трезвом дня
случайных птиц картино
пригрей вместо меня,

целуй сирени кисти
на утренней заре,
к другим меня причисли,
сравни — они добрей.

Но если покоряет
мечта упрямая плоть
и память не швыряет
цель твоих странствий прочь —
ты в небывалый миг
замрешь передо мною...
В честь поисков твоих
нам — рядом быть,
не скрою.

Доступная цена

Мне в поезде рассказывал попутчик
(в пути знакомства заводить нетрудно),
что по дешевке — вот счастливый случай! —
он дом купил в сельце —
почти безлюдном...
Добротный дом!

И не из этих новых...
Все настоящей стариной дышит:
дом — с очагом,
с лежанкою дубовой,
со ставнями
и с черепичной крышей...
Дом — от шоссе поодаль...
Над рекою...
Опрятный дворик — весь —
в айве, в инжире...
Он летом выбирется порою
на поезд туда...

Иль на машине...
Я слушал. И завидовал сначала.
Потом застыл от мысли невеселой:
вот мы приходим
с чувством запоздалым —
туристы, горожане —
к тихим селам...
К себе они влекут нас
все сильнее —
домашним хлебом,
ключевой водицей...
А в поле вряд ли
различить сумеем,
где там овес растет,
а где пшеница...
Найти бы старый дом —
и вся забота!

Цена доступна...
«Купчая» готова...
Звучат шаги...
В село вернулся кто-то...
Но не его ждала земля...
Другого!

Может, счастьем обделен...
Но на жизнь гляжу не скучно.
Силы есть. Здоров мой сон.
Добываю хлеб насыщенный.

Путь мой был крутым...
Но все же
твердо о себе я знаю:
ни предательство, ни ложь
не пятнали мое знамя!..

Презираю всей душой
тягу к собственности липкой...
Но по жизни молодой
со своей иду улыбкой!

Синева небес я рад
в дни печалей и ударов...
И лишь этот скромный дар
получил от жизни
даром.

Рождение источника

Отцу.

Кто видел,
как рождается источник?
Приподнимается земля
перед глазами.
Кустарник беспокойно шевелится.
И — раздвигаемая светлым звоном —
потрескивает ломкая трава.
И муравьи бегут, обятые страхом.
И камень падает. И, вспыхнув ярко,
неудержимо льется чистый свет!
Источник это.
Обыкновенное земное чудо.
Порою не хватает жизни,
чтоб его увидеть.
Отлей же от него глоток,
счастливец, и назови его!
Но никогда не говори:
«Он только мой!»...
Уже он устремился к морю...

Последние известия

Давным-давно не новы войн
прибой и плеск холодных волн.
И для моей желанной не секрет,
что я люблю ее так много лет.

День завтрашний
стучит в мое окно.
В руках держу заветное письмо.
Как никогда,
светлеет жизни путь —
вчера мой сын
отважился шагнуть!

Не возвестит о том ничья печать.
Но разве мне пристало замолчать?
Транзисторы гремят.
Богов я обсмею, —
лишь метеопрогнозы признаю!

Метеоролог,
ты весну сулишь,
о мерах неотложных говоришь
при бедствиях...
Мы будим —
тебе в ответ.
Так обещай повсюду теплый свет!
Гряди скорей,
зеленая волна!
Под звонкий хохот торжествуй,
весна!
Пусть сообщат газеты и эфир:
ходить умеет самый новый мир.

Поезд в ХХI

Игорь КУВШИНОВ

Работа есть работа

На линейке я оказался рядом с мастером Геннадием Федоровичем Никулиным. Линейка — построение всего училища — проводится перед занятиями в начале каждой недели. В коридорах, вдоль стен, в вестибюле, на лестничных маршах, на втором этаже стоятся группы. Староста сдает рапорт мастеру, мастер — дежурному по училищу. Линейка транслируется по радио, чтобы все могли слышать все. Во время этого утреннего построения-сбора каждый может встретиться с каждым. Мальчики и девочки — с мастерами, мастера — с педагогами, педагоги могут увидеться с учащимися, которые не появляются на занятиях.

Я попросил Геннадия Федоровича Никулина рассказать мне о себе и о своей группе.

— Ну, что рассказать, вот, например, понедельник. Я хоть человек и не суеверный, но думаю, если понедельник прошел хорошо, то до субботы все будет в порядке, а не задался этот первый день — вся неделя идет кувырком. Главное — дела правильно распределить, а дел у меня и на сегодня и на всю эту неделю много. Правда, у мастера почти всегда много дел. Я должен проконтролировать свою группу, то есть выяснить, что случилось с отсутствующими: заболели, прогуливают, вызваны в военкомат и так далее. Потом у меня у самого сегодня еще уроки, ведь я преподаю не только специальность своим ребятам, у меня еще есть часы. Родители одного парня сегодня ко мне придут, с ними нужно поговорить. В семью другого я сам должен сходить.

— Зачем?

— Да поглядеть, что у них там и как. Хороший парень, на ровном месте — словно осатанел. В день практики я еще должен сходить в дело, узнать, как мальчишки работают, как им закрывают наряды.

Дежурный по училищу вызвал Никулина сдавать рапорт, и он ушел, так до конца и не рассказав о всех делах и заботах. Потом он вел по узкому длинному коридору группы на первый урок. Мальчишки шли след в след за своим высоким, сильным мастером, вытянувшись длинной цепочкой и повторяя почти каждое его движение.

Этот проход всплыл у меня в памяти двумя днями позже, когда я увидел стенную газету, выпущенную группой некоторое время назад.

Газета висела в «качалке» — так в училище именуют небольшой зал секции тяжелой атлетики. Здесь установлены штанги, гири, гантеля, другие снаряды, некоторые из которых сделаны самими учащимися. По сути, это второй кабинет Никулина, и тут собирается много ребят. Ведь сила в их возрасте — это почти абсолютная добродетель. Качество, необходимое и, по их мнению, подчас достаточное для счастливой, наполненной жизни. И парни накачивают, накачивают, накачивают силу.

Здесь, в «качалке», царит будоражащая атмосфера страсти, накаленная разгоряченными молодыми телами. Правда, в дискуссиях часто верх у того, у кого голос погромче. Но зато здесь обсуждаются все вопросы — от глобальных до бытовых, и во многие проблемы именно тут я был посвящен ребятами. Здесь же один паренек — Слава Чебак — показал мне стенную газету.

На листе ватмана через пригорки и горы ехал

железнодорожный состав. Девятнадцать вагончиков, похожих на игрушечные, тащил игрушечный паровоз. В каждом вагончике была фотография мальчишки из группы, с шутливой (но только отчасти шутливой) подписью. Ну, а в качестве машиниста на фотоформатом побольше был изображен Никулин. Рассматривая эту немудреную композицию, я подумал, что, наверное, так же и в жизни: на своих плечах тянет мастер группу из двух десятков озорных мальчишек к овладению знанием и мастерством рабочего.

Эта аналогия приобретает еще большую правомерность, если помнить, что мастер, так же как машинист, почти ни на минуту не может покинуть свою работу.

— Вторник, — рассказывал Никулин. — Во вторник у нас раньше была практика в мастерских училища. В основном это слесарное дело. В общем, по металлу работа. Мастерские у нас неплохие, у каждого свой верстак, инструменты. Я этим занятиям придаю большое значение: в принципе это профессиональная база. Если ребята научатся с легкостью владеть напильником, молотком, зубилом, то и более сложные работы не будут казаться им нудными. Тут надо автоматизм наработать, технику. И надо сказать, что ребята на эти занятия идут с удовольствием. С удовольствием, потому что в большинстве своем они любят мастерить.

Один парень даже сказал как-то: «Я теперь, Геннадий Федорович, даже если один на всем свете останусь, все, как Робинзон, сделаю».

Вторник для ребят был и приятным и одновременно тяжелым днем. Приятным, потому что разнообразие — не уроки, мастерить можно; тяжелым — потому что все-таки целый день нужно работать. Работа от человека, помимо всего прочего, требует просто привычки, привычка же эта есть далеко не у всех. От этого, особенно во второй половине дня, ребят одних в мастерской лучше надолго не оставлять.

В среду в «качалке» я встретился со Славой Чебаком. Какой-то очень ладный, хорошо скроенный парень, уже не мальчик, и повадка мужская чувствуется, уверенность в своих силах.

— Эх, жалко, — сказал он, — у нас сейчас практика, мы работаем в разных местах, а то б мы все с вами встретились, у нас отличные есть ребята. Когда нас в начале учебы впервые собрали, все были такие застенчивые, пугливые. А за эти три года ребята так повзрослели! Когда видишься каждый день, все так незаметно. А вот разошлись мы на практику, и столкнувшись с кем-нибудь из ребят — только диву даешься, что за парень идет — знающий себе цену. Уверенные стали, спокойные.

А потом сказал:

— Я мечтаю десантником стать, — и прочел на память слова известного генерала: — «Тот, кто не испытал парения в свободном падении затяжного прыжка, кто не знает жаркой схватки внезапного боя, беззаветной помощи друга в изнурительном марш-броске, тот не сможет почувствовать и понять доблесть и гордость десантников».

В Славином желании не было ничего необычного. Очень многие ребята из ПТУ бредят мечтой стать десантником. Наверное, вообще стоит отметить, что наряду с увлечением рок-музыкой, наряду с безусловным поклонением автомобилию стремление в десантные войска тоже приобретает сейчас у ребят характер культа.

— Знаешь, я знал одного паренька — у него уже до

армии было двадцать парашютных прыжков. А подошел набор, в десант его и не взяли: не хватило трех сантиметров роста.

Чебак распрямился, натянулся струной.

— Нет, у меня с этим все в порядке, свои сто семьдесят пять я уже как два года набрал. И Геннадий Федорович обещал сходить в военкомат, поговорить, если будет необходимо. Не смогут они не взять меня. Если нужно будет, я еще вырасту, — твердо сказал мне он.

Да, член только не приходится заниматься мастеру группы: и учить, и поить, и кормить, и женить, и вот в военкомат ходить, и главное еще — предвидеть, хотя бы чуть-чуть обгоняя время, что будет необходимо его воспитанникам, что они могут сделать в следующий момент. Мастер живет в многограниченном мире. Как говорит сам Никулин — в мире неограниченных возможностей.

— Чтоб ребятам с тобой интересно было, — говорил мне Никулин, — ты сам должен быть интересным. Он задумался. — Правда, есть еще способ держать их в руках — сделать так, чтоб они боялись. Каждый выбирает тот путь, который ему по плечу, по душе, по сердцу, если, конечно, у человека есть сердце. Каждый только должен иметь в виду: если мальчишки будут бояться, они вырастут и тоже заставят бояться других людей, те, в свою очередь, — кого-то еще, так что рано или поздно этот круг на тебе замкнется. Вынуждая бояться, сам неизбежно будешь в страхе жить.

Я считаю, здесь от меня пользы для жизни больше, чем где бы то ни было. У меня вот какие взгляды: я думаю, мы должны прямо говорить нашим учащимся, что любимой работой в жизни удается заниматься немногим счастливцам. Нельзя одурачивать человека, пользуясь его детской неразумностью и говоря, что у каждого будет возможность заняться именно тем, чем он хочет, иначе, не выдержав разочарования, он может и в циника превратиться. Нет, многие будут заняты тем, что прежде всего необходимо государству, хозяйству, и это не всегда совпадет с их желаниями.

Вот, к примеру, знаете, сейчас люди, и особенно молодежь, не любят грязной работы. Нет-нет, в прямом смысле, не то что там мошенничество какое-нибудь, махинации. Нет, просто работу, связанную с сажей, смазкой, пылью, красителями. У мальчишес есть даже такая расхожая мудрость: работу надо-де выбирать так, чтоб после нее можно было, не переодеваясь, идти в театр. Вот ведь, оказывается, какие театралы завязты.

Ремонтникам-осмотрщикам вагонов сложно, как вы понимаете, на работе содержать себя в чистоте, и большинству из них это страшно не нравится. Но я пытаюсь их убедить, что работа, настоящая, добросовестная работа — это почти всегда «грязь». Да. Даже если это чистый композиторский труд или стерильно чистое ремесло хирурга. Все равно — в нем огромная доля изнурительного, «грязного» труда.

Практика

На практику в дело мы пошли через день, в пятницу. В четверг я был на производственной практике в другой группе, занимающейся подчеркнуто чистой

ВЕК

Рабочая повесть «Смены»

работой, группе Калле Казепалу. Это группа монтеров связи, централизации и блокировки.

МРЦ — пост маршрутно-релейной централизации. Здесь место работы дежурного по станции.

Воспитанники Калле проходят практику рядом, в КИПе — отеле контрольно-измерительных приборов. Они как раз и следят за обеспечением надежности их работы. Ребята чистят контакты, смазывают движущиеся механизмы, на стенде испытаний под определенным напряжением замеряют время срабатывания реле и время отказа вслед за размыканием цепи. После осмотра механик ставит бирку с датой и свою подпись. С этих пор он несет персональную ответственность за работу реле. В халатах, в окружении точных приборов ребята уже сейчас выглядят умельцами, опытными лаборантами. Одного спора работающего парня спрашиваю, нравится ли ему его дело.

— Очень, — смеясь, говорит он, — положенное после училища отработаю и уйду обязательно.

Непонятно, шутит он или всерьез, но похоже, шутливую форму избрал специально, чтобы сказать правду.

— Почему?

— Хочу спать спокойно.

— Чего же тышел сюда?

— Думал, работа непривычная, от и до, выходные по календарю, халатик. — Он двумя пальцами оттянул на груди халат. — А вышло, — похоже, парень снова принял ерничать, видно, опять говорит какие-то скривленные вещи, — а вышло — на каждый футляр нужно свою фамилию ставить, а если вдруг не сработает что-то?! Вдруг авария? А вдруг люди погибнут? Из-за меня! Не, — решительно сказал он, — я не переживу.

Мне запомнился этот ловко работающий юноша: он немного ломался, но чувствовалось — груз ответственности для него — не пустые слова. Он давит ему на плечи, и пока еще ему не под силу выносить его тяжесть.

Важно только, чтоб человек не сформировался как личность и вообще не желающая нести ответственности перед людьми, перед собой. Страшно, если к этому чувству он будет относиться всю жизнь как к балласту, не позволяющему достичь высот блаженства и свободы.

А в пятницу мы с Никилиным вошли в вагонное депо.

Депо не место стоянки, а что-то вроде поликлиники и санатория для вагонов. Если необходимо, их лечат здесь, нет — делают профилактику.

Вагон только на вид совершенно прост. Колеса, салон — приспособленный к локомотиву да знай кати. На самом деле и его тормоза, и ходовая часть, и электрическое, и сантехническое, и вентиляционное оборудование представляют собой довольно сложное вагонное хозяйство, требующее в эксплуатации и профессионального понимания и ухода тоже профессионального.

Егоров, один из воспитанников Никилина, с напарником работали в сборочном цехе. Они снимали с вагона поглощающий аппарат: это устройство, которое гасит удары между вагонами при торможении, смягчает рывок, когда состав отправляется в путь.

Руководил — и кстати, работал тоже — в основном Егоров. Напарник, что называется, подсоблял.

Загнав под днище специальное приспособление, ребята отжали конструкцию, которую им нужно было демонтировать, пневматическим коловоротом отвернули гайки, но крепежную плиту, открытую в эксплуатации и ветрам, и дождю, и снегу, прихватило намертво. Как кузнец и молотобоец, деловито и точно работали зубилами и кувалдой. Один был ведущий, другой — понятливый, исполнительный, сильный ведомый. И наконец, стальная плита подалась и свинулась с мертвотой точки. Только после этого ребята, вспотевшие, перемазанные, вылезли из-под вагона. Егоров подошел к нам, улыбнувшись, рукавом старого солдатского кителя утер пот со лба.

— Что, тяжко работается?

— Да когда как, — сказал он. — В общем, привык уже, полюбил даже. — Они понимающие переглянулись с Никулиным.

«Настропалил», — подумал я грешным делом про мастера, — как «нагрузить» журналиста, чтобы он довольный ушел. Но следующие слова Егорова заставили поверить ему.

— Побоялся? — спросил я. — Это за что же, интересно узнать?

— Да получаться у меня все стало, — сказал просто Егоров. Подумал — видно, показался ему не очень весомым ответ. А мне вот кажется, что весомее и не придумаешь. — Платят неплохо, — добавил он. — И еще, знаете, никто не гонит. Нет, тут, конечно, тоже есть план, я с утра знаю, что за день должен сделать. Но главное — чтобы я все исполнил к сроку, а уж когда чем заниматься буду — до обеда, после обеда или под конец смены — это уж дело мое. Вот у меня же — она на конфетной фабрике работает, на конвейере, сил не тратит, кругом шоколад, а устает больше. Мы пошли дальше.

В амортизаторном отделении востроносенский парень с глазами, похожими на две черные изюминки, разбирал гидравлический гаситель колебаний — собственно, это сам амортизатор и есть. Он разбирал его, чистил, менял масло и сальники, защищал номера и шел к стенду. Испытательный стенд моделирует нагрузки, которые испытывает амортизатор во время движения поезда. Самописец на стенде чертил кривую, и по характеру диаграммы можно было судить, в порядке амортизатор или еще требует регулировки.

И так в этом отделе все было любопытно и интересно, что я постоянно расспрашивал паренька:

— А это что? А вот то? А вот это?

Он, смеясь, объяснял: для него все это были вещи обыденные.

— Это компрессор, это поршни... А вот болт, — объяснял дальше мой гид, — а это вот гайка, болт вкручивается в гайку, а это вот гвоздь — он вбивается в стенку.

— Понятно, — сказал я. — Ты, наверное, Остриков? Вот если бы ты мне показал что-то такое, что мне никто не показывал, вот это было бы дело. А то — гвоздь, гайка.

— А вы уверены, что на самом деле хотите такое увидеть? Что ж, пожалуйста, одну любопытную штуку продемонстрирую.

Он решительно пошел вперед.

— Володька, — сказал он, когда мы вошли в одну из мастерских локомотивного депо. — Товарищ из центра, продемонстрируй-ка ему скоростемер.

Володя Богданович положил перед мной не совсем понятный опломбированный прибор.

— Вот, — сказал Остриков, — фиксирует превышение скорости на всех участках пути. По прибытии открывается, и лента с графиком твоего движения вручается ревизору. Вот так-то: едешь-едешь, а захочешь дернуться, сделать что-нибудь, что тебе не предписано, сто раз подумаешь. Внутренний шпион. Не знали про него?

— Не знал.

— А интересно, правда?

— Правда.

— А почему, хотите скажу?

— Ну, скажи.

— Деталь машины, а на размышления наталкивает. Причем — о человеке. Точно?

— Точно.

— Ну ладно, счастливо, — сказал неожиданно Остриков, — мне уже пора.

Он оставил нас одних со своим товарищем в громадном высоком зале локомотивного депо, куда мы вышли из мастерской. Цеховой пролет был так велик, что, несмотря на то, что в разных местах копошились люди, слышался гул их работы, откуда-то сверху, справа, от электрода сварщика сыпались гроздья оранжевых искр — все равно казалось, здесь очень просторно, почти пустынно.

Как стая умных зверей, стояли на разных путях локомотивы, упершись взглядом в широкие запертые ворота. Сразу за ними начиналось хитросплетение бесконечных серебристых звенящих рельсов, опоясывающих страну, сразу за ними для быстрых сильных машин начиналась свобода.

Но сюда они попадали больными.

Будто вскрывая грудную клетку, с локомотива снимали капоты. Потом извлекали негодный дизель — весь в окалине, металл искорежен, словно надорвавшееся от непосильной работы сердце. Маслопровод и теплопровод, как сосуды изношенные — еще немногого, чуть-чуть, и лопнут.

Охватив стальной цепью и зацепив крюком, дизель на лебедке подняли вверх. Недолго и плавно проплыл по воздуху, он попал в руки людей, и они приняли его бережно, как живого.

Володя Богданович встал рядом с ним, постоял молча.

— Когда кольца в цилиндрах стачиваются, — сказал он, вытирая ветошью руки, испачканные маслом, — масло может наружу выхлестнуть и загореться.

Ему явно нравилось вот так стоять рядом с огромным машинным сердцем — сам небольшой, а хозяин.

— А то, что работа грязная? — спросил я.

— Ну что ж, что грязная. — Он задумчиво вытирая руки нитяными концами. — Вон как Геннадий Федорович говорит, — он улыбнулся, — человек тоже когда-то был создан из грязи, а не захочет — никакая грязь к нему не пристанет.

Калле Казепалу — нужный парень

Когда нас, наконец, друг другу представили, я понял, почему никак не мог его отыскать. На самом деле я уже видел тысячу раз этого летающего по всему училищу парня, просто даже в голову не приходило, что именно его, совершенно неотличимого от любого мальчишки, кое-кто может назвать правой рукой директора. Правда, имея в виду не административную, а научно-техническую работу. Но все равно.

— Калле, что-то вы сейчас там интересное конструируете с ребятами?

— Пока это еще секрет, — улыбнулся он.

Вот, пожалуйста, как все творцы — суеверный.

— Просто эта такая сложная вещь, нам приходится постоянно консультироваться со специалистами по электронно-вычислительной технике, и раньше времени хвастаться...

— Ну, ладно, расскажите тогда уж про то, что сделали?

Он задумался.

— Ну, свою первую медаль на ВДНХ я получил, еще когда здесь учился, за автоматизированный макет железнодорожной станции. А с тех пор... Много чего.

— Калле, а с мальчишками вам не трудно, слушаются?

— Ну, нас ведь двое. Я и более опытный мастер.

— Это хорошо, когда один старше, другой моложе?

— Конечно. Мне, например, молодому, жаловаться родителям на мальчишек — все равно что наяденичиать. Так что с родителями беседовать или мораль ребятам читать — это тот, кто постарше. А иногда просто вспылать им нужно. Как следует отругать. Это уж я. Это старшему не идет. — Он лукаво посмотрел на меня. — Расширяется сфера педагогических методов. Ну, а в смысле профессии, я ведь после политехнического института, радиоинженер, так что и нашу автоматику с телемеханикой знаю.

— Автоматика, телемеханика — это как-то очень современно звучит. Наверное, тут не приходится заставлять ребят заниматься, наверное, сами работают с интересом?

— Да, многие увлекаются, — сказал Калле. — Но вообще наша профессия не пользуется большой популярностью.

Вот это да! Как же так получается? Учатся с удовольствием, а работать, что же, не хотят?

— К сожалению, не от нас все зависит. Мы готовим монтеров по связи, сигнализации, централизации и блокировке. Чтобы в этом деле быть хорошим специалистом, необходимо разбираться в электросхемах. Но еще монтер должен смазывать оборудование, красить сигналы, профилактические работы вести. А если человек хорошо читает электросхемы, он всегда себе место найдет, где ни мальчишкам, ни слесарям не совсем не нужно. Значит, надо его привлечь деньгами или еще какими-то условиями. А у меня, к примеру, есть товарищ, с которым я вместе кончал училище, так ему дали такую квартиру, что в ней жить не хочется. А мальчишки, может быть, любопытны, чем многие взрослые. Все они разговаривают друг с другом и все знают поэтому. Так и выходит...

Вот как все получается непросто: подготовка многих специалистов, кадровая программа, чтобы стать успешной, должна подкрепляться целой системой мер. Только выучить человека зачастую оказывается недостаточно.

— Да, — улыбаясь, добавил Калле, — ребята теперь стали намного практичней.

Подумать только, сам на вид словно мальчишка, а

мальчишки ходят за ним, как на веревочке, может, именно потому, что он их переделывать не собирается?

— А самые трудные ребята — это те, которые ничего не интересуются, — сказал он вдруг горько.

Я понял тогда эту горечь, сразу сделавшую его старше. Понял, почему здесь педагоги тратят так много времени, сил и средств на разнообразные кружки и занятия, вроде бы и не имеющие прямого отношения к железнодорожному делу. Думаю, потому, что самим страшным они считают не плохую успеваемость и даже не отсутствие прилежания в работе, не грубость, не злобу, а безразличие молодого человека к жизни. Ведь, как правило, равнодушный и туп, и ленив, и зол, просто дремлют в нем эти чувства в состоянии покоя — но до поры.

— Наверное, потому что вы сами учились здесь, вам, видимо, легче ребят понять?

— Конечно.

— А как вы попали в это училище?

— Здесь очень большой элемент случайности. Поступил я в одно училище, не надо его называть, оно нормальное, но только я чувствую — не могу там учиться, ну, не могу! Не мое это дело. Ушел и подал заявление, чтобы сюда зачислили. Все документы представил, а свидетельство об образовании, говорю, принесу попозже. Начался учебный год — и что поднялось! То училище меня отдавал не хочет, а из этого я сам уходить не хочу. К нынешнему директору пришел, он тогда еще заместителем здесь работал, рассказал все, он говорит, ладно, иди и занимайся спокойно, как-нибудь разберемся. Из того училища меня отчислили, кстати, как непригодного ученика. — Он засмеялся. — Но это неважно, главное — я это с отличием окончил.

— А потом в институт поступили?

— Да, в Политехнический.

— И почему снова сюда пришли?

— Да опять случайно. Меня распределили в один НИИ, но меня работа там не устраивала.

— Мало платили?

— Не в этом дело, скучно там было, не тем приходилось мне заниматься, чем я бы хотел. И тут как раз меня директор снова позвал. Я с радостью согласился, тем более, что организационные все вопросы он тоже помог уладить.

«Какая же это случайность? — подумал я. — Это уже не случайность, когда один человек старается понять, к чему стремится другой, и целенаправленно помогает ему эти стремления осуществить».

Тогда мне и показалось: к Калле меня все отправляли не только потому, что он интересный изобретатель, хороший мастер и работящий парень, а потому, что он нужный в училище человек и ему училище необходимо.

— Калле, так все-таки что же вы там сейчас мастерите с ребятами?

Он весело засмеялся, как человек, с которым заговорили об очень приятных вещах, но остался тверд.

— А вот приезжайте на следующий год — увидите.

Валерий Попов и Евгений Копьев — самостоятельные люди

В комитет комсомола они ввалились с шумом и смехом, застряли вдвоем в дверях, потом, все же прорвавшись сквозь узкий проем, оба разом обняли секретаря комсомольской организации Люду Финагину, расцеловались с ней, поздравили с наступающим праздником. Она, смеясь, отбивалась и сквозь смех мне рассказывала, как они, все трое, вместе работали на дороге.

— Я уже где-нибудь под утро дежурю на станции, сил нет — спать хочется, за окном ни бело, ни черно — серость какая-то. В это время как раз почтально и тревожиться начинаешь, нервничать. А тут он состав ведет. — Она хлопнула одного из парней по спине. — И вдруг как по связи закричит мне из всех сил: «Люда, как жизнь?» Словно воду меня окатит. Я вздрогну, говорю: «Ты меня что пугаешь?» А он: «Ты не бойся, ты же хозяин страны». Это нам в училище говорили все время, что теперь мы станем хозяевами страны. Так у нас там был один парень... Он как-то набедокурил, его спрашивали: «Ты какое право имел себя так вести?» А он набычился и отвечает: «Я — хозяин страны». С тех пор и пошло: если боимся — за что-нибудь нагорит на работе или еще что-то, — так друг другу советуем: не дрейфь, ты хозяин страны. В общем, посмеялись мы с ним, дальше уж мне и дежурить легче. Да, я ж не представила, — наконец спохватилась она. — Это наши выпускники.

Валерий Попов напоминал внешним видом героев Джека Лондона. Богатырского роста, атлетического

сложения, в полушибке, с лохматой собачьей шапкой в руках, лицо крупное, рубленое — ну просто старатель с Клондайка.

А Евгений Копьев из того сорта воспитанных молодых людей, каких обожают все мамы на свете и которыми укоряют своих непутевых детей: «Вот посмотрел бы на Женю, что за парень — как учится, как зарабатывает, к родителям как относится». У него мягкие, приятные черты лица, негромкий голос и внимательный, но неназойливый взгляд.

Уже больше года как закончили ребята училище и работают самостоятельно. «Ну и отлично, — подумал я, — теперь на все можно будет взглянуть не только изнутри, но и со стороны еще».

— Как вы расцениваете уровень вашего образования и профессиональной подготовки?

— Ха, как расцениваем? — хохотнул Валерий. — Мы работой довольны и нами там тоже.

— Вот хвастунишка, — улыбнулась Люда.

— Хвастунишка не хвастунишка, а чего прибедняться?

— Значит, в общем, вы удовлетворены тем, как вас здесь учили?

— Понимаете, уровень теоретической подготовки, — Валерий заговорил серьезно, — у нас очень высок. Порой молодой парень теоретически подготовлен лучше, чем работающий уже много лет. И изучал все недавно, и голова моложе. А вот практически... Здесь, правда, не от одного училища все зависит. Чисто практических занятий нам необходимо побольше. Приступил я к работе — и вроде бы все понимаю, а как что взаимосвязано — еще не чувствую, автоматизм у меня не наработан.

— И вот еще что, — мягко добавил Женя. — Мы, так сказать, проходили основы на примере тепловозов Т-3 и Т-2. Про них говорят, что после войны они вывезли всю Россию и вроде они составляют большую часть парка страны, а пошли мы работать — их нету. Надо изучать те виды тяги, что есть в Республике.

Надо-то надо, но училище ведь не само комплектует свой парк. Заводы, объединения, крупные предприятия, реконструируясь, модернизируясь, свое оборудование отдают подшефным школам, училищам, техникумам. И вот на нем молодые люди овладевают рабочей профессией. Есть в этом своя справедливость — не выбрасывать же на свалку в конце концов, ведь не износившееся, годное... Не так мы еще богаты.

Но, видите, есть у этой экономии и еще одна сторона: такая прижимистость может обернуться и расточительностью, дополнительными расходами. Человек, только что три года учившийся, на производстве еще должен доучиваться, теперь уже получая зарплату. Подсчитать эти расходы — они не пустячные.

— А к введению среднего образования как вы относитесь?

— Образование лишним не бывает, — негромко сказал Женя. — Но любое дело можно превратить в проформу.

— Да, — взметнулся Валерий, — но это уж все от человека зависит. Тут есть все возможности учиться, если захочешь. Я, например, в школе не очень хотел, а здесь... Здесь захотел, — повторил он упрямо. — Нам сказали, ну, там мастера, директор, кто будет учиться, тем будем помогать. Мы-то поступили на механиков поездов, а хотели водить их, быть машинистами.

— И тут педагоги, — Женя почувствовал, что надо растолковать, — на ветер слов не бросали. Кто занимался, старался, тех на помощников машинистов выдвинули, программы-то близкие, помогли экзамены сдать, на работу устроили. По честности все было, по правде.

— А почему вы эту специальность выбрали, а не свою первоначальную?

— Наверное, потому, что она требует от человека большой самостоятельности, — сказал Валера.

— И больше самостоятельности предоставляется, — добавил Евгений.

— А я тут разговаривал с одним парнем, — решил я рассказать ребятам. — Игорь Грибовский, он как раз собирался стать ремонтником дизель-поездов и тепловозов. Прилично учится, Люда говорит: «Комсомолец активный, вдумчивый, в общем, парнишка». Так я его спрашиваю: «А машинистом не хочешь?» А он говорит: «Нет, там дисциплина такая нужна», — даже рукой махнул. Я удивился: «Она, наверно, везде нужна?» Он со мной согласился: «Конечно, но там по минутам, свободы вообще никакой. Наша профессия лучше в тысячу раз».

— Ха, лучше, — несколько ошарашенные последним доводом сказали ребята, дальше они уже говорили так горячо и так часто перебивая друг друга, что последние слова, наверное, можно считать их общей, единой точкой зрения.

— Ну, от времени он, может, не так зависит, как мы, может быть... Но только над ним еще мастер, еще инженер, еще бригадир. А у нас ты сам все. Просто он

так говорит, потому что машинистом не каждый стать может.

— А кто же может?

— Машинист должен никогда не терять головы, держать себя под постоянным самоконтролем. — Они уточняли друг друга. — Бдительен должен быть. Машинист — это такой человек, — с восхищением говорили эти еще помощники машиниста, — который умеет не спать, когда хочется, и может заснуть, когда нужно, хотя бы и чувствовал себя отдохнувшим. А ночью, а в дождь, знаешь, как устаешь, — с восторгом говорили они. — Но это не главное. Тяжелее всего моральная усталость. После рейса напряжение отшло, ты обмяк, раскис. А тебе еще нужно обеспечивать тепловозы смазкой, топливом, хочется послать все... А ты поднимешься и идешь, и чувствуешь — можешь, можешь, ты можешь.

— Это очень хорошо, что сейчас можно так просто стать машинистом. А до революции, да еще до войны даже, нужно было 10—15 лет оттрутить помощником, а до этого еще кочегаром. Тогда в машинисты выбивались — и тяжелым трудом. А все равно и сейчас случается: нравится работа человеку, а при выкнуть к режиму ее он не может. Или семейные обстоятельства: жену, например, нельзя оставлять одну. Так что, быть или не быть машинистом — разное определяет. Но и от тебя самого, конечно, много зависит. Знаете, какое чувство пути должен иметь человек?

— Нет такого машиниста, который бы не хотел на станцию назначения прийти вовремя, — нет. Но бывают, ты у бригады берешь состав, а он уже опаздывает, и прилично. Представляете ответственность? Люди едут, у кого-то дела, а у кого-то и горе, может, болезнь, все торопятся. Потом на вокзале мимо локомотивов будут идти, тебе пенять — неприятно. Не будешь же докладывать каждому, что уже с опозданием получил поезд, да и какое им до этого дело? Ты их везешь, и ты за них отвечаешь. И начинаешь опоздание наверстывать. А это возможно, только если ты душой, хребтом своим чувствуешь профиль дороги. Ты должен учить все: ветер, погоду... И тогда — здесь на торможении скономил, здесь на большей скорости в поворот вписался... И глядишь, отнял у времени 10 минут. Начинаешь выигрывать у него — медленно, постепенно, но все-таки выигрываешь и приходишь в срок. Представляете радость... И люди довольны, и ты доволен собой!

Уже позже, вечером, снова их вспомнив, я у Люды спросил:

— Слушай, а чего они приходили?

— А так просто, — сказала она, — они часто после рейса заходят.

Прощание

Уже в день отъезда, напоследок обходя, чтобы попрощаться, всех новых знакомцев, я вдруг разглядел в коридоре рядом с дверью одного учебного кабинета мраморную мемориальную доску. Видно, раньше, когда проходил здесь, свет был погашен, и я поэтому не обратил на нее внимание.

... «Энно Вяхк — 1935—1970, — было высечено на ней, — машинист локомотива. Окончил наше училище в 1954 г. Погиб при исполнении служебных обязанностей. Постепенно награжден орденом Трудового Красного Знамени».

Я открыл дверь, уроки закончились, аудитория была пуста и потому казалась очень просторной. У противоположной стены рядом с дверью одного учебного кабинета мраморную мемориальную доску. Видно, раньше, когда проходил здесь, свет был погашен, и я поэтому не обратил на нее внимание.

— Это что? — спросил я.

— Схема тепловоза М-62. Вот делаем. — Он нажал кнопку, последовательно в сети вспыхнули красные лампочки, изображая движение тока.

— А кто такой Энно Вяхк?

— Он машинист. Это тепловозный кабинет его имени, он погиб.

— А как, не знаешь?

— Во время рейса у него испортился инжектор (он подает воду в котел), потом оторвалась трубка, и пар в двести градусов пошел прямо в будку машиниста. Он крикнул помощнику, чтоб тот выскакивал, а сам тормозил свой поезд. Вот и обжегся весь.

Мы помолчали.

— Ну ладно, будь здоров, — сказал я.

— Спасибо, — ответил он и, повернувшись к панели, начал работать.

Больше ста лет назад железная дорога, проложенная сюда из России, открыла в эти места путь XX веку. Больше ста лет и по сегодняшний день статут выпускника училища — гарантия высокого профессионализма рабочего человека. Нынешние выпускники через недолгое время в расцвете сил поведут свои поезда в век XXI. Пожелаем им счастливого пути!

Георгий
САВЧЕНКО

РАССКАЗ

ПРЕМЬЕРА

избы прокричал Рябов, чтоб поторопились. Он вернулся в деревню после ранения, теперь вызывался Степу в город отвезти — председатель лошадь дал. Рябов, конечно, мешок картошки в саночки бросил — на рынке поторгует.

Степа впервые уезжал из родной деревни. Горсточкой изб ограничивался для него мир да еще речкой Белявкой, где ловил раков, да лугами за речкой, где известен и любим был каждый полыниный бугорок, да темным лесом вдали, куда ходили по грибы и ягоды. Мать суетливо запихивала сыну за пазуху тряпичный сверток с куском хлеба и солеными огурцами. От огурцов через рубаху до тела добралась прохладная влага, а в нос ударил запах рассола, такой знакомый, домашний.

— Береги себя, — вымолвила мать, разглядывая сына сквозь слезы. — Не печалься, родимый! С хозяйством управлюсь, меньшие помогут. Оно все у нас на огороде да у печки. Что ж делать. Степушка: четырнадцатый тебе — вот и определяйся. Мужики в отцовом роду известны — золотые руки. Дед Федор в городе сапожничает, какой, сказывают, мастер! Слушайся его, учись прилежно.

Паренек молча, серьезно кивал. Согласен был с матерью: отец с фронта не вернулся, а у мамки, кроме его, еще трое.

— И-и-и! — вдруг завыла мать, прижалась к Степе, вцепилась в ватник руками. — Скромнейший ты у меня. Боюсь! В городе, сказывают, народ какой настырный. Уж ты соберись, не дай себя в посмешище.

Степа гладил мать по спине.

— Не бойся, мама! Ну их всех — я водить компании не стану, я работать буду да спать.

В городе их застигла метель.

Рябов довез парнишку до рынка, развязал мешок и передал Степе три крупные, гладкие картофелины да головку лука.

— На первое время. Ешь на здоровье и деревенку вспоминай.

Степа картофель с луком спрятал за пазуху.

Полдня таскался он по южному опустевшему городу, пока отыскал нужный дом.

Федор Иванович очень вину обрадовался: в глаза еще ни разу видеть не удавалось. Его чуть даже смущили красно-рыжие вихры, когда, топчась в сенях, сбивая снег с валенок, Степа снял шапку-ушанку. Рыжих в своем роду он не помнил. Но тут же догадался, что медным волосом внук обвязан снохе.

— В Бобковых, в Бобковых внучок-то! — улыбнулась, морщина круглое доброе лицо, бабка Антонина. — Невестка-то у нас ряженка. Помни!

Она обласкала Степу взглядом, прослезилась, вспоминая погибшего сына, и расставила руки, приглашая внука в объятия.

Степа выложил на клеенку стола картофелины, лук, сверток с хлебом и огурцами и доверчиво прижался к бабке Антонине, мягкой и теплой, пахнущей тестом. И совсем паренек успокоился.

— Дома и не голод, а подарок дорог! — похвалил внука дед Федор.

— Заморозился, воробушек! — приговаривала бабка Антонина тихо, воркуя. — Ничего, сейчас отогреешься — щеч горячих похлебаешь...

Степа снял ватник, вылез из валенок, сунул ноги в поданные бабкой тапочки, немного осмотрелся и протянул письмо от матери.

Дед читать не стал, пока бабка не накрыла на стол. Когда ж все уселись, он достал из кармана очки, протер стекла куском замши и, беззвучно двигая губами, долго читал письмо. А закончив чтение, хмыкнул и с любопытством посмотрел на внука.

— Ну что же, Степан Алексеевич, тоже сапоги решил шить! Дело хорошее, нужное. — Дед прокашлялся. — Сколько ты классов пройти успел?

— Четыре...

— Не много. Да ничего, война скоро кончится, откроют школы рабочей молодежи, пойдешь дальше учиться.

Степа сидел молча, как пришибленный.

— Экой ты застенчивый, право! — рассмеялся дед. — Робеть будешь — ничего не достигнешь. Работа наша творческая. А в творчестве робеть — успеха не иметь. Скромность, конечно, должна быть. Скромность человека украшает. И поведение должно быть примерное. Не балуешься табачком?..

Паренек испуганно покачал головой. Дед снова хмыкнул, складывая письмо.

— Привязался, старый! — заговорила бабка, видя, что Степа совсем щи хлебать перестал. — Дитятое голодное, а от твоих распрекрасных разговоров съйт не будешь.

— Ну, старуха, не серчай! Знаю, что говорю. — Дед улыбнулся Степе, и зубы у него оказались все на месте, ровные, белые. — Не робей, внучок! Ешь проворней... Завтра и поведу тебя в театр. Слышал когда-нибудь, что такое театр?

Степа жадно и громко дохлебывал щи, обалдевший совсем от странных речей деда. Оттопыренные уши его стали такими же красно-рыжими, что и волосы.

— В нашем понимании театр — храм культуры! — Лицо деда совсем посветлевло. — Поимей в виду, Степан, пойдешь ты завтра в храм культуры!

— Отстань со своим храмом! — в сердцах крикнула бабка. — Не видишь, у внучка веки слипаются. Дорога не близкая была, ему самое время на пуховичок завалиться.

Ночью Степе снилось, что он в своих тяжелых яловых сапогах, какие достались ему от отца и теперь в деревне на мамке, идет по чудесному стеклянному храму. А у стен множество народа, глядят все на него, да пристально: ладно ли шагает? Степа ступал осторожненько, а стекло под ногами позывало громко: динь-дон, динь-дон...

А под часами с газетного пожелтевшего портрета на Степана глядел суровый дядька с худым, измученным лицом, кожа на котором собралась в морщины и складки. За столом перед зеркалом сидел дед Федор. Вокруг шеи — полотенце. Он брызгал и, стараясь сильнее натянуть кожу, вытягивал челюсть, будто сам перед

собой гимнастичал. Глядя на него, Степа прыснул, закрылся с головой одеялом.
— Ах ты, комик! Живо вставай! — скомандовал дед. — Позавтракаем и пойдем в театр.

— А этот кто? — указал вилкой Степа на портрет, когда они за столом ели картошку.

Федор Иванович с уважением посмотрел на портрет под часами.

— Впечатляет?! Так и должно быть! Главный режиссер театра. Да-а... На сцене он учит артистов жить нужной по пьесе жизнью. Если, к примеру, пьеса про деревню, он их научит жить и твоей жизнью, и Бобковых с Тиковыми, и Рябова... А надо по другой пьесе — будут жить царской жизнью или какой загородной, — медленно объяснял дед Федор. — И сам он прекрасно людей изображает. Великий артист наш Староконный! А со мной всегда за руку здороваются...

— Он как! — Степа удивленно покрутил головой: — Откуда, например, ему про мою жизнь известно?

— Вот и известно. Он все про человека знает.

От таких слов паренек даже как-то не по себе стало, будто в сказке он, где давно дивное творится.

Театральная обувная была втиснута в махонькую комнату за сценой. Тесной она казалась еще и потому, что рядом работал портной в стуке ножной швейной машины и в клубах пара от огромного утюга на углах. Пахло жженой тряпкой и резиновым kleem.

Портной, тощий, проворный мужчина средних лет, завидя Степу, в один миг смерил его фигуру желтым сантиметром с ног до головы и радостно произнес:

— Какой дзынны!

Рот его всегда был полон булавок, и некоторые слова он очень странно выговаривал. Все к нему привыкли, а Степа и это принял за диковинку. И когда дед ушел к начальству улаживать зачисление на работу внука, Степа дикарьком присел в углу.

Было в комнатушке невыносимо жарко. Степа вспотел и расстегнул ватник, из-под которого выглянула простая холцовая рубаха.

Портной заметил некихтую одежонку паренка и произнес:

— Обязуется! Вот погоди, я тебе костюм сошью, а захочешь — и пальто. Дзынны фасончик.

Тут как раз в мастерскую вошел гоголем молодой человек в драповом пальто и с кожаными перчатками в руках.

Понюхав зачем-то воздух и сразу наморщив тонкий с горбинкой нос, молодой человек всхлипнул:

— И где Федор?

— Засте! Засте! — сделал вид, что сробел и засуетился, портной. — Как же, как же! Сам Вшавцев, великий азист, пожаловали! Чем обязаны?

С сомнением смотрел Степа на вошедшего. Да нет же, не похож он на портной, что у деда под часами. У того такое лицо — что земля после вспашки, все в бороздах. А этот, Вшавцев, лицом одутловат — спать большой, должно быть, любитель. Глаза в напухших веках, махонькие, бегают таракашками...

— И где Федор?

— Нетути. — Портной смешно согнулся и развел руки. Тут Степа догадался, что портной вовсе не всерьез, а подшучивает: — Вот наш новый мастер пешей категории! Сможешь, Степан?

— Ежели у них чего по-простому, то смогу. Отцом учен был еще.

Вшавцев, похлопывая перчатками о ладонь, подошел к подростку.

— Ежели да нежели... Понимаю! Мы, артисты, призваны таких просвещать, воспитывать! Не «ежели», юноша, «если», «ес-ли»... Плясать умеешь?

— Плясать? Да что ж тут такого премудрого? Все умеют, когда весело.

— Ну, давай. Показывай. Прямо сейчас...

— Чего?

— Пляши!

— Смеешься?

— Чудак! Пробуй! Вдруг и в тебе талант зарыт... — Вшавцев с удовольствием принялся отбивать чечетку. — Тра-та-та-та... Три-ти-ти-ти!

Отдышавшись, он сунул под нос Степе ногу в желтом полуботинке.

— Сумеешь?

— Сымы щиблет-то! — совсем рассердился Степа, морщась от кисловатого запаха пропотевшей, изношенной кожи.

Начищенный до блеска ботинок оказался продраным снизу.

— Подметшу новую надобно...

— «Подметшу»!.. Собрались тут косноязычники... Тебе только деньги горни — туфля-то новый! Совсем новый, а ты подметку менять разбежался...

Вырвав из рук Степы свой ботинок, Вшавцев торопливо надел его и ушел. Степа совсем загрустил.

Зато Федор Иванович возвратился очень довольный: внука зачислили в сапожную мастерскую.

Целый день Степа старательно помогал деду, а вечером дома дед спросил внука, как ему понравился театр...

— Да никак. Разве храм? — Степа оторвался от щей. — У нас изба-читальня ширше будет. Артисты — аферисты...

— Цыц! — Дед даже ложкой замахнулся. — Ты о ком смеешь?

— Ну этот... в драпе... с перчатками... Вшавцев звать.

— Нашел артиста! — Дед обиделся. — Осветитель он с темным прошлым! В статисты его иногда берут, актеров когда не хватает.

— А как это — в статисты?

— Немые роли играть, вроде бутафорий быть. Над ним портной подтрунивает — нарочно «великим артистом» зовет. Бывают в театре и такие розыгрыши промеж собой.

В те дни режиссер возрождал на сцене постановку «Грозы» Островского. Все работники театра были очень заняты. И дед Федор и Степа при нем с утра до ночи тачали и шили.

Степа видел разных людей: и плотников, и маляров, и парикмахеров, и рабочих, сколачивавших декорации, и костюмерш. Все они были озабочены и едва перекидывались друг с другом словцом.

А дед Федор говорил много и даже языком прищелкивал.

— Наблюдай, Степан, жизнь театра. Без нас ни одного спектакля сыграть нельзя. К примеру, мы, сапожники... Жать туфель будет или гвоздик вылезет — каково артисту?.. Ты вот стучишь молотком и, может быть, не ведаешь, что от нашего старания успех всей постановки зависит!

Степа тайно улыбался: приятно было сознавать, что он в театре не пустое место.

Дед Федор отлучался в артистическую уборную снимать мерки у актеров да таскал разные свои сапожные «придумки», как называл модели туфель и башмаков, к режиссеру Староконному.

Портной убегал кричать на седых аккуратных старушек-костюмерш: у него с ними были вечные споры, и все они, неслышь куда-то, может быть, тоже к Староконному, выяснить, кто прав.

Степа подолгу оставался в мастерской один. И что артисты не заглядывали сюда, в маленькую жаркую комнату, в которой шипели углем сразу несколько больших утюгов, и пар заволакивал свет лампы, повисал облаком, как на полке в баке, он был доволен. Так работалось и жилось ему спокойнее.

Однако поразглядеть он кое-что успел. Конечно, театр во много-много раз был больше их избы-читальни. А весь секрет прятался в небольших комнатах — артистических уборных. Заходят туда обыкновенные люди, а выходят совсем на себя не похожие: пузатые, горбатые, носатые, лохматые, красные, разодетые, как на старых картинках...

Ему хотелось узнать, и что происходит в репетиционном зале, на затворенных дверях которого постоянно висела строгая табличка: «Не шуметь!» (хотя оттуда частенько разносился по театру гром сердитых голосов, визги и даже плач); что происходит на холодной сцене, куда постоянно простуженные рабочие таскали доски и фанеру прямо с улицы, с мороза, в широкие, как ворота, двери.

— Премьера! — одним словом, произносимым веско и торжественно, объяснял дед внуку эту суету. — О чём я сейчас пекусь, знаешь? Поразмысли, как человек оценит с первого взгляда? Не догадался? А по обувке. Только по обувке! Вот, к примеру, Вшавцев ходит в модном драповом пальто при кожаных перчатках. Хорошо? А какая у него на ногах обувь?

— Дрань...

— Драная. Правильно. Пальцами по земле скребет в своих щиблетах. И выходит, что хочет он казаться не тем, кто он есть. Достались ему английские щиблеты из посылки «помощи союзников», ясно, ношеные. Буржуи новые не отдадут за так. А он их и вовсе чечеткой доконал. Нет чтобы обойтись без перчаток фасонистых, пальтишко скромное купить, а новые ботинки справить... И у артистов на сцене с обувкой особенно все должно быть прекрасно, и чтобы она, обувка, подчеркивала характер: таков, мол, я — потому и эти сапоги надел! Разумей, Степан, как это важно. Во что, к примеру, Кабаниха должна быть одета? В туфли? Нет. В сапожки дамские? Тоже нет. Я ей такие сапоги делаю — короткие, утюги... Кожу взял погрубее, подошву толстую нашел, еще и подковки подбюро. Шаг в них будет тяжелый, веский. Кабаниха на сцене в моих сапогах пойдет грузно. Каждый поверит, что такая могутная баба не только невестку, но и сына, и мужа, и кого хочешь по ниточке ходить заставит или со свету скживет.

Степан смотрел на удивительные сапоги, натянутые на колодки и ощетинившиеся сотней гвоздей.

— А перед тобой туфельки Катерины лежат. Особенно делал их осторожно. Вот и ты их ласкай. Каблучки набей легонькие, аккуратные. Понесут туфельки ее, горемычную, из дома к реке, топиться...

— Топиться? — пожал плечами Степа, рассматривая маленькие шафрановые туфли. — Зачем топиться?

— На премьере все узнаешь! — Дед Федор засунул в рот пучок гвоздей и замолчал.

Изменил свое отношение к Степе и осветитель Вшавцев: узнал, что паренек не случайный «найденыш», какие в военные годы часты были, а внук Федора Ивановича.

Он прибегал иногда в мастерскую, звал в буфет лимонад пить. Степан отказывался: портной так и не пошил ему костюм, а в одежонке затрапезной выйти на люди он стеснялся.

Но однажды Вшавцеву удалось вытащить Степу в буфет.

Степан сидел один в мастерской. А в дверь просунулась такая харя, что паренек вздрогнул, испугался: на лице у Вшавцева громоздился распухший красный нос длиной до подбородка!

Осветитель молча, загадочно подкрался к столику Степы, выбрал самый длинный гвоздь и очень медленно, делая разные ужимки, проткнул гвоздем свой нос насквозь.

— Не бойся! — успокоил Вшавцев. — Мне не больно. Нос из гумозы. Грим. Понимаешь? Я только что с репетиции. Очень трудно, брат, без слов-то!.. Ну и духотища тут у тебя. Взопрел? Идем в буфет лимонад пить.

Степа качнулся головой.

— Не...

— Придумал! — Вшавцев легко сорвал нос и сунул Степе в лицо. — Понял? Кто тебя в таком виде узнает? Сочтут за своего, артиста!

Предложение было заманчивым, и все, казалось, должно было сойти просто. Степа решился.

— Лепи!

Вошли они в буфет и сели за столик с чистой скатертью.

Вшавцев принес бутылку лимонада и два тонких стакана с узорами. Подняли они стаканы, но тут со Степой случился конфуз.

За столиком через крохотную залу буфета он увидел девушку. И такая она вся казалась воздушная, волшебная, что Степа рот раскрыл, выпить лимонад забыл. Особенно поразили длинные ресницы красавицы: каждая, как усики у бабочки, закручена...

— Свой брат, артистка, — произнес Вшавцев и глотнул лимонада. — Нравится? А я так с ней накоротке!

Он держался развязно, выламывался и ерзал на стуле, желая обратить на себя внимание. Но девушка уставилась на Степу и, улыбнувшись, восхликала:

— Какой удачный грим! Я вас совсем не могу узнать. Признавайтесь, кто вы?

Степа крепко зажал рот, поставил стакан на стол и замер.

— А вот сейчас узнаю, кто вы! Сейчас узнаю! — Веселенько произнесла актриса и игриво направилась через зал. — А я вас сейчас разоблачу!..

Девушка опустила свои руки на рыжие Степинны волосы и дернула, восхликая:

— Долой парик!

Паренек вскочил на ноги и, еле сдерживая слезы стыда и отчаяния, сдавленно прошептал:

— За что? Я разве тебя чем обидел?

Актриса поднесла пальчики к нарумяненным щекам, плечи ее подскочили, она даже попыталась как-то оправдаться, но Степа ее не слушал, выбежал вон. В коридоре его нагнал Вшавцев.

— Чудо-юдо! Радоваться должен! Сама Полежаева тебя приметила! Прима! Катерина...

— Меня мамка ни разу за волосы не таскала, хотя и озорничал. А эта пошто руки распускает?

— Ты волосы свои знаешь?

— Ну!

— Рыжие они, как огонь. И нос на тебе бутафорский, из гумозы. Полежаева решила, что ты в парике — в искусственной шевелюре. Захотела снять с тебя парик, чтобы узнать, кто ты...

Вшавцев стукнул кулаком Степу в грудь и мелко, гаденько засмеялся, вздрагивая плечами:

— Хи-хи-хи! Отомсти ей. Я научу... Туфельки Катерины делаешь, вот и вбей один гвоздик не так, чтобы колол пятку или палец: выйдет Полежаевой «премьера»!

— Злой ты какой! Разве можно? У нас и коней осторожно подковывают, а ты научить хочешь — человеку гвоздь!

— Шуток не понимаешь! Актеры, брат, шутники... Идем, я сам вобью.

— Себе!

Вшавцев вдруг запрыгал, отбивая чечетку, и таким манером снова направился к буфету. Степа решил, что поспешил он допивать лимонад, за который было заплачено, отдрал с лица нос из гумозы и швырнулся вслед освистителю.

Премьеру назначили на субботу. А у Степы и еще праздничек: портной принес сразу костюм и пальто из драпа — дома ночами шил.

— Дзынинский фасончик! — хвалил он свою работу, оттягивая полы пиджака и пальто на пареньке.

Вечером Степа с дедом сидели в служебной ложе.

Занавес был закрыт. А зал переполнен. Очень много было раненых из госпиталя в накинутых шинелях, с перевязанными руками, ногами. Иные пришли на костилях — госпиталь-то через дорогу. В зале шумели, кашляли, как на вокзале. Но свет погас, и луч на сцену упал — все притихли.

Степа глядел из ложи на освещенную сцену, как сквозь ночь в большое, яркое окно. Он впервые видел постановку пьесы и очень верил всему происходившему на сцене.

Иногда ему казалось, что таких вот людей в жизни видел, встречались они и в деревне. Степа сопел, переживал.

— Нравится? — спросил дед Федор.

— Похоже. Свекровь у Титковых в точности Кабаниха...

— Гляди, как она тяжело да грузно в моих сапогах бухает! Характер...

— Вижу, вижу...

В толпе на сцене раз промелькнул и Вшавцев с носом из гумозы. Но Степа его больше не замечал: всех он замечать перестал — не сводил глаз с Катерины, в которой сразу узнал Полежаеву. И хотя судьба его так разнилась с судьбой Катерины, он все происходившее на сцене переживал и чувствовал так остро, точно это с ним творится — и застенчивость и обиды...

— Понравилось? — спросил дед после спектакля.

— Пойдемте домой...

— Притомился, — сочувственно кивнул дед. — Видать, работой я тебя перегрузил.

— Пойдемте домой, — просился Степа. — К бабушке хочу.

— Бодрись, Степан! У нас не полагается после премьеры домой убегать. У нас чай будет с пирогами! Да! За кулисами уже столы накрыты. И никто иной, а наша с тобой старушка Антонина банкетом заправляет. Все друзья-товарищи, кто над спектаклем трудился. Премьера — общий успех!

В репетиционном зале, дверь куда всегда была плотно прикрыта, за столы теперь сели все работники театра — от главного режиссера до швейцаров.

Многие актеры еще не успели снять грим, но Степану они теперь казались совсем другими, самыми обыкновенными людьми.

Катерина без умолку хохотала, довольная всеобщим вниманием, и позволяла целовать себя в розовую щеку.

Кабаниха стала добной и внимательной, ходила вокруг столов с противником пирогов, обнося всех, и приговаривала ласково:

— Кушайте, родные, кушайте! Спасибо дорогим нашим фронтовикам, пуд муки в подарок артистам пожаловали. Спасибо и Антонине Михайловне: постаралась дома у плиты...

И Кабаниха кланялась офицерам, что сидели ближе к Полежаевой, кланялась и Степановой бабушке, что обнимала за спину внука.

Степа дивился актерам, совершенно не похожим на своих сценических персонажей: как могут сразу переходить из одной жизни в другую?

— Игра! Все игра! — пояснял Вшавцев, тершийся подле Степы. — Искусство перевоплощения!

Степа поглядывал на его гумозный нос и грустно думал: как так все у них неестественное...

Зато чай и пироги были всамделишные, вкусные, и всеобщая радость была всамделишна. Степа выпил стакан чаю, съел пирожок и тоже повеселел.

— Внучок наш, — поглаживая Степу по волосам, говорила бабка Антонина.

— Да-да, учится у Федора Ивановича его изумительному искусству, — кивнул им режиссер Староконный.

Он сидел подле самовара, бледный, закутанный пледом, любовался людьми и грел руки, поднося их ближе к самовару. Каждому он сказал что-нибудь теплое и приятное.

— Разрешите вас угостить пирожком, молодой человек...

Степа поднял голову и увидел Полежаеву. Она протягивала тарелку и улыбалась подростку одними глазами, как это случается между товарищами, которые знают такой хороший, смешной секрет, что другим и не догадаться.

— Бери, Степан, пироги, — отвались на спинку стула, как дома у себя, мирно, уверенно говорил дед Федор и медленно проводил ладонью по щекам вниз, к подбородку, как человек уставший, но теперь спокойно, с достоинством отдыхающий.

Ночью Степа крепко спал, а поднялся чуть свет. И не позавтракав, крикнул бабке Антонине, что прогуляться взяла охотка — воскресенье!

Бродил он по улицам и вышел к рынку.

Тут Степа сразу ожидал, точно кусочек родной деревни увидел. Ему чудился запах огуречного рассола, и вспоминалось, как он ехал с солеными огурцами за пазухой из деревни в город.

От картошки в мешках пахло терпкой землей. Пахло еще на рынке многим родным, милым. Подразнивал запах лошадей и сырой материи из кожаной сбруи.

Шагал меж рядов, Степа вдруг очутился нос к носу с Рябовым.

— Молодой-красивый, купи картошки беляевской-рассыпчатой!

— Что ж вы, Михаил Григорич, не признали своего, беляевского?

— Степка! — обрадовался Рябов и придирично оглядел новое драповое пальто на пареньке. — Живешь хорошо! У вокзала сидишь?

— Почему у вокзала?

— Выгодно: косячок набил, и рубль в карман...

— Нет, дядя. Я в театре работаю, — серьезно сказал Степан.

— В театре! — Рябов даже головой покрутил. — Всякие из беляевских встречались тут. Даже майора одного видел. А вот чтобы в театре!.. Эк ты залетел!..

Рябов закашлялся, прикрывая пол лица рукавицей, но все не сводил взгляда с парнишкой.

А Степан впервые ощутил в себе такое гордое чувство, что, не попрощавшись, невольно поджал губы, повернулся на каблуках и пошел прочь, не оглядываясь.

После выступлений «Смены»

«ПОКА НЕТ СОГЛАСЬЯ»

Рассмотрев статью «Пока нет согласья» («Смена» № 7), Минстройдормаш отмечает, что в статье своевременно и правильно подняты вопросы организации производства гидропривода и применения его на машинах, выпускаемых нашей промышленностью.

Гидропривод на строительных и дорожных машинах обеспечивает не только экономию металла и повышение надежности машин в эксплуатации, но и резко повышает их производительность. Поэтому Минстройдормаш считает, что гидрофикация — это главное направление дальнейшего развития строительных и дорожных машин, повышения их единичной мощности. Применение гидропривода позволяет широко унифицировать производство и создает предпосылки дальнейшего совершенствования и автоматизации строительных и дорожных машин.

Гидравлическое оборудование, выпускавшееся предприятиями Минстанкпрома, который является головной от-

расью по проблемам гидропривода, не удовлетворяло условиям эксплуатации наших машин. В связи с этим Минстройдормаш организовал производство гидравлического оборудования на своих заводах, что позволило значительно повысить уровень выпускаемой техники. Однако дальнейшее развитие выпуска гидрофицированных машин сдерживается из-за недостатка потребностей Минстрокомпрома в гидравлическом оборудовании общемашиностроительного назначения, поставки которого были ранее согласованы.

Минстройдормаш поддерживает высказанное в статье предложение о необходимости широкой унификации, специализации и кооперирования между отраслями в производстве гидрооборудования, что позволило бы ускорить его создание и освоение серийного производства.

В статье «Пока нет согласья» правильно отмечалась необходимость координации работ по созданию и производству гидрооборудования, работа в этом направлении уже ведется Госкомитетом СССР по науке и технике. Созданная ГКНТ Временная научно-техническая комиссия из специалистов различных отраслей машиностроения разработала подлежащие обсуждению на коллегии ГКНТ предложения по повышению технического уровня и ускорению производства гидрооборудования и средств гидроавтоматики. В этих предложениях намечены конкретные меры, направленные на обеспечение потребности народного хозяйства в гидравлическом оборудовании.

С. А. ГРОМОВ,

начальник

Технического управления
Министерства строительного,
дорожного и коммунального
машиностроения

На вопрос читателя отвечает старший инспектор Госкомтруда СССР Михаил КУРИЛИН

Недавно один наш работник пришел в цех в нетрезвом виде. Мастер не допустил его к работе. А три дня спустя по представлению товарищеского суда работник на месяц был переведен на нижеоплачиваемую должность. Имел ли право товарищеский суд выносить такое решение? Я думаю, он должен применять меры общественного воздействия, а тут человека «наказали рублем».

А. КОРОТКОВ,
Казань

Этот вопрос возник, думается, потому, что не всем известны функции и компетенция товарищеского суда.

Эти суды рассматривают дела о нарушениях трудовой и производственной дисциплины, о недостойном поведении в быту, о случаях антиобщественного поведения и другие вопросы.

Товарищеские суды могут быть созданы на предприятиях, стройке, в вузах, словом, во всех без исключения коллективах, насчитывающих не менее 50 человек. Состав суда избирается на два года — открытым голосованием на общем собрании. Избранными считаются лица, получившие более половины голосов. Количество членов суда (но не

менее пяти) также устанавливается собранием. Члены суда открытым голосованием избирают председателя суда, его заместителя и секретаря.

Дела в товарищеских судах рассматриваются в короткие сроки — до 15 дней с момента их поступления. А дела о мелком хулиганстве, хищении и спекуляции — до 10 дней.

В распоряжении товарищеского суда существуют меры воздействия: товарищеское предупреждение, общественное порицание, общественный выговор (с публикацией в местной или стенной печати). Суд может обязать виновного принести публичное извинение потерпевшему или коллективу, а также в соответствии с законодательством поставить перед администрацией вопрос о понижении виновного в должности или о переводе его на нижеоплачиваемую работу. Так что в случае, приведенном в вашем письме, товарищ А. Коротков, суд вынес правильное решение, не превышающее его полномочий.

Товарищеский суд вправе наложить и штраф. Сумма его при этом не может превышать 10 рублей. За мелкое хищение государственного или общественного имущества штраф может быть повышен до 30, а при повторении мелкого хищения — до 50 рублей.

Товарищеский суд вправе обязать виновного возместить ущерб на сумму до 50 рублей. Эта сумма может быть взыскана как в пользу граждан, так и в пользу предприятия, организации, если законодательством не установлен другой порядок возмещения ущерба.

Если суд решит, что нарушителя следует привлечь к уголовной или административной ответственности, он передает дело соответствующим органам.

Решение товарищеского суда можно обжаловать в семидневный срок. Для этого надо обратиться в соответствующий профком или исполнком местного Совета народных депутатов.

НА ЭТЮДАХ.

ложено» около 80 квадратных метров зеленых массивов.

— Однако,— говорит мой собеседник, председатель Союза архитекторов Казахстана, заместитель председателя Госстроя республики, член-корреспондент Академии художеств СССР Рустем Аббасович Сейдаллин,— в каждом архитектурном проекте мало решить чисто художественные задачи, мало «вписать» новостройку в окружающий ландшафт, необходимо увязать все это с целым рядом вопросов. Вот, например, проблема из проблем для алматинских архитекторов: город расположен у гор, а они, к сожалению, нарушают нормальную циркуляцию воздуха над Алма-Атой. Учитывая это, градостроители располагают алма-атинские улицы «лицом к ущельям», как бы коридорами для воздушных потоков. Не случайно наш совсем новый жилой район назван «Самал» — «свежий ветерок» в переводе на русский.

Другой важнейший вопрос — размещение промышленных объектов. Основная часть промышленного узла расположена и будет расширяться на северо-западе города. Решение это тоже связано с особенностями климатического, ветрового, сейсмического режима Алма-Аты. Городская промышленность и жилая застройка спланированы со строгим учетом транспортных задач, в частности со строительством первой линии метро, которая от вокзала на севере города

КАК ЗОДЧИЕ И ИХ НЕУТОМИМО ТРУДЯ ОБЛИКА АЛМА-АТЫ

Владимир ЧЕРКАСОВ

Фото Сергея ВЕТРОВА

ГОРОД СОЛНЦА

Открывать Алма-Ату лучше всего с высокогорного катка «Медео». Среди отрогов Тянь-Шаня голубое его око — в оторочье уступов светлых стен и черепашьего рельефа трибун, в разноцветном всплеске флагов на мачтах. Белоснежные, бурые скалы, прозеленев стройного леса обступили ледяное блюдо, отражающее небеса. Извечной кажется эта картина, хотя сначала ее прикинули мастера на миллиметровке. Они мечтали не самоуверенно превзойти чудоестественного зодчего — Природу. А лишь понять и учесть ее прихотливый вкус.

Городские мотивы Алма-Аты, к слову сказать, самой молодой из столиц союзных республик с миллионным населением, во многом обязаны величию царящих над ней гор. Еще одна основа городского пейзажа — сады, настоящее море зелени. Каждому алмаатинцу «по-

У КАЖДОГО ДОМА —
СВОЙ ОБЛИК, СВОЙ ХАРАКТЕР.

пройдет через центр и свяжет его с новостройками южной окраины. Рассматривается возможность внедрения в Алма-Ате и других современных видов транспорта, в том числе и скоростных поездов на магнитной подвеске.

— О казахах исстари привыкли думать как о кочевом народе. И кажется, что в основном войлочные юрты и аульские глинобитные дома — главные приметы исторического быта народа. Но облик Алма-Аты поражает и смелостью

ТЕАТРАЛЬНОЕ ФОИЕ.
ГЛАВНАЯ ПЛОЩАДЬ
ГОРОДА.

БОЛЬШАЯ ФАНТАЗИЯ
ДЛЯ САМЫХ МАЛЕНЬКИХ.
НАРОДНЫЕ МОТИВЫ.

ПОМОЩНИКИ ТСЯ НАД ПРЕОБРАЖЕНИЕМ

архитектурных решений и своеобразием национального колорита.

— Вы правы, в поисках паства казахи в прошлом кочевали с места на место. Но были у народа и древние города. Об этом свидетельствуют археологические раскопки. Найдены строительные элементы дворцов, интересных инженерных сооружений, дивные фрески... Разумеется, все это наследие мы используем в своей нынешней работе. Интересные традиции были заложены и первыми строителями деревянного города Верный, предшественника Алма-Аты. Военный инженер А. П. Зенков, строитель изящных и довольно высоких зданий, как одно устоявших при десятибалльном землетрясении, сразу по его горячим следам писал в марте 1911 года: «С глубокой верой за успехи будущего я не боюсь за наш город, за нашу Семиреченскую и в то же время сейсмическую область. Я верю... что наш город украсится солидными, в несколько этажей, каменными, бетонными и другими долговечными строениями». Как види-

те, сегодня это предвидение стало явью.

— Современен и молод облик Алма-Аты. Вероятно, во многом его формировала молодежь?

— В нашем городе, пожалуй, нет ни одного объекта, где бы не работали вчерашние студенты, молодые специалисты. Можно назвать такие, например, уже хорошо известные имена зодчих: Тохтар Ералиев — главный архитектор мастерской Казгорстройпроекта, Калдыбай Монтакаев — лауреат Государственной премии СССР. Бывший инженерно-строительный факультет Казахского политехнического института вырос в Алма-Атинский архитектурно-строительный институт — превосходную кузницу кадров.

Студенческие проектно-конструкторские бюро института — настоящий полигон для творчества. Именно студентами разработан проект «Сказочной страны». Многие из ее городков уже возведены во дворах и парках.

...Девятнадцать веков назад уроженец этих мест, крупнейший философ и ученый-энциклопедист Абу Наср Мухаммед аль-Фараби в трактате «О добродетельном городе и благородных гражданах его» писал, что душа правителей «добродетельного города» «от природы должна быть выше всех низких дел и от природы же стремиться к действиям возвышенным». Надо думать, что сегодня он был бы доволен своими потомками, создавшими неповторимый по своей красоте город у гор.

казывается, трудно, очень трудно рассказать о друге, которого ты знал много-много лет.

Его успехи представлялись всегда естественными, а некоторые человеческие несовершенства заслонялись неоспоримыми достоинствами — их ясно видели люди, наблюдавшие этого человека даже издали. Когда такой человек внезапно уходит и тебя просят рассказать о нем, ты вдруг понимаешь, что нужно свернуться с каким-то модулем, который помог бы и тебе и другим осознать истинный масштаб совершенных дел и оставленных нам уроков жизни. В рассказе об Александре Каверзнееве таким модулем может быть нынче только признание нашим народом его творчества. Когда Александра не стало, в партком Гостелерадио, на домашний адрес пришли сотни телеграмм с выражением самого искреннего сочувствия родным, близким и товарищам по работе. Такое не часто случается. Телезрители сожалели, что в их дом уже никогда более не войдет этот корректный, красивый и интересно мыслящий человек. Его смерть оказалась своеобразным апофеозом профессии телекомментан-

тора, телевизионного журналиста — любимого, всегда неожиданного и неизменно ответственного собеседника, обращающего свои мысли к многомиллионной аудитории.

Меру этой ответственности Саша сознавал. Он, начавший с газеты, с обычного суетного репортажа, был захвачен возможностями сначала радио, а потом телевидения, не сравнимым ни с чем другим шансом прямого диалога, да, именно диалога, со своим слушателем. Он чутко предугадывал возможные возражения, недоумения, контраргументы, неформальную реакцию на бескомпромиссную застенчивость или даже резкость мысли, суждения, оценки. Он высоко ценил тех, с кем вел разговор, — для него не существовало среднестатистического телевизионного зрителя. Каждый раз он обращался как бы к

конкретной личности — человеку взыскательному не только к смыслу, но и к форме выражения. В этой уважительности к зрителю и слушателю — один из ключей понимания успеха работы политического обозревателя советского телевидения Александра Каверзнеева. Но одним ключом не откроешь особенностей столь яркой и сложной личности. Поэтому поищем и другие.

Саша родился в Риге в русской интеллигентной семье. Отец его был преподавателем русского языка и литературы в «основной» школе — в годы буржуазной Латвии так назывались неполные средние школы. Когда была восстановлена Советская власть, ему предложили кафедру языкоznания Рижского педагогического института. Расстояние между скромным школьным учителем и профессором вуза всегда

СЛОВО О ЧЕЛО ДОЛГА

ощущимо. Так что же произошло? Собственно, ничего особенного — человеку, наконец, воздали по заслугам: Александр Каверзнеев-старший принадлежал к числу образованнейших людей. Он защищал свою магистрскую диссертацию незадолго до первой мировой войны — в Варшавском университете у знаменитого философа-руссиста Бодуэна де Куртенэ. Диссертация была посвящена анализу славянских рукописей, хранящихся в Ватиканской библиотеке в Риме. Как всякий ученый-филолог той поры, Александр Михайлович знал несколько современных европейских языков.

Скромный преподаватель неполной средней школы всегда оставался человеком высоких устремлений, высокого строя мыслей. Ему в буржуазной Латвии было душновато. Его одиночество, резкое неприятие мещанского образа мыслей и жизни настораживало. Он был человеком независимого, резкого характера. Слушая иной раз житейские соображения своих соратников-педагогов, погрязших в «житейской прозе», он спрашивал себя (вслух): «О чём же мне говорить с вами?»

Гитлеровцы, оккупировавшие Латвию, отправили пожилого учителя в лагерь смерти Саласпилс.

Он был человеком благородных и прогрессивных убеждений. Внимательно приглядывался к измене-

ниям жизни. Маленький сын робел, когда тот просматривал его тетради. Иной раз он выносил приговор — отнюдь не сыну, а коллегам, воспитывавшим мальчика. Его суждения были критическими тогда, когда он чувствовал, что школьника ведут по пути механического усвоения материала. Он высоко отзывался об учителе, когда чувствовал, что тот стремится развить в его сыне творческие потенции, ждет от него самостоятельного, оригинального мышления.

Саша отлично учился. В доме ученого-филолога была библиотека избранных книг. Мальчик читал русскую классику, книги лучших немецких писателей. Домашнее чтение заполняло пробелы школьной программы, увлекало, волновало, воспитывало в той твердой гуманистической убежденности, которая за-

тем не однажды сыграла свою роль в профессиональном становлении.

В старшем классе школы Саша вступает в комсомол. Он один из школьных вожаков, «лидеров», как говорят сейчас.

Когда пришло время выбирать профессию, юноша, известный в школе своими гуманитарными наклонностями, сделал, казалось бы, странный шаг — он поступил в Ленинградский кораблестроительный. По рекомендации отца, высоко чтившего инженерные профессии...

Итак, отец благословил своего сына в корабельные инженеры, в известный институт, где Каверзnev — младший отчаянно проскучал целый год, пока не принял решение вернуться в Ригу.

Нет, его не влекли ни расчеты прочности корабельного корпуса, ни корабельная архитектура. Однако он признал в моряках и в тех, кто строит суда, интереснейших людей. Среди них, людей моря, он встретил настоящих героев, которые заронили глубокий интерес к дальним походам, к старой доброй балтийской романтике.

Он вернулся в Ригу. Он любил этот город и вслед за ним его, куда бы ни забросила судьба. Не раз говорил, что многим обязан Риге.

Сашу восхищало величие Ленинграда, очаровывали теплота Парижа и своеобразие Будапешта, но при

поднимался на борт корабля по штурм-трапу, не вынимая при этом рук из карманов тужурки. Номера газеты с такими «перлами» моряки особенно ценили, бережно хранили их на предмет «травли» в кают-компаниях. Поясню тем, кто не знает: штурм-трап — эластичная лестница, сбрасываемая с борта и висящая отвесно. Над оплошавшим собратом хохотали и при случае предлагали ему самому взобраться по штурм-трапу, не вынимая при этом рук из карманов...

Среди редакционных товарищей были и другие: знающие и цепкие газетчики, прекрасно владевшие тайнствами профессии. У них и учился начинающий журналист. Но делал это он по-своему, основательно, фундаментально. Стремясь к совершенствованию, обращался к книгам по морской практике, штурманскому делу, экономике, транспорту. Он был самоотвержен — готов на любую командировку в любое время года. Осенняя и зимняя Балтика сурова. Вернувшись из рейса, он отсыпался до глубокой ночи шлифуя небольшие материалы для «Латвийского моряка». Его заметки уже тех лет отличались глубиной и своеобразием, изяществом выражения мысли — качествами, которые отличали позднее его репортажи и фильмы для радио и телевидения.

Он начал работать в системе Гостелерадио четверть века назад. И оказался превосходно подготовленным. Передачи Каверзнева для зарубежного слушателя Московского радио вызывали широкий отклик.

Как он достиг успеха? Мне кажется, самым главным было изучение потенциального слушателя. Он старался познать психологию, особенности духовного склада людей другого мира. Он не жалел времени, чтобы побеседовать с деловыми людьми, посещавшими столицу Советской Латвии, моряками торгового флота, делегациями, прибывшими по приглашению Союза обществ дружбы. Отпуск он стремился провести в туристской поездке с портативным магнитофоном через плечо. Через несколько лет он обрел уверенность, знал, как вести разговор, как аргументировать, обращаясь к слушателю той или иной европейской страны.

Он был всегда безупречно точен и доказателен в своих пропагандистских материалах. Это был принцип его работы. Под его пером оживали статистические отчеты и ведомости различных учреждений. Он умел сопрягать цифры, документальные данные и реальную действительность. Знал, что парадокс, неформальная ситуация, непривычный «ракурс» беседы подчас гораздо больше вызывают внимание и убеждают, чем долгие радиоминуты гладких, не задевающих умы и сердца декламаций. Неформальные ситуации в принципе окружают нас. Нужно просто уметь их увидеть.

Помню, отправились мы вместе в Латвийскую академию художеств. Был задуман репортаж о молодых художниках. Но мы опоздали, занятия окончились, все разъехались на практику. В одной из мастерских сидел мрачный, полноватый парень, оставленный в городе, как говорили в старину, «за неуспехом». Разговор с ним проходил на фоне длинного полотна, изображающего плотогонов. Композиция была не без изъянов, но видно было, что автор в живописи понимает.

Это-то и почувствовал Саша. Он (по-латышски) осведомился о жизненных планах. И узнал, что студент нимало не смущен своим положением. Картина свою он дотянет, претензии профессуры преодолеет. А затем перед ним откроются замечательные перспективы творческой работы: вступит в Союз художников, получит заказы, будет жить свободно и содержательно.

Пленка с записью этого разговора стала основой для замечательного материала, имевшего большой резонанс. Слушателю был предоставлен материал, касающийся сложнейшей сферы организации творческого труда. Как известно, этой сфере особое внимание уделяется идеологическим противником, клевещущим на нашу действительность и изображающим советских мастеров культуры в виде этаких манипулируемых роботов. Саша с первых слов «неуспешного» студента почувствовал возможность, рассказав о сложном, колючем характере человека и вместе с тем о его убежденности в правильности того, что и как он делает, оказаться услышанным самым недоверчивым слушателем. Здесь была не однозначность, а диалектика. Конкретная и убедительная.

К слову, и студент не ошибся в своих планах и ожиданиях. Сейчас его имя — в ряду самых известных мастеров изобразительного искусства Латвии.

В середине 60-х годов Александра Каверзнева направляют на работу в Венгрию. Это был смелый шаг руководства Гостелерадио. В Будапешт ехал отнюдь не дипломированный журналист-международник, знающий язык, изучивший историю, искусство, экономику, фольклор и все прочее... Ехал энергичный и расторопный человек, желавший учиться, умевший видеть новое, полезное для нашей страны.

К этим качествам прибавилось еще одно. Он увлек-

ся Венгрией, как увлекаются иной раз человеком, наукой или видом искусства. Он изучил интересную историю и порой нелегкое прошлое страны, ее обычай, своеобразный характер народа, его пленили города Венгрии, ее природа, трудолюбие мадьяр, их спортивность, темперамент...

Он вообще считал, что невозможно успешно работать в братской стране, не будучи преданным великой идеи социалистического единения. Эта идея руководила им и в Москве, когда он был назначен политическим обозревателем Советского радио и телевидения. До сих пор мы регулярно смотрим журнал «Содружество», программа и формы которого были определены и найдены Каверзневым.

В те времена он часто спрашивал о том, как выглядит на экране, как воспринимаются те или иные фразы, жесты, манера поведения. Это было не кокетство и не честолюбивое стремление к зрительским комплиментам. Он говорил: «Пойми, я вхожу незваным в дом человека. Этот человек вправе ждать от меня не только информации, но полноценного комментария, он должен доверять мне, я хочу с ним наставлять общения...»

Александр Каверзnev был неистовым репортером и глубоким наблюдателем хитросплетений международной жизни. Он умел взглянуть в детали так, что и мы видели их выпуклыми и многозначными. Он мастерски пользовался методами марксистско-ленинского анализа, обладал безошибочным классовым чутьем. У него был дар масштабного обобщения.

Иной раз он много лет копил факты, коллекционировал исторические анекдоты, собирая сведения по экономике, истории, географии, искусству с тем, чтобы это знание в фильме или телепередаче сверкнуло лазерным лучом истины. Так было с его сериалом, посвященным наследникам Мао Цзэдуна, их политике после провала «культурной революции» в Китае. Это публицистическое произведение поразило не только зрителей, но и специалистов. Специалистов-синологов — остротой анализа и смелостью обобщения, специалистов-телевизионщиков — отточенной специфически телевизионной формой сериала. Все фильмы были пронизаны живым биением страстной авторской мысли, ясным ощущением трагедии, пережитой китайским народом.

Саша много писал «для себя». «Продуктивность» его отнюдь не вмещалась в документальные фильмы, передачи, репортажи. Какая-то часть его души трудилась всегда. Он мог прервать беседу, чтобы записать удачную мысль, необходимую впрок. Помню, как он срывался с верхней палубы танкера, на котором летом 1964 года мы плыли по норвежским шхерам, чтобы внести в дневник несколько мыслей, не относящихся к красотам скал и вод, мелькающих мимо борта корабля...

Он с уважением относился к мемуаристике и как-то сказал, что записи отца открыли ему в близком человеке больше, чем общение с ним в свое время. Давайте еще раз задумаемся, сколько ценного обрела человеческая цивилизация, листая дневники людей, которым было что сказать и себе о себе самом, и другим, побуждая к «цепной реакции» беспокойную мысль. Не случайно, думаю, его работа, связанная с последней командировкой, называна «Афганский дневник». Толстая тетрадь, испанная им, стала путеводной нитью для осмысливания отнятого материала режиссеру Б. Горбачеву, оператору В. Степанову, политическому обозревателю Ф. Сейфулю-Мулукову и всем, кто завершил последний фильм.

«Рассматривая сотни метров пленки, они сносились со строками, второпях записанными на коротких привалах, отразившими впечатления и мысли, родившиеся в момент столкновений с событиями драматическими и неординарными.

Для Александра Каверзнева, для его образа мышления всегда было характерно стремление докопаться до сути вещей. Дневник и фильм отразили эту черту. Вот реальные душманы, пришедшие в кишлак. Снимать их было рискованно, но мы должны видеть тех, на кого опираются контрреволюция и ее зарубежные покровители... Вот дети, завербованные в Пакистане. Плата — пакет сахара... Солдаты афганской армии, превратившие селение в опорный пункт для борьбы с наемниками. Танк, закопанный по башню в каменистую землю... Тень вертолета, бегущая по песчаным волнам барханов... Покинутые кишлаки... Несспешная беседа с аксакалами...

И строки в дневнике: «Очень красиво там, в горах. Горцы производят впечатление честных и гордых людей».

Итак, через познание, преодоление опасностей — к сочувствию, пониманию и любви. В этом ходе мыслейозвучил вспоминание великих уроков нашей гуманистической культуры.

«Афганский дневник» стал своеобразным памятником выдающемуся мастеру политического телевизионного репортажа, каким был Александр Каверзnev. Его друзья-журналисты сумели донести до зрителя обаятельный образ Саши — умного и яркого собеседника, самоотверженного и доброго человека.

ВЕКЕ

этом он всегда хранил сердечное чувство к старой многобашенной Риге.

Было время, мы прогуливались вместе по этому городу. Мой спутник знал его блестящие и иной раз любил демонстрировать это знание перед гостем. Делал это он всегда увлеченно, легко и весело. Машины в те времена у него не было. Не беда! По городу еще ходили неторопливые старомодные трамваи с открытыми площадками. Как славно было рассматривать с них проплывающие мимо дома разных эпох и слушать ясноглазого молодого человека, знатного о каждой улице и каждом доме кучу занимательных фактов.

Его увлечение и знание не были избирательными — мы с ним любили встречаться и с патриотами старого города и с энтузиастами современного центра. Был старичок, знаящий все о знаменитых рижских кладбищах. Саша любил не только нарядную ширь Даугавы и башни готических соборов, он чтил и окраины, где на пустырях выселились доходные дома с суворыми брандмауэрами, любил заброшенные канализационные линии улички Задвина.

Жилось жарко и тревожно, как бывает только в молодости. Иной раз тоска и злость находили от внутреннего напора сил, от ощущения своих неиспользованных возможностей, досады на низкий кид собственных усилий. Тогда Саша работал в геологической партии, учился заочно на филфаке Латвийского университета и пробовал перо.

Пробы огорчили. Он приносил их в отдел информации республиканской газеты к старому «волку репортажа», который, обкорнав материал, вдохновенно написанный ночью, направлял его в набор с неизменными словами: «Так-то, пацан... Благодарить потом будешь за науку!»

«Пацан» белел от ярости и чувствовал себя непонятным и оскорблённым. Но и в этом состоянии он стремился понять смысл правки, постичь жесткие требования газетного листа. Он умел учиться — и потом, уже став асом советской журналистики, не утратил этой способности.

...В конце концов ему повезло: в рижском пароходстве открыли многотиражную газету «Латвийский моряк». Туда и пригласили Сашу Каверзнева, молодого человека, написавшего и блестящие защитившего дипломную работу по «Климу Самгину» М. Горького.

И тут случилось непонятное. Молодой выпускник словно исчез. Его не видели ни в газете «Советская Латвия», где он бывал до того частенько, ни в дружеской компании.

Саша начал писать. Писать и писать. Это были пятидесятистрочные заметки, десятистрочные информации, стосстрочные репортажи, отчеты, небольшие статьи. Он примерялся к возможностям многотиражки, искал контакты с читателем.

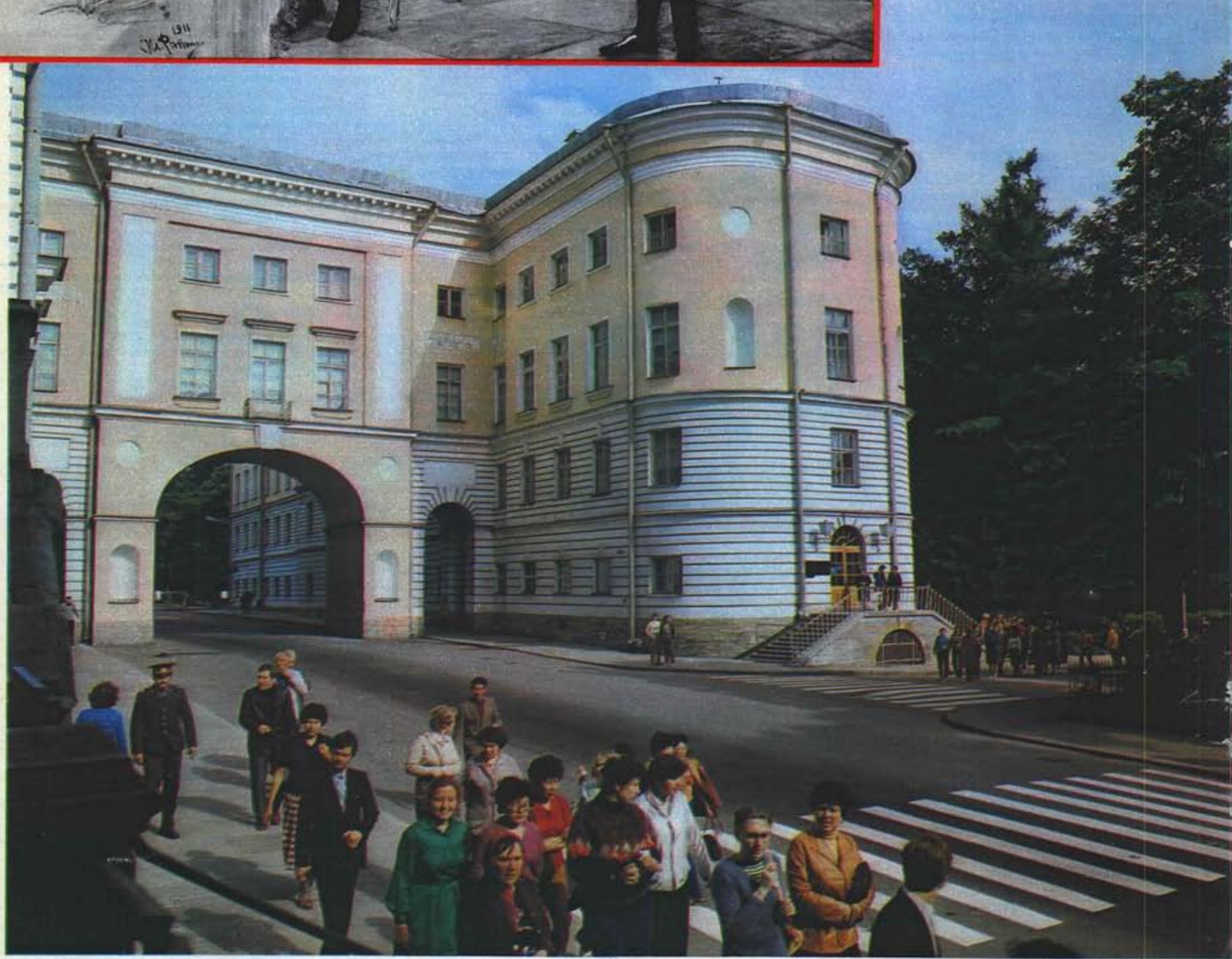
Он попал в своеобразную ситуацию. В редакции морской газеты собирались и подлинные профессионалы и те, кто считал, что может превзойти любую премудрость «игрой ума», наподобие одного из неосновательных матросов, описанных К. Станюковичем. В очерке одного из таких литераторов герой- капитан

Отчество

лександра беспокоили великие князья: они были грубы и невоспитанны. Их следовало учить.

Времена располагали к вольнодумству—дерзкие мысли бродили в голове императора: воспитать братьев на демократический манер, среди сверстников. Это было смело: может быть, слишком, и склонный к романтизму ум государя создавал образ некоего династического университета, где великие князья станут слушать публичные лекции.

«ДЕРЖАВИНА ВИДЕЛ Я ТОЛЬКО ОДНАЖДЫ В ЖИЗНИ, НО НИКОГДА ТОГО НЕ ПОЗАБУДУ. ЭТО БЫЛО В 1815 ГОДУ: НА ПУБЛИЧНОМ ЭКЗАМЕНЕ В ЛИЦЕЕ».

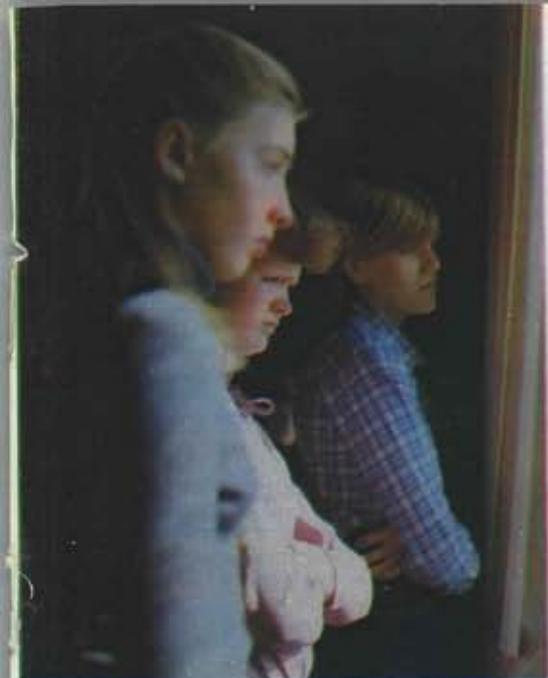

ДНИ ЛИЦЕЯ

Алексей НИКОЛАЕВ.

Фото
Василия МИШИНА
и Сергея ПЕТРУХИНА

16 **смена**

**В ТЕ ДНИ—
ВО МГЛЕ ДУБРАВНЫХ СВОДОВ,
БЛИЗ ВОД, ТЕКУЩИХ В ТИШИНЕ,
В УГЛАХ ЛИЦЕЙСКИХ ПЕРЕХОДОВ
ЯВЛЯТЬСЯ МУЗА СТАЛА МНЕ.**

ции. Подобного заведения он не припомнил. Его надлежало учредить.

Гибкая и удобная эта мысль нравилась Александру, но вдовствующая императрица не полагала сего возможным: отдать сыновей хоть и в привилегированное, но — майн готт! — общее заведение было выше ее немецких сил. Мария Федоровна хрустела пальцами и седилась. Великие князья выбыли из игры, но мысль о заведении осталась и, брошенная между прочим Сперанскому, вызревала. О новом заведении «для подготовки юношества, предназначенного к высшим частям службы государственной» — не военном, не духовном, но статском — были все его мысли.

Название он нашел, читая Плутарха — Лицей. Античность входила в моду, и дух аристотелиевой школы в царско-сельских садах пришелся кстати. Приют Лицею отыскался во флигеле Екатерининского дворца, соединенного с ним аркой. Это было удобно. Старинный

**МОЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ КЕЛЬЯ
ВДРУГ ОЗАРИЛАСЬ: МУЗА В НЕЙ
ОТКРЫЛА ПИР МЛАДЫХ ЗАТЕЙ...**

**КОГДА В ЗАБВЕНИИ
ПЕРЕД КЛАССОМ
ПОРОЙ ТЕРЯЛ Я ВЗОР И СЛУХ...**

**НАД ПОЛКОЮ ПРОСТОЮ
ПОД ТОНКОЮ ТАФТОЮ
СО МНОЙ ОНИ ЖИВУТ.**

ВЕЛИКИЙ ПАТРИАРХ ЛЕСОВ...

тракт из Москвы в Петербург проходил под ним. Лицей стоял поперек дороги. Но когда речь зашла об уставе, многим он стал поперек горла. Это не ускользнуло от императора.

Впрочем, обходить рифы Александр большой был мастер; к тому же времена стояли либеральные — можно и поиграть. Не рискуя поражением, государь двигал фигуры с обеих сторон доски; партия завязывалась интересная. Сперанский толковал о всесословности учащихся, равных перед кафедрой учителя и освобожденных, разумеется, от унаружающих традиций других российских заведений. Это был дерзкий ход. И вышло так, что Лицей случился волею времени, но вопреки целям, властями поставленным. Правда, последнее обнаружат позже. А пока времена стояли либеральные, что, впрочем, не позволило обойти в деле Аракчеева.

И хотя скромность образованности графа не вызывала у государя сомнений, мундир для будущих воспитанников они выбирали вместе, келейно,— оба любили таинственность. Вкусы сошлись на форме старого татарского Литовского полка: темно-синий кафтан с красным стоячим воротником и такими же обшлагами; узкие белые панталоны и ботфорты дополняли картину. Это было скромно и по-военному.

Ладил мундиры личный царский портной Малыгин — бородатый мужик, пугавший мальчиков разбойным видом. Пугало и слово — Лицей. Пансион, училище, университет, корпус — это было привычно. Тридцать воспитанников робели и обвыкались с трудом. После родительского дома все было чужое: новые лица, новые голоса, новые мундиры. Объявлено: домой ни в какую вакацию их не пустят вперед до окончания Лицея. Привычные жизненные связи рушились. Мальчики жались друг к другу, предчувствуя единую участь: теперь они — лицейские. Пушкин смотрел на растерянность товарищей с удивлением: он оставил в отцовском доме одну любовь — книги.

Теперь их готовили к открытию, как рекрутов к смотру; большая двухсветная зала была плацем. Мальчиков водили строем, учили кланяться пустым креслам, где должен быть государь. Все было таинственно и заранее известно.

День этот — 19 октября 1811 года — пришел с первым снегом. Снег падал крупными хлопьями, как в опере; все казалось похожим на театр. Но снег был настоящий, живой. Он ложился на бело-голубые растрепленные карнизы дворца, на зеленую траву, на черные ветки деревьев с не отошедшей еще листвой, на оперного швейцара, отворявшего стеклянные двери. Смягченный снегом, не слышен был почти стук подъезжающих к высокому крыльцу карет. От снега за окнами светел был и сверкал актовый зал, перегороженный длинным столом под красной скатертью; золотая ее бахрома отражалась в вещественном паркете, как в зеркале. Зеркала в простенках множили золотую бахрому эполет, недавно, после Тильзита, введенных в России в подражание наполеоновской армии и еще непривычных русскому глазу. И это тоже был театр — с иноземными персонажами чужестранной пьесы.

Воспитанников рассматривали в лорнеты. Они стояли в три шеренги, вытянувшись в неудобных позах, с треугольными шляпами в руках, и щурились от яркого света. Звезды и ленты рябили в глазах, и все это двигалось, шелестело платьями, золотом шитья мундиров, пахло духами и пурпурой, говорило, щебетало, кашляло, кланялось париками и шиньонами — и все это было приковано к проему дворцового перехода, откуда, как из-за кулис, явиться должен был главный персонаж действия.

Голубая лента и розовая плащевая госу-

даря явились в белом хрустящем обрамлении обеих императриц. Александр улыбался дряхлым звездоносцам и бледным фрейлинам. Улыбку он носил, как и корсет, постоянно. Он любил свою улыбку — она была ободряющей и ласковой, как и жест белой руки государя, указавшей министру Разумовскому кресло подле себя. Кресло скрипело, скрипел древний министр, опускаясь в него, после того как сел государь.

На красной скатерти лежала перед ними большая книга в глазетовом переплете, расшитая — на манер мундира — золотом и скрепленная серебряным шнуром с печатью. Это был устав Лицея. Министр знал его наизусть, как, впрочем, все, чему должно следовать дальше.

Речь директора Малиновского, ставленника сомнительного уже Сперанского, он правил сам, несколько раз — с наслаждением. Читая теперь дрожавшие в его руках листки, Малиновский не находил в них ни единой мысли, похожей сколько-нибудь на свои убеждения. Готовясь к торжественному дню, он хотел сказать лицейцам о воспитании без раболепия и чинопочитания, а речь была чужая — верноподданническая, обращенная к одному монарху, с благодарностью за «учреждение нового расцадника просвещения».

Слушали, как должно, — с согласным вниманием и бесстрастно. Это была победа министра Разумовского; он был доволен: действие развивалось по правилам... Но вдруг министр вздрогнул. Круглое лицо вытянулось, щеки обвисли, когда произнес первые слова нецензурованной речи молодой профессор нравственных и политических наук Александр Петрович Кунинцын. Голос звучал сильно и верно, — все это было неуместно по меньшей мере. Он обращался к воспитанникам, и только к ним. Это настороживало. Кунинцын говорил о «гражданском служении отечеству», «общественном благе», «истинной добродетели».

Министр не улавливал логики речи, столь непривычна, да нет, возмутительна была терминология. И ни слова о государе! Глядя на мальчиков, будущих столпов отечества, исца в глазах их ответных взглядов, Кунинцын продолжал, вдохновляясь все более:

— Представьте на государственном месте человека без познаний, которому известны государственные должности только по имени; вы увидите, как горестно его положение. Не зная первоначальных причин благоденствия и упадка государств, он не в состоянии дать постоянного направления делам общественным... Исправляя одну погрешность, он делает другую; искореняя одно зло, полагает основание другому...

При этих словах министр ерзает, глядя на государя искоса: белая ладонь склоняется к розовому уху Александра (государь глуховат); он слушает со вниманием, министру непонятным. Ах, прочесть бы его мысли! Но за улыбкой государь неуловим. Решать надо самому, и он готов уже взять свои меры, когда, не снимая улыбки с розового лица. Александр наклоняет к нему рыжеватую голову и говорит шепотом, но так, чтобы слышали другие:

— Представьте к отличию.

В дальних рядах, где не слышали слов государя, пожимают плечами, в передних — аплодируют.

Кунинцына речь — первое событие в жизни Лицея: «Поставлен им краеугольный камень, им чистая лампада возможна».

Воспитанники почувствовали: что-то кончилось, чему-то должно начаться. А теперь им было понятно: со словами Кунинцына, которого они уже любили, кончился театр. Когда сановные гости приглашены были к обеду, облегчивше-

му, кстати сказать, собственный капитал министра на одиннадцать тысяч рублей, тридцать мальчиков скинули парадные мундиры, выбежали на улицу — играть в снежки.

Снег был белый и чистый. Новая жизнь начиналась.

Они привыкли к будням.

В четвертом этаже, по обе стороны длинного сводчатого коридора, их комнаты — узкие, похожие на кельи. На дверях с решетчатыми окошками — черные таблички: номер и фамилия. Пушкину досталась четырнадцатая, крайняя у глухой стены; по другую сторону — номер тридцатый, Иван Пущин. Разделяет их тонкая, не до потолка, перегородка: они могут разговаривать тайно, никого не опасаясь. Перегородка делит окно пополам: они смотрят в одно окно.

В тридцати кельях все одинаково: железная кровать, застланная белым бумаизейным одеялом, комод с ящиками для белья, умывальник и конторка под зеленым скуном.

Однаковы и дни, начинавшиеся за темно. В шесть часов дребезжит колокольчик в руках дядьки Фомы. В смазных скрипящих сапогах шагает он по крашеным полам длинного коридора, в свете тусклых масляных ламп, и ежедневный его голос с ежедневными словами звучит уныло:

— Вставайте, господа! Вставайте, господи помилуй!..

Строятся сонные, толкаясь. По круговой спирале лестницы парами ведут их вниз, в залу. Зычный голос затягивает:

— От сна восстав, благодарю тя...

В столовой веселее. Весело читать восхитительную орфографию «программы кушаний»: «алади, посыпан сахар». А вообще эконом скуч и, как видно, жуликоват. Хлеб насущный прикупляют контрабандой у дядьки Фомы. Отчаянным головам — а Пушкин от первых дней в этом ранге — перепадает таким путем кое-что и полакомей. «История гогель-могеля» наделала шума, дошло до министра. За подобные вольности — приказано изрядно наказать: Пущин, Малиновский и Пушкин две недели стоят на коленях во время утренней молитвы; их смещают на последние места за столом; кушанья тут раздают дежурный губернатор соответственно наказанию. По этому поводу Пушкин говорит: «Блажен муж, иже сидит к каше ближе».

Во всем прочем остальное идет чередом; день завершается обычно. В половине десятого звонок ко сну. Служитель подставляет лестницу к колоннам, гасит масляные лампы. Дядьки (все больше из инвалидной команды) чистят в коридорах одежду и обувь; позиционируют дужки ведер — несут воду; гулко стучат дрова, трещит отдираемая береста — печи затапливают...

Однообразие распорядка, так неподходящего на домашний, тяготит воспитанников. Родительский дом многие вспоминают со слезами. Пушкин смотрит на них с интересом: у него все иначе.

Он тоже вспоминает отцовский дом живо, но без сожалений — как посторонний: Сергей Львович, отменно выбритый, в тугих воротничках, подпирающих полные щеки, ходит по комнатам среди разномастных кресел с брошенными на них кисейными плюшами; Надежда Осиповна гневается и сияет смуглыми плечами; мечется по дому заплаканная горничная с пунцовеющей щекой... Все это реально, но теперь создано воображением — спокойным и остро видящим. К нему приходит смутное чувство начала свободы; здесь его никто не одергивает. Детство кончилось, и он забыл его.

К товарищам Пушкин приглядывается с интересом: мальчики разные. Заплаканные глаза аккуратного, похожего на лисичку Комовского, растерянность пух-

лого Корфа вызывают насмешку; манеры и взрослые повадки молодого князя Горчакова отдают игрой, но забавны; барон Дельвиг прост и приятен безмятежной сонливостью; в спокойной рассудительности ладного Пущина — надежность; независимость дюжего Малиновского, бесстрастный вид и озорные взгляды вихрастого Данзаса притягательны, угдаются что-то близкое; непонятен пока возвышающийся над всеми готический Вильгельм Кюхельбекер. Характеры сверстников проглядывают в смутных предчувствиях, как и новая его жизнь.

Пространство новой жизни ему тоже нравится: здесь просторно. После патриархальной Москвы с кривыми улицами, подслеповатыми домами, с черемухой и скрипом качелей в садах он заглянул в мир четкий и ясно расчерченный. Но прямые аллеи парков, окруженные ажурными решетками, страженная зелень газонов, холодноватый мрамор статуй, зеркала озер, отражавших лазоревые лики дворцов и летучую гряду облаков, были все же таинственные, потому что впервые мир представал в образах, рожденных не французскими стихами, но видимой реальностью. Образы еще смутны, но легки и подвижны, как тени листьев на мраморе кумиров.

На прогулки водят их парами и строем — как детей или рекрутов. Но строй сбивается: ни то, ни другое им не по нутру. Гувернеры ворчат, но скоро сдаются — мальчики растут.

Прогулки — как продолжение занятий: в царскосельских парках живет прошлое; они видят все, о чем говорит в историческом классе Кайданов.

Рассказывая третьего дня о сражении в Чесменской бухте, читал Кайданов донесение адмирала Спиридова: «Неприятельский военный турецкий флот атаковали, разбили, разломали, сожгли, на небо пустили, потопили и в пепел обратили, а сами стали быть во всем архипелаге господствующими».

Победоносный каскад глаголов, напор слов, похожий на битву, поразил тогда Пушкина; он вспомнил о Державине. А теперь, всякий раз подходя к озеру, глядя на Чесменскую колонну, украшенную рострами и бронзовым орлом, ломающим полумесяц, Пушкин бледнеет и вздрагивает от непонятного ему чувства волнения. Он отводил взгляд и шел дальше, оглядываясь.

Возле плотины, у Чертова моста, возвышается серо-голубая мраморная колонна — Морская, в честь российской победы 1770 года воздвигнутая. На бронзовой доске несколько слов военной реляции приводят его в трепет — сладкий и тоже непонятный: «Войск российских было числом шестьсот человек, кои не спрашивали, многочислен ли неприятель, но где он. В плен турков взято шесть тысяч».

Пушкин видит, как горят глаза Вольховского и Матюшкина. Он понимает их. Но понимают ли они его: среди героев Мореи — Иван Абрамович Ганнибал. История отечества приближается к скропенному. Прикосновение к ней пронзительно.

С прогулок возвращаются задумчивые и возбужденные. В классах царит непринужденность: профессоры молоды, академический дух еще не поселился в Лице. Зато силен дух речи Кунинцына: профессоры вольноумысят, потому их любят лицеисты и на многое смотрят сквозь пальцы. Грубость адъюнкта-профессора истории Кайданова никого не шокирует. К воспитанникам он обращается по-своему: «господин скотина», «господин животина», «господин неуч». Ему прощают, — лекции его похожи на доверительные беседы, полные намеков. Он не делает выводов и учит размышлять.

— В Англии конституция, — говорит он, расхаживая по классу, — но разве

члены парламента не зависят от двора? — Кайданов останавливается и смотрит на слушателей, вопрося. — Во Франции республика стоила ужасов кровопролития — и что же? Наполеон превратил республику в монархию. — Профессор скрещивает руки на груди и после внушительной паузы спрашивает: — Значит, нет идеального государственного устройства?..

При этих словах мальчики косятся на дверь; опасные вопросы возбуждают; знания ложатся крепко. Опасаться же следует: в Лицее есть уши — инспектор по учебной и нравственной части Мартины Пилецкий; он тих, академик и коварен. Его не любят, пока — тайно.

В немецком классе гувернеру удалось выхватить у Дельвига «бронное на господина инспектора сочинение». Пушкин всхлипнул:

— Как вы смеете брать наши бумаги! Стало быть, и письма наши из ящика будете брать?!

Они знают: их письмами Пилецкий интересуется упорно. Это подливает масла в огонь; страсти накаляются. Спокоен, по обыкновению, Дельвиг; он смотрит инспектору в глаза и говорит ровным голосом: они все подадут заявление об уходе из Лицея, если его не покинет Пилецкий. Нашла коса на камень — инспектор это понимает; он скручен:

— Оставайтесь в Лицее, господа.

О Пилецком никто не жалел; дышать стало легче. Вздохнули и профессоры: приметны были за инспектором странные связи с неким департаментом в Петербурге...

Русскую и латинскую словесность читает Кошанский. Он педант и в словесности старовер. Сочинения питомцев правит на свой лад: вместо «выкопав колодец» пишет «изрывши кладезь», вместо «площади» — «стогны», не «говорить», но — «вешать». Сам он вешает лекции с мрачным видом и постоянно скрещенными на груди руками — таким рисует его в лицейских карикатурах Миша Яковлев. Впрочем, карикатуры не злы: с Кошанским спорят, но его любят, — он старомоден, ворчлив, но к убеждениям учеников терпим и не очень настойчиво заставляет зурить классификацию поэтических терминов, содержащих тридцать шесть таблиц и триста шестьдесят положений.

Есть у Кошанского и особое достоинство: он поощряет дух литературного соперничества, с первых дней воцарившийся в Лицее. Под его покровительством обильно цветет лицейская журналистика; рукописные книжечки журналов идут нарасхват: «Неопытное перо», «Для удовольствия и пользы», «Юные пловцы» и самый солидный — «Лицейский Мурзец».

У лицейских мудрецов оказалось не такое уж неопытное перо, плавают они довольно уверенно и скорее для пользы, чем для удовольствия. Сочиняет в Лицее почти каждый. Илличевский обнаруживает начитанность в старой русской поэзии и опыт в легком стихотворстве. У Дельвига открывается любовь к древним мифологическим образам и богатая «живопись воображения»; в искусстве придумывать необыкновенные приключения, которых участником оказывается он сам, ему нет равных. Яковлеву, как никому, дается буффонный жанр. Кюхельбекер оказывает неизъяснимую настойчивость в приверженности к поэзии эпохи «бури и натиска» и, преодолевая трудности русского языка, сочиняет неустанно. В исторической прозе пробуют себя Горчаков и Корф; даже легендарно ленивый Данзас отдает ей дань, хотя главный его талант — неподражаемый почерк. Пушкин присматривается и сочиняет тайком; стихи журналистам дает неохотно. В табели о рангах он идет за Илличевским, которого лицейская молва именует вторым Державиным; Пушкин довольноствуется ролью второго Дмитриева.

Он не ропщет и улыбается загадочно. Кажется, более всего любит он читать чужие стихи. Книги оттопыривают карманы; он читает всюду, особенно — в математическом классе у Кацова. Лицейские — национальные, как их называют, — песни отмечают все четко:

Что там читает Пушкин?
Подайте-ка сюды!
Ступай из класса с богом,
Назад не приходи!

Однажды Кошанский заканчивает класс раньше, со словами: «Теперь, господа, будем пробывать перья; опишите мне, пожалуйста, розу стихами». Воспитанники склоняются над чистыми листами; перья скрипят, вымуживая музы из оловянных чернильниц. Пушкин поднимается первым; он читает два четверостишия. Кошанский и лицеисты смотрят на него с изумлением. Читать после Пушкина не рискует никто. Он победил. Это поняли все.

Теперь ему прощалось многое.

В классе Кацова, вызванный к доске, он долго не может совладать с задачей.

— Ну-с, Пушкин, почему же равняется икс? — обращается к нему Кацов.

— Нулю, — отвечает тот, улыбаясь.

— В моем классе у вас все равняется нулю. Садитесь и пишите стихи.

Стихи нахлынули и захватили его. Он писал, прячась от товарищей в аллеях парка, «в углах лицейских переходов», в келье своей при поздней свече; стихи снились ночью, утром он записывал строки без начала и конца, похожие на сон и необъяснимые; он грыз перья, бледнел, надувал губы и гневно вспыхивал, если ему мешали: поэзия интимна.

У него были кумиры: блистательно-острословные французы минувшего столетия, Жуковский, Батюшков. Благодаря им знал он теперь точно: главное в поэзии — легкость слога и элегичность в сочетании с разящей и острой мыслью, бьющей в цель. Казалось, он помнил об этом всегда, даже на уроках фехтования. Никто не фехтовал лучше: Вальвилья числил его первым учеником. Это был характер.

Потом все переменилось: фехтование на рапирах показалось игрой, стихи — говорящими не о том. Наполеон перешел Неман.

Не по годам было им одолеть тонкости политики и игру монархов, но теперь они поняли главное: Бонапарт стремится к национальному порабощению России. Что могли они, лицеисты? Французские учебники полетели под стол. Это было ребячество, рожденное, впрочем, чувством искренним и сильным. То же чувство привело их к мысли бежать в армию. Это было несбыточно, и, тая зависть, каждый день они провожали выiska.

Войска проходили под лицейской аркой: кавалерия, гвардия, казачьи полки; все были одеты по-походному, лица серьезны. Три дня шло ополчение — бородатые мужики в сером. Россия, невидимая прежде, подымалась.

Теперь у них были свои герои: героям Вольховского был Суворов, Горчаков подражал императору. Малиновский восторгался атаманом Платовым, Кюхельбекером Барклайя. Герои Пушкина не носили военной формы; они были те же, что и прежде, но иные.

Журналы и газеты были теперь заполнены приказами по армии, реляциями, донесениями командующих, возвзваниями к народу. Создавалась новая словесность. Крыловские басни о нашествии читал войскам главнокомандующий. «Вестник Европы», самый солидный того времени журнал, напечатал «Певца во стане русских воинов». Ода взвуждала Россию; лицеисты твердили ее наизусть. Пушкин видел: это был другой Жуковский — доступный не избранным, но каждому. Первым описал

разоренную Москву Батюшков в послании «Мой друг! я видел море зла...», описал так, что захватывало дух. Пушкин поразило: его кумир, недавно еще певший «любовь и радость, беспечность, счастье и покой и шумную за чашей молодости», решительно, декларативно отказывался от эпикурейской лирики — от всего, что составляло его силу и славу. Пламя Смоленска и Москвы опалило русскую поэзию: кумиры говорили иначе и о другом.

Он понял, что время может оказаться сильнее идеалов поэта, отстаиваемых прежде. Иные строки, иным чувством рожденные, приходили теперь к нему. Не было в них еще завершенности целого, но рождались они раскаленными и твердели, ложась в строфу. Чувства вырывались из привычного интимного круга; стихи обретали тяжесть, в них звенел металл.

Это приходило само собой и не было еще осознанно. Нужен был кто-то, разъяснивший бы смысл происходящего с ним и с его музой...

В Лицее появился Александр Иванович Галич. Он замещал Кошанского; насколько временно — никто не знал: обиженный непризнанием, тот, говорили, спился с круга. В суматохе дней петербургскому начальству было не до него — о нем забыли.

Война шла к победоносному концу; Наполеон отрекся. В общем приподнятом настроении глаз, наблюдавший за лицейскими, утратил бдительность; в Лицее заводился республиканский дух. Галич пришелся кстати: он был демократичен, весел, умен и прозорлив. Пушкина он не столько отметил, сколько почувствовал его.

Они гуляли в парке вдвоем, в неуказанные времена. Пушкин охотно читал ему, находя ценителя тонкого и строгого. Галич хвалил дельно, не утомляя восторгами. Он был первым, кто посмотрел на поэзию Пушкина как на дело его жизни. Чувствовалось, мысли его о стихах Пушкина имели продолжение, еще не высказанное. В долгих их совместных прогулках выходило само собой, что тропинки всегда вились в виде памятников российской славы; памятники казались безмолвными участниками беседы. Галич говорил о непрерывности истории: вспоминая прошлое, он переходил к двенадцатому году; события перекликались, переплетались, завязывались в одну тему. Это волновало непонятно.

— Пора вам испытать себя в важном роде.

И добавил: скоро переводной экзамен; будет чтение; приглашен Державин...

Галич смотрел на Пушкина. Пушкин молчал.

Он стал задумчив более чем прежде. Это заметили самые близкие — Пущин, Дельвиг. Для других лицейская его жизнь текла по-прежнему. Проказы сходили с рук, на поздние прогулки смотрели сквозь пальцы: гувернеры боялись эпиграмм.

Он зачастил в театр. Граф Варфоломей Толстой разорялся, закладывал именья, но театр содержал роскошно. На представления он приглашал лицейских, в ком угадывал искру бою. Пушкин ходил у него в первых ценителях. Премьершей была крепостная графа, Наталья. Играла она дурно, пела неважно, но была прелестна и в обращении проста. Пушкин был ею отличен. Он говорил с нею в кулисах; короткие свиданья в парке были пугливы, — граф стерег ее недремно. Стихи «К Наталии» дошли до него через лицейских. Графу стихи не понравились; он косился на Пушкина и не находил повода отказать ему. Стихи, впрочем, не всегда совпадали с действительностью, — часто они были озорством.

Озорства и легкой музы не одобрял Кюхельбекер. Свои баллады он писал тяжело — как глыбы ворочал; в тяжести

стихи полагал достоинство. К тому же трудно давался Кюхель русский язык. Пушкин посоветовал ему писать по-немецки, на что Вильгельм возразил: «В Германии уже много поэтов, а в России так еще мало, что и он будет не лишним». Впрочем, собственные его стихи были искренни. Последний старались не замечать и заклевывали его эпиграммы.

Эпиграммы друг на друга писали почти все. Даже Мясоедов, — за неумеренный аппетит прозванный Мясоедовым, а за глупость — Осломяющим, — и тот разразился эпиграммой: «Ха-ха-ха! Хихи! Дельвиг пишет стихи!»

Дельвиг улыбался сквозь очки добродушно — эпиграмма ему нравилась. Однако автору он посоветовал праздновать свои именны в день «усекновения главы»...

Кюхлю шутки в его адрес бросили, доводя до неистовства. Над ним потешались как могли. Однажды он не выдержал насмешек, бросился в пруд — мелкий, заросший тиной. Но и это не угомонило сатириков. Илличевский описал сей случай в «Лицейском Мурзце» в письме «от морского корреспондента», поместив тут же карикатуру: Вильгельма всем миром тянут из воды, но не могут вытащить длинных его ног...

И все же Кюхлю любили. Вильгельма избрал Пушкин адресатом первого своего напечатанного послания «К другу стихотворцу». Несмотря на шутливый тон, впервые поставлена здесь тема судьбы поэта в обществе. Пушкин думал теперь об этом постоянно, а в последние перед экзаменом дни был особенно молчалив и раздражителен. Его не трогали: знали — пишет.

Экзамен, откладываемый с осени, назначили наконец на 6 и 8 января 1815 года.

Первый день прошел скромно, при малом стечении гостей.

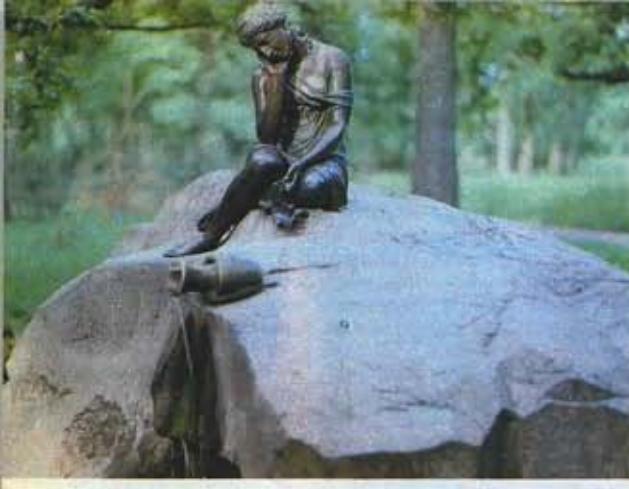
8 января гостей прибавилось изрядно: ждали Державина. На площади, возле Знаменской церкви, теснились дрожки, кареты, экипажи, дормезы. Сергей и Василий Львовичи Пушкины приехали на извозчике. Из Петербурга в Царское Село меньше двадцати пяти рублей извозчик не брал; это была досадная трата, но раскланяться с Державиным, на правах старого знакомства, почтали братья своим долгом. Хотя старик, по собственным словам, «дотаскивал остальные деньги», слава его не меркла. Профессоры волновались; лицеисты были возбуждены.

Дельвиг ждал на лестнице; он положил себе непременно поцеловать руку, написавшую «Водопад». Наконец стеклянная дверь стукнула. Он увидел Державина, когда швейцар принимал на руки просторно сидевшую на нем кунью шинель; сенаторский мундир с голубой лентой был тоже просторен на старом теле. Державин откашлялся, цветным фулем оттер влажное лицо и спросил хриплым голосом, оборотясь к швейцару:

— А где, братец, здесь нужник?

Дельвиг опешил. Он не видел уже, как выбегали на лестницу профессоры, как подхватывали под руки гостя и как неверно ступал он мягкими плисовыми сапогами по вощеному паркету, вводимый торжественно в залу и усаживаемый в отведенные ему кресла, в середине длинного под красным сукном стола, подле министра Разумовского. Министр не в счет; все смотрят на Державина.

Лицеисты сменяют друг друга; спрашиваются из русской словесности. Державин сидит, подперши голову рукой, слушает сонно пространные и дельные ответы первых учеников: Горчакова и Вольховского. Лучший в Лицее чтец Миша Яковлев читает знаменитую Гаврилы Романовича оду на смерть Мещерина.

**ДЕВА,
НАД ВЕЧНОЙ СТРУЕЙ,
ВЕЧНО ПЕЧАЛЬНА
СИДИТ.**

ского. В иных сильных местах веки старика чуть вздрагивают, открывая белесые, выцветшие глаза. Но он устал.

Чтобы не длить экзамен, министр предлагает Гавриле Романовичу перейти к оценке «первого лепета лицейской музы». Державин кивает равнодушно. Фамилии вызываемых ему ни о чем не говорят. Он молчалив и стар, как замшевый памятник в царскосельском парке. Вот выкликает Галич Пушкина. Дремливо, печально и неподвижно смотрит он на смуглого юнца с курчавыми волосами.

Навис покров угрюмой нощи
На своде дремлющих небес...

И тут — странное движение в средине стола: точно потревоженная кем-то старая птица, вскидывает Державин веки. Белесые глаза темнеют. Он прислуши-

вается к голосу, отрочески зазвеневшему.

Он видит: окружен волнами,
Над твердой, мшистою скалой
Вознесся памятник.
Ширяя крылами,
Над ним сидит орел младой...

Державин встает из кресел, неожиданно живо и упруго подымаясь на ногах. Глаза его блестят.

Летят на грозный лир;
Мечам добычи ищут,
И се — пылает брань;
На холмах гром гремит,
В сгущенном воздухе
С мечами стрелы свищут,
И брызжет кровь на щит.

Державин слушает стоя; в блестящих глазах — восторг. Отроческий голос звенит:

В Париже росс! —
Где факел мщенья?
Поники, Галлия, главой.
Но что я зрю?
Герой с улыбкой примиренья
Грядет с оливкою златой.

«...ВСЯКИЙ ДЕНЬ,
ПОСЛЕ КЛАССОВ,
ПРИБЕГАЛ К КАРАМЗИНЫМ
ИЗ ЛИЦЕЯ»
(М. П. ПОГОДИН).

ВОСПОМИНАНИЕ,
РИСУЙ ПЕРЕДО МНОЙ
ВОЛШЕБНЫЕ МЕСТА,
ГДЕ Я ЖИВУ ДУШОЙ...

Державин опускает глаза; под тяжелыми веками — слезы. При последних словах —

И ратник молодой
Вскрипит и содрогнется
При звуках бранного певца —

выбегает из-за стола, протягивает руки — обнять Пушкина.

Пушкин убежал. Его искали, но не нашли...

Вечером за обедом министр Разумовский обращался к раскрасневшемуся Сергею Львовичу:

— Я бы желал, однако же, образовать сына вашего к прозе.

Державин поглядел на ministra, молвил резко:

— Оставьте его поэтом.

«Воспоминания в Царском Селе», впервые с полным именем — Александр Пушкин — напечатаны в четвертой книжке журнала «Российский Музей», с примечанием: «За доставление сего подарка благодарим искренно родственников молодого поэта, талант которого так много обещает».

СБИРАЙТЕСЬ ИНОГДА ЧИТАТЬ
МОЙ СВИТОК ВЕРНЫЙ...

МЛАДЫХ БЕСЕД
ОСТАВЯ БЛЕСК И ШУМ,
Я ЗНАЛ И ТРУД И ВДОХНОВЕНЬЕ...

Впрочем, последнее уже знали. На российском Парнасе именовался он «чертенок-племянник». Дядюшка Василий Львович радовался, что «Александровы стихи не пахнут латынью и не носят на себе ни одного пятнышка семинарского». Дядюшка был горд, но теперь заметил: говоря о племяннике, его не поминают вовсе. Знакомства искали с Александром Пушкиным—просто.

В начале февраля, большой простудой, уединился Пушкин в лицейском лазарете. Муза посещала его здесь столь охотно, что даже стены хранили ее следы:

Вот здесь лежит больной студент;
Его судьба неумолима.
Несите прочь медикамент:
Болезнь любви неизлечима!

Это была легкая шутка. Теперь он писал сказку о Бове, забавляясь иногда беседою с доктором Пешелем. Франц Осипович Пешель, рослый моравец, веселый был добрjak; от всех болезней потчевал лавровищневыми каплями, и, по общему мнению, отзываться о нем дурно могли только его больные. К Пушкину был Пешель особенно учтив,—достаточно с него и одной эпиграммы.

— Друг мой, вас спрашивает какой-то странный господин.

Странность господина—небольшого роста, с бледным лицом, застенчивым взглядом голубых глаз и светлыми выющиеся волосами,—оказалась лишь в том, что был это Батюшков. Пушкина поразило: как непохож он на свои стихи!..

Они проговорили долго. Пушкин много читал. К концу встречи, путая все чаще «ты» и «вы», Батюшков обнял его дружески за плечи:

— Живи, как пишешь. И пиши, как живешь.—Он задумался.—Иначе все отголоски лиры твоей будут фальшивы.—Потом, быстро меняя тему, спросил:—А что сочиняешь теперь?

— Пишу сказку. О Бове.—Пушкин замялся проклизиво,—во вкусе Вольтера.

— Александр! Уступи Бову мне! Сюжет нынче для меня как нельзя более кстати. Элегии мои старятся; нужно иное...

Пушкин подарил сюжет Батюшкову, не сожалея. Он был полон другим. Кастьльский ключ забил тотчас; он писал послание к Батюшкову:

И, с дерзостным Икаром
Страшась летать не даром,
Бреду своим путем:
будь всякий при своем.

В последнем стихе он вспомнил Жуковского. А едва сошел снег и запахло в парках весною, увидел Пушкин его самого: печально-изящный, элегически торжественный, в полутонах северной весны казался он живой принадлежностью царскосельских аллей.

Пушкин узнал его тотчас, хотя не видел прежде. Жуковский шел медленно, неслышно ступая по влажной дорожке, под легкой тенью старых сквозных лил, в широкополой шляпе, изысканно просто сидевшей на склоненной чуть голове, в темно-коричневом рединготе, которого пелеринки спускались ровною лесенкой—как строчки стихов. Отметил Пушкин: как не похож был на свои стихи Батюшков, так был Жуковский сродни им.

К этому визиту он готовился. Вот уже несколько дней на зеленом сукне конторки в четырнадцатой комнате Лицея лежит большая тетрадь. На первом листе отменим каллиграфическим почерком Данзаса: «Стихотворения Александра Пушкина». Он отобрал лучшее—показать Жуковскому.

Бережно берет Жуковский тетрадь вместе с посланием, ему адресованному. Он благодарит, но не знает, как полон Пушкин его стихами, не знает, что ими

поверяет он свои чувства. А между тем в те дни...

В те дни, когда впервые
Заметил я черты живые
Прелестной девы, и любовь
Младую взволновала кровь...

Это он напишет потом—вспоминая. А теперь доверит дневнику:

«Я счастлив был!.. нет, я вчера не был счастлив; поутру я мучился ожиданием, с неописанным волнением стоя под окошком, смотрел на снежную дорогу—ее не видно было! Наконец я потерял надежду, вдруг нечаянно встретилась с нею на лестнице,—сладкая минута!..

Он пел любовь,
но был печален глас.
Увы! Он знал
любви одну лишь муку!

Жуковский.

Как она жила была! как черное
платье пристало к милой Бакуниной!
Но я не видел ее 18 часов —ах! какое
положенье, какая мука!

Но я был счастлив 5 минут...

Пушкин таил дневник, но чувств к Кате Бакуниной, которых избыток сочился в стихах его, тайти не мог. Нет, он никогда не называл ее по имени, но «К живописцу», «Итак, я счастлив был...», «Осеннее утро» и еще цикл элегий—это о ней, это она, Бакунина,—первое его чудное мгновение.

Жуковский был сражен—не столько неподдельною страстью, сколько зрелостью мысли, в шестнадцатилетнем лицемите поразительной. Форма? Форма была совершенна. Мог ли он учить этого юнца?! Да и кто мог!

Свои стихи Жуковский читает Пушкину, волнующая как мальчик. Пушкин запоминает все с лету; строчки, миновавшие вдруг его память, Жуковский правит или уничтожает вовсе: вкус Пушкина безошибочен.

После первой встречи он напишет Вяземскому: «Я сделал еще приятное знакомство! с нашим молодым чудо-творцем Пушкиным. Милое живое творение! Он мне обрадовался и крепко прижал руку мою к сердцу. Это надежда нашей словесности... Он написал ко мне послание, которое отдал мне из рук в руки—прекрасное! Это лучшее его произведение».

Послание не сохранилось. Но—помнить страшно!—оно превосходило то, что мы знаем!..

Вяземский приехал с Карамзиным. К Пушкину они явились во время классов, переполошив профессоров и нового директора Егора Антоновича Энгельгардта. Директор улыбался Карамзину, широко разводя руками, как гостеприимный хозяин: он тронут, до счастья тронут столь... Рядом с именими гостями, одетыми в простое дорожное платье, Энгельгардт—в светло-синем фраке, черных шелковых чулках и башмаках с пряжками—был театрален и торжествен. Это соответствовало его чувствам. На Пушкина смотрел он с отцовской нежностью, хорошо сырьенной. Пушкин был смущен, хотя подобные к нему визиты давно уже не были редкостью.

Вяземский шепнул Пушкину, что Карамзин «пострился в историки». «Язвительный поэт, остряк замысловатый» говорил просто и точно; в этом была неизъяснимая красота. К русскому слову прислушившийся, тотчас оценил Пушкин живую простионародную его речь. «Резкий охлажденный ум» молодого эпиграммиста пришелся по сердцу. Нравилось и прошлое Вяземского: Пушкин знал, что при Бородине под ним убиты две лошади. Он почувствовал: они будут друзьями.

Карамзин был кумир. Всего лишь годом старше его отца, он был почти история русской словесности и при этом—главою нового ее направления, к которому причастным полагал себя и

Пушкин. Слово «карамзинисты» ему нравилось,—оно было молодым и задиристым. Стихами своими и особенно прозою Карамзин повернул русский язык к выражению чувств; прежде он был тяжеловат для этого. В самом Карамзине все было отменно и незаурядно: лицо человека, утомленного размышлением, его не старило; ступал он упруго, спину держал прямо, как хороший наездник. Приятна была мысль, что, приехавший хлопотать об издании главного труда своего, Карамзин проведет лето в Царском Селе, рядом с Лицем.

Было это, быть может, самое прекрасное лето в лицейской его жизни. Тому, правда, явились причины и помимо приятного с Карамзином соседства.

Царскосельская жизнь переменилась в один день. Тихий городок ожила: на зеленых улицах замелькали красные ментики, по брускатым мостовым заокали полковые лошади, на плацу пошли учения, военная музыка играла в парке, а в гостиных зазвенели шпоры. Лейб-гвардии Гусарский полк воротился в Царское Село из европейского похода.

Молодые офицеры скоро сошлись с лицейскими; казармы были рядом. Этого-то соседства опасался новый директор. Полагая пресечь нежелательные знакомства, завел он в своем доме вечера с музыкой и дамами; вечера были приличны и нравились Энгельгардту. Впрочем, лицисты, всего более его беспокоившие,—Дельвиг, Пущин, Вольховский, Кюхельбекер и, конечно, Пушкин,—предпочитали, к великому его сгорчению, общество гусар. Огорчаться Егору Антоновичу было отчего. Как человеку, почтавшему превыше всего порядок и ревностно охранявшему нравственность, несносна была мысль, что воспитанники, будущие столпы отечества (а Егор Антонович постоянно подчеркивал это), проводят время возле конюшен. Дело не в том, разумеется, что он не любил царскосельских гусар, само понятие гусарства оскорбляло его убеждения; являлось оно в неизбежных своих атрибутах: бесшабашное удальство, вечные дуэли, игра, если шампанское, то ящиками, и, конечно, «эти истории», о которых в порядочных гостиных говорят шепотом. И вот эти люди, поведения более чем сомнительного, для которых не существовало, кажется, ничего святого, вошли в жизнь его воспитанников!..

Гусарами верховодил Петр Каверин. Легендарные выходки гусарского поручика шокировали одних, других восхищали. Лихой рубака, человек храбости невообразимой, Каверин не терпел ханжества, и прямата его стоила ему многих неприятностей; но в дружбе он был неотразим. Пушкин сразу сделался коротким с ним приятелем; при встречах они обнимались, Пушкин улыбался радостно и целовал Каверина в губы, пахнувшие шампанским.

Конечно, не шампанским и удальством манили Пушкина царскосельские гусары. Он почувствовал в них то, о чем так точно писал поэт и воин Федор Глинка:

Влюбившись от души в науки
И бросив шлагу спать в ножнах,
Они и в дружеских семьях
Перо и книгу брали в руки,
Сбираясь, по служебном дне,
На поле мысли, в тишине...

Этого и не разумел Энгельгардт. А между тем эти именно качества были сердцевиною людей, им порицаемых. Разумели другие. Привечал молодых гусар Николай Михайлович Карамзин.

В доме Карамзина впервые увидел Пушкин Чаадаева. Его поразило, как мастихин историограф говорит с двадцативосьмилетним гусарским корнетом. Знания Чаадаева и, что еще более поразительно, мудрость его ошеломляли. При этом в самых крайних своих суждениях Чаадаев был каменно спокоен: большое, бледное и открытое лицо его хранило, казалось, тайну веков.

Гусары, знаяшие Чаадаева, отметили, что в его присутствии невозможно говорить о пустяках; все несерьезное оставалось вне пределов могучей этой личности. Товарищей своих по полку ввел Чаадаев в дом Карамзина.

Пушкин полюбил ежедневные эти собрания. «Меж ними все рождало споры». В спорах с хозяином был он на стороне гусар. Они благоговели перед Карамзином, но не хотели, не могли согласиться с его мыслью о том, что в отечестве нашем невозможны свободные установления и что просто по размерам своим Россия никогда не сможет быть республикой. Ему возражали с жаром, политические страсти накалялись. Здесь рождались слова и речи, казавшиеся еще странными, но обещавшие в будущем что-то решительное. В Лицее об этом говорили намеками, в обществе гусар—прямо.

Надо ли удивляться, что гусарство так естественно породнилось с тем лицейским духом, который зацвел и созрел в пушкинскую пору и о котором писал (простите: доносил, конечно) неизвестный Фаддей Булгарин в записке (не знаю, как точно определить, оригинальный этот жанр) под названием «Нечто о Царскосельском Лицее и духе оного». А доносил он следующее: «В свете называется лицейским духом, когда молодой человек должен порицать все меры правительства, знать наизусть или быть сочинителем эпиграмм, пасквилей и песен предсодественных, знать все самые дерзкие и возмутительные стихи и места самые сильные из революционных сочинений. Сверх того, он должен толковать о конституции, палатах, выборах, парламентах... Либерализм укоренился в Лицее в самом мерзком виде».

Ну что ж, в проницательности, надо признаться, Булгарин не откажешь: двадцать пятый год доказал это, «Альфавит декабристов» пополнился именами пушкинского выпуска.

Но это будет потом. А тогда это только зрело. Тогда ходила по рукам неким лицистом сочиненная эпиграмма «Двум Александром Павловичам»:

Романов и Зернов лихой,
Вы сходны меж собою:
Зернов! хромаешь ты ногой,
Романов головою.
Но что, найду ль довольно сил
Сравненье кончить шпицом?
Тот в кухне нос переломил,
А тот под Австрицом.

Из воспоминаний известно: помощник губернера хромой Зернов был «подлый и гнусный глупец». Может быть, что эпиграмму, помещенную без подписи в одном из лицейских сборников, сочинил не Пушкин. Тем ценнее ее смысл как выражение общего лицейского духа. К счастью, не дошли тогда эти строки до одного из адресатов, и на выпускной акт—9 июня 1817 года—он явился, неся свою постоянную ласковую улыбку.

Александр был в черном сюртуке; государь стал тичнуть, и ему пришлося полюбить темные тона. И польсал император изрядно, но намерено не скрывал залысин тупеем; это было маленькое его кокетство. В ином он был все тот же, государь: раздавая медали и похвальные листы, читая «краткое отеческое наставление», улыбался ласково и нескончаемо...

Пушкин, слава богу, смотрел на него в последний раз. Но железную хватку благословленного он почувствует скоро.

АЧТО У ВАС?

ПРИГЛАШЕНИЕ
К СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ
КУКЛЫ
ДЛЯ МАЛЬЧИШЕК?

КОРАБЛИ
В КРАСНЫХ
ГАЛСТУКАХ

КРЫШУ
ДЕРЖИТ
ВОЗДУХ

ИСПЫТАННОМУ —
ВЕРИТЬ

«Надувной»
бетон

Конечный результат строительства по технологии, разработанной в уральском комплексном опытно-конструкторском отделе Всесоюзного института «Оргэнергострои», хорошо виден на снимке.

Такие сооружения пригодны для складов и овощехранилищ, животноводческих ферм и торговых центров, всевозможных укрытий для техники, цехов для консервирования фруктов, помещений для заготовки и хранения кормов. Причем установка секции в проектное положение длится всего сорок минут!

Для подобного строительства нужен лишь специальный резиновый баллон. Его поверхность покрывают свежей бетонной смесью, затем внутрь баллона компрессоры закачивают воздух — до тех пор, пока здание не достигнет проектной отметки. Когда бетон затвердеет, баллон убирается, и склад готов.

Оснастка не требует создания предварительной индустриальной базы, поэтому очевидно, что способ свердловчан незаменим для районов Крайнего Севера, где говоря уже о регионах, где сельскохозяйственная продукция зачастую гибнет, не дождавшись надежного и быстрого прикрытия от осенних дождей.

Юрий ВЕЛИКАНОВ.
Фото
Валерия ВОЛКОВА

Село Пироманы появится в местах, где прежде не селились люди. Причины обычные: нет воды, плохая земля. Но протянулся по этим краям один из каналов Алазанской оросительной системы, и ожила земля! Но для кого?

Вот тогда в соответствии с долгосрочным планом наиболее рационального размещения производительных сил республики архитекторы «ГрузипроСельстрой» и

ПРОЕКТЫ

Деревня по городским масштабам

спроектировали у себя в институте новое село. Причем будущие жители его могут быть спокойны — проекты их усадеб взяты горожанами не «с потолка», а разработаны с учетом традиций национального зодчества и традиционного уклада сельской жизни.

Таких «типовых» сел построено в республике немало. Однако это совсем не значит, что они похожи друг на друга. Ведь дома возводятся из типовых конструкций, но отнюдь не по типовым проектам. Кроме того, после сдачи каждого нового села в эксплуатацию

архитекторы тщательно собирают отзывы местных жителей. И в дальнейшем строительстве участвуют лишь те проекты, которые собрали наибольшее число голосов.

Общий для всех современных сельских жилищ остается одно — высокий уровень бытового комфорта: канализация, отопление, электрогазоснабжение.

Николай УКРОПОВ

ЭКСПЕРИМЕНТ

ВОДА ВОДУ МОЕТ

Обычно минеральные воды лечат недуги человека. Доридагские минеральные воды из Джильфинского района Нахичеванской АССР отныне будут «лечить» и окружающую среду. Вернее, защищать ее от грязи промышленных стоков.

Дело в том, что ученым Института неорганической и физической химии Академии наук республики удалось создать специальные добавки, которые превращают местную «минералку» в отличное средство для очистки использованной в производстве воды от всевозможных химических компонентов, «унесенных» с предприятия.

Серафим АБДУЛОВ

УВЛЕЧЕНИЯ

КУРСОМ НА СЕВЕР

Представляете, какую изобретательность надо проявить при строительстве копии судна, которого еще нет на свете? Именно так было, когда юные судомоделисты Херсона создавали модель только еще строящегося первого советского лихтеровоза «Алексей Косыгин».

Многие часы провели судомоделисты в Херсонском судостроительном производственном объединении. С фотоаппаратами, линейками, рулетками, блокнотами для эскизов. Возле стапеля, где строилось судно, и в конструкторском бюро. И многое узнали.

На настоящий лихтеровоз

будет приписан к порту Владивосток. Район плавания — моря Северного Ледовитого океана. Судно способно взять на борт семьдесят восемь лихтеров (несамоходные баржи).

Копия лихтеровоза уже готова. Ее вы видите

на нашей фотографии. Причем модель оказалась настолько удачной, что тут же стала экспонатом Херсонского краеведческого музея.

Анатолий ЛЕЛЬЕВР.
Фото автора

НОВЫЕ ТОВАРЫ

«БОЛЕЛЬЩИКИ»

Двенадцать стран мира покупают продукцию московского завода игрушек «Кругозор». Несмотря на молодость (самому заводу, между прочим, пошел лишь восьмой год), здесь работают зрелые, опытные мастера. Комсогр швейного цеха Н. Рыжкина, например.

Вторая причина, по которой игрушки «Кругозора» пользуются завидной популярностью, — непрерывное обновление ассортимента. Про-

И «ФУТБОЛИСТЫ»

ектно-конструкторский отдел по разработке и внедрению новых видов игрушек предложил недавно поставить на конвейер сразу троих «новорожденных» — кукол «бамбино», «футболист» и «болельщик». В тот день, когда были сделаны эти снимки, завод впервые выпустил сто пятьдесят «болельщиков» и «футболистов».

Константин ЛОШАКОВ.
Фото
Владимира МАШАТИНА

НОВОЕ — СТАРОЕ

Ода столетнему экипажу

Совсем было отчаялись работники Рижского трамвайно-троллейбусного управления! К столетию самого древнего вида городского транспорта — трамвая они задумали сделать подарок Риге: показать людям самый первый трамвайный вагон. Первые поиски не дали результатов. И все же на местной киностудии упорные энтузиасты отыскали остатки «прадедушки» рижского трамвая. Но в каком виде? Лишь в одном из окон сохранились остатки стекла вентиляционной форточки с орнаментом — и все.

Однако энтузиасты не унывали. После активных архивных поисков был «вычислен» дом, в котором действительно нашлось еще кое-что: обломки латунных деталей вагона, основы куполов бывших лампочек, двери со специальным отверстием, через которое продавались билеты.

Остальное специалисты додумали и восстановили сами. Причем даже окраска «прадедушки» подлинная. Ее определили по цветному изображению, найденному в архиве Рижского городского архитектурно-планировочного управления.

Ивар КРУМИНЬШ

ЦАРСВИ

ОБЫКНОВЕННАЯ
КВАКША
ЖИВЕТ НА
ДЕРЕВЬЯХ И
КУСТАХ.
ЛОВКО
ПЕРЕПРЫГИВАЕТ
С ВЕТКИ НА
ВЕТКУ.
ПОСЛЕ
ЖАРКОГО ДНЯ
ОНА
СПУСКАЕТСЯ
НА ЗЕМЛЮ,
КУПАЕТСЯ,
А ПОТОМ УЖЕ
ПРИСТУПАЕТ
К ОХОТЕ.

ЗЕЛЕНУЮ ЖАБУ МЕНЬШЕ,
ЧЕМ ДРУГИХ, ИНТЕРЕСУЕТ
ВЛАЖНОСТЬ ВОЗДУХА, ЕЕ ПЕСНИ
ЗВУЧАТ ДАЖЕ В ПУСТИНЕ.

Эра биологии

Людмила
СТИШКОВСКАЯ.
Фото автора

И вдруг мне вспомнилось:
Я—царь!
Об этом забывал я годы.
Но как же быть?
Любой букварь
Свидетельствовал это встарь.
Что человек есть царь природы.

Прочитав эти строки, я пожалела, что под руками нет современного букваря. Но, подумав, решила, что вряд ли стоит расстраиваться. Если буквари, издающиеся в наши дни, затрагивают ту же тему, что и Леонид Мартынов, трактуют они ее по-другому. Иначе и быть не может. Столетия дикая природа казалась незыблемой, вечной, воспринималась как нечто само собой разумеющееся. Но кончился девятнадцатый век, стал набирать темп двадцатый, прогресс начал основательно теснить ее, уничтожать. Вскоре было сделано открытие: природа—очень сложная система, все, что входит в нее, уникально и тесно связано друг с другом. А человек, хотя и венец ее творения, но не царь, не узуратор, а лишь один из членов громадного сообщества, обитающего на планете Земля. И если он пробудит силы, враждебные животному и растительному миру, то может сам себя уничтожить.

К сожалению, это не слова. Как показывают точные подсчеты, с 1600 по 1969 год канули в Лету 94 вида птиц и 63 вида зверей. Сейчас под угрозой исчезновения находится более 600 видов птиц, около 120 видов зверей.

Не помню где, но однажды мне попалось высказывание, поразившее меня. Я запомнила лишь его суть. Человек на самом деле такой, каким он бывает, когда остается один на один с собой, когда считает, что за ним никто не наблюдает. Я живу в новом районе. Из окна квартиры, расположенной на пятом этаже, хорошо просматривается достаточно большое пространство, испещренное тропинками. Люди на этой площадке, особенно днем, появляются не часто, и им даже в голову не приходит,

УВИДЕТЬ СЕРЫХ ЖАБ В ВОДО-
ЕМЕ МОЖНО ТОЛЬКО ВЕСНОЙ, В
НАШЕЙ СТРАНЕ ЭТО САМЫЕ
КРУПНЫЕ ЖАБЫ: ИХ ДЛИНА ДО-
СТИГАЕТ 20 САНТИМЕТРОВ.

что их здесь кто-то может увидеть. Потому ведут они себя раскованно, без всяких внутренних поправок. Вот на тропинке молодой человек. Остановился. Закурил. Пустая пачка из-под сигарет летит в снег. Молодой человек, появившийся вслед за первым, присел на заборчик возле голубятни. Пока ждал своего приятеля, решил испробовать силу на деревце. Рядом с заборчиком стал торчать остаток ствола, а приятели исчезли из моего поля зрения. Однако тут по тропинке зашагала женщина. Видно, что-то вспомнила, стала копаться в хозяйственной сумке. И в сугробе оказывается сверток.

Как станут вести себя люди, за которыми я наблюдала, когда окажутся в лесу, на реке? Они будут верны себе?

У меня есть знакомые, которых во все времена года вполне устраивает городской ландшафт. И таких людей немало. Однако я, как и миллионы других, когда стоит хорошая погода, не могу усидеть на месте. И вот воскресенье. Светит солнце. Иду по оврагу. До пруда еще далеко, а в одно ухо влетает репортаж спортивного радиокомментатора, в дру-

гое—голос задыхающейся от сверхритма гитары. Вскоре все заглушают магнитофонные крики. Настроение падает. Зачем эти люди покинули город? Природа как таковая им не нужна. Ни хор кузнецов, ни другие голоса Земли они не слышат. Надежно заслонились от непривычных звуков техники.

Нет, я ошиблась, решив, что природа никого не интересует. На берегу—бездыханные тела лягушек, их полувысохшая икра, охапки водных растений—их былье убежища. Наконец вдали замечаю охотника на лягушек. Оказывается, он еще не закончил «работу» в руках камень и рогатина. А как же иначе? Охотится ведь не на беспомощных существ, а на грозных хищников. В очередной раз меня душит стыд за своих собратьев. В очередной раз чувствую полное бессилие. «Что предпринять? Слова бесполезны. Но что на него может подействовать?»—мечтается мысли. «Еще раз увижу за этим занятием—отлуплю!»—вдруг неожиданно для себя выпаливаю я. И тут же, вспомнив про свою тщедушность, внутренне сникаю. «Как бы не получилось наоборот»—мелькает мысль. Но детина, видимо, удивленный, что у лягушек могут быть защитники, лепечет: «Это не я, я

их не трогал». «И что они тебе сделали?»—спрашиваю, не зная зачем. Парень, забыв о своей невинности, отвечает: «А они вредные, ядовитые». Серьезный подход. Вершит суд кому жить, а кому не жить—не просто так. Приговор выносится на основе обвинения. Вот только есть маленькая деталь. Аргумент, выдвинутый против лягушек, с огромной бородой. Появился он столетия назад. Усердно передается из поколения в поколение. Но пока что в нашей стране по вине амфибий еще ни один человек не попал в больницу.

Сотни лет висит над лягушками и другое обвинение. В прямую связь с ними ставят появление бородавок на руках. Блажен, кто верует. Однако это продолжение серии сказочных преданий типа: «Раздави лягушку—пойдет дождь».

Стремление обезопасить себя от предполагаемых напастей еще можно как-то понять. Хуже, когда заявляют: «А зачем они нужны, эти лягушки?» И действительно, какая от них прок?

14 мая 1794 года, почти двести лет назад, из-за лягушек скрестили шпаги два итальянца: профессор анатомии Луджи Гальвани и физик Alessandro Volta. Один утверждал, что существует «живое электричество», другой отрицал это. Спор растянулся на десятилетия: продолжали его уже сторонники Гальвани и Вольты. А когда дискуссия закончилась, началась эпоха электротехники, родилась электрофизиология. Для великого русского ученого Ивана Михайловича Сеченова 1866 год был не очень приятным: против него—автора «Рефлексов головного мозга»—было возбуждено судебное дело. Узнав об

АЛЯГУШКИ

этот, Иван Михайлович сказал: «Зачем мне адвокат? Я возьму с собой в суд лягушку и проделаю перед судьями все мои опыты...» И в прошлом и в настоящем заслуги этих невзрачных существ в развитии науки и культуры столь велики, что в Париже перед зданием Пастеровского института им установлен памятник. Недавно на деньги, собранные японскими студентами-медиками, в Токио воздвигнут второй памятник лягушке.

Амфибии давным-давно заслужили еще один памятник. Они добровольно взяли на себя черную работу санитаров: уничтожают врагов лесов, полей, садов, огородов... На одном квадратном километре лягушки за год истребляют 15 тонн представителей леса. Комары, между прочим, тоже по их части.

Но даже если бы амфибии не приносили никакой видимой пользы, разве ставили бы они от этого хуже? А разве само наблюдение за ними неспособно дать человеку целую гамму впечатлений?

Весна. Она еще осторожноступает по земле, а травяные лягушки собрались в пруду, у них разгар свадеб. Вхожу в воду. Стою, стараясь не делать руками резких движений. Вскоре начинаю подозревать, что меня принимают за обыкновенный пень. Пенек, правда, не сколько высоковат. Поэтому лягушка надеждой, что лягушки, несмотря на мою несуразность, все же приняли меня в свою компанию. Пытаюсь разобраться в положении дел. Рядом со мной счастливчики. Они не выпускают своих невест из лап. Остальные, судя по виду, не теряют надежд. Сидят, смотрят во все глаза, прислушиваются к каждому вслапску. Головы некоторых торчат из икры. Нет, это не чадолюбивые отцы. Травяных лягушек не интересует будущее потомство. Но, может, ими движет гастроэномический интерес? Тоже нет. Пока не закончится сезон свадеб, у травяных лягушек пост, букашку даже не съедят. Но зачем тогда они забирались в икру? Хитрецы. В икре теплее, чем в воде.

Время летит быстро. Проходит три недели. И снова светит солнце. Снова пруд. Тот же. Травяные лягушки давным-давно в лесу. Вдруг раздается звонкая мелодичная трель. Услышав в первый раз эту трель, я стала осторожно подбираться к певцу, хотела выяснить, что за птица поет в кустах на берегу. А обнаружила на мелководье зеленую жабу.

Зеленая жаба оказалась гостеприимной. Она разрешила подойти к себе очень близко. Больше того, звала себя, как кинозвезда. Словно и не щелкал рядом фотоаппарат.

На следующий день, найдя свою знакомую на старом месте, я попробовала спеть, как она. Зеленая жаба привстала, выпрямилась насколько могла и вежливо ждала, когда я закончу свою партию. А потом в тишине зазвучала ее трель. Настала моя очередь. И опять запела зеленая жаба. Успех не вскружил мне голову. Я понимала, мои трели далеки от совершенства. Я замолчала. Зеленая жаба стала петь одна. Поблагодарив ее за участие в дуэте, за то, что она синхронизировалась с непрофессионалом, я пошла в глубь пруда. Неподалеку послышались жалобные стоны. Это сын жерлянки вводил несведущих в заблуждение. На самом деле с ним ничего не случилось. Он прескокой лежит на воде и выводит свою незамысловатую песенку: «Унк-унк-унк...» А издали кажется, что доносятся чьи-то стоны. Хотя, конечно, у сына жерлянки, который теперь стал взрослым, есть основания

жаловаться на свою жизнь. Ему надоело одиночество, он решил жениться. Об этом он и поет-стонет.

Сына прудовой лягушки одолевают сходные заботы. Поэтому и он начал исполнять серенаду. «Козкс, козкс, козкс...» — самозабвенно выводил сын прудовой лягушки. Вдруг вода заколыхалась. Сын прудовой лягушки простирая вперед передние лапки. Но, увы, он ошивается. Рядом с ним выплыла не долгожданная невеста, а моя знакомая — жаба. И сразу запротестовала. Разумеется, не открывая рта. Так положено разговаривать амфибиям. Не разомкнув уст, они ухитряются сообщить друг другу все необходимое. На этот раз в переводе на наш язык было сказано: «Я — не лягушка. Я — зеленая жаба. Не смей меня трогать».

Наконец переполох утихает. Можно и проходить. Добыча под носом. Жужжит, гудит назойливо. Сын прудовой лягушки не выдерживает, пускает в ход лассо — язык. Лассо срабатывает без промаха. Жук поиман. 50 зубов, правда, только на одной челюсти, но все равно можно позавидовать. Однако не торопитесь. Лягушачьи зубы мелкие, вдобавок их проще нащупать, чем увидеть. Поэтому единственное, на что они способны, — не дать ускользнуть добыче. А добыва? Она не успевает прийти в себя, как ее проглатывают. Язык у лягушки — приверженец узкой специализации. Освоив ловлю насекомых, он разучился их глотать. Глаза, наоборот, не прочь совмещать даже совсем не смажные профессии. И расплываются за это. Время от времени они пытаются исчезнуть в физиологии лягушки куда-то внутрь головы: помогают проглотить добычу.

При всех достоинствах лягушки и жабы не гурманы. Ни внешний вид лица, ни запах, источаемый ею, их не интересуют. И любому насекомому приходится прерывать бег или полет навсегда. Зная это, можно подумать, что у лягушек нет сердца. Но подозрения беспочвенные. Есть. Причем целых пять. Одно, как и у всех, перегоняет кровь, а четыре остальных — лимфу.

На этом чудеса не кончаются. Ничем не прикрытая, всегда влажная кожа амфибий — извечный повод для неприязни людей к ним. Но в свое время амфибии не подумали, какое они будут производить впечатление. И разделись до неприличия. На то у них, правда, были причины. Они вздумали дышать кожей. Но осуществлять это действие можно, лишь когда она влажная. В результате амфибии стали единственными, кто нарушил закон: у живущих на суше кожа должна быть сухой.

Неподчинение к законам, как известно, чревато последствиями. Лягушек тоже ждала кара. Они попали в заколдованный круг. Влажная кожа — словно открытая водная поверхность. А испарение сопряжено с понижением температуры. И как бы ни старалась лягушка удержать в своем бедном теле крохи тепла, ей ничего не удается сделать. Она холоднее воздуха. Вот вам и еще один повод считать ее отвратительным существом.

Но тем не менее каждый год, пока в водоемах есть лягушки, я приезжаю к ним в гости. Уверена, радость от общения с ними испытываю не только я. И если в один прекрасный день они перестанут выводить свои незамысловатые рулады, не будет возможности просто увидеть их, жизнь станет тускнее. А между тем некоторые амфибии, как и птицы и звери, уже попали в печально известные Красные книги. И ждут они помощи человека.

МАТЫШАШКИШАХМА

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

Под редакцией
мастера
Виктора КРАМАРЕНКО

Многие читатели спрашивают, когда партия считается закончившейся вничью. «Шашечный кодекс СССР» гласит:

1. Партия считается закончившейся вничью, если:

— один из участников предложил ничью, а другой принимает это предложение;

— один из участников, установив, что за последние 30 или более ходов материальное соотношение сил не изменилось, до совершения хода заявляет о прекращении партии;

— шашист, имея в окончании партии три дамки (и более) против одной дамки противника, своим 15-м ходом (считая с момента установления соотношения сил) не возьмет дамку противника;

— участник, имея в окончании партии три дамки (и более) против одной дамки, находящейся на большой дороге, своим 5-м ходом не сможет добиться выигрыша;

— участник, имея в окончании партии две дамки или дамку и простую против простой или дамки, своим 10-м ходом не сможет добиться выигрыша;

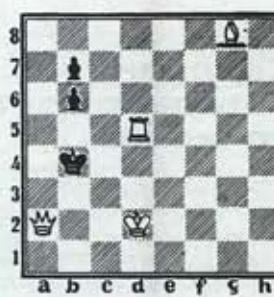
— три (или более) раза повторяется одна и та же позиция (одно и то же расположение шашек), причем очередь хода каждый раз будет за одной и той же стороной.

По просьбе читателей в следующем номере мы продолжим знакомство с «Шашечным кодексом СССР».

Второй тур

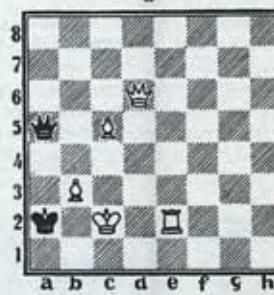
1. Б. Таранцев (Ворошиловградская область).

Публикуется впервые

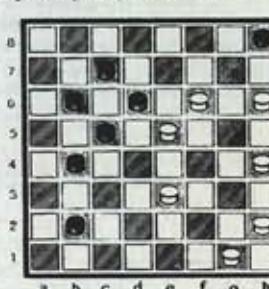
Белые: Kpd2, Fd2, Ld5, Cd8 (4).
Черные: Kpb4, pl. b6, b7 (3).

Белые начинают и дают мат в 2 хода (1 балл).

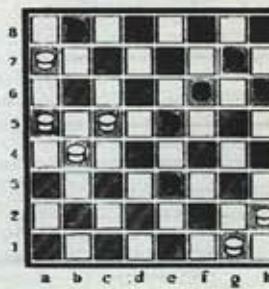
Белые: Kpc2, Fd6, Le2, pl. b3, c5 (5).
Черные: Kpa2, Fa5 (2).

Белые начинают и дают мат в 4 хода (3 балла).

2. А. Катнуш (Винница).

Публикуется впервые

Ответы на задания присыпайте только на открытках (без конвертов) с пометкой «Шахматный конкурс-83. 2-й тур». Последний срок присыпки ответов 15 октября (по почтовому штемпелю).

По просьбе читателей напоминаем, что «Шахматный конкурс-83» будет состоять из восьми туров, последнее задание мы опубликujemy в № 22. Итоги конкурса редакция подведет в следующем году. В № 23 за этот год вы найдете ответы на задания «25-й шахматной олимпиады», завершившейся в № 14, а спортивные результаты этого заочного соревнования будут опубликованы в № 24.

В обеих позициях белые начинают и выигрывают.
Последний срок присыпки ответов на задания второго тура — 15 октября (по почтовому штемпелю).

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

В ПАМЯТЬ О ПОДВИГАХ И ЖЕРТВАХ

В итальянском городе Комо состоялось открытие памятника в честь героев европейского антифашистского движения Сопротивления. Автор — известный скульптор Джанни Коломбо. В основание памятника заложены 12 камней, привезенных из 11 бывших нацистских концентрационных лагерей и из Хиросимы. Выступавшие на митинге говорили о высшем долге каждого человека сегодня: помочь спасти мир от ядерной катастрофы.

«УНИТА», ИТАЛИЯ

Контролирует Уру

Днем и ночью шумят толпы пассажиров в международном пражском аэропорту, самолеты отсюда улетают во все концы планеты. Тысячи пассажиров проходят обычный таможенный досмотр. Но в персонале таможни есть и не совсем обычный сотрудник — пешик Уру. Перепрыгивая с чемодана на чемодан, он деловито приносила к каждому из них и безошибочно указывает на то место багажа, в котором почтуя запах наркотика. Да, бывает, что и такой «груз» пытаются провезти визитеры с Запада...

«КВЕТЫ», ЧССР

Когда газета не нужна

По данным министерства культуры Франции, французы и француженки отворачиваются от ежедневных газет. Почти каждый третий из числа опрошенных заявил, что «никогда или почти никогда» не читает газет. Согласно проведенной анкете, жители Франции уделяют просмотру телевизионных программ в среднем по два часа в день, слушанию радиопередач — один час, а чтению газет — всего пятнадцать минут.

«АНТЕНИ», БОЛГАРИЯ

САМЫЕ ДРЕВНИЕ ИЗ МИНЕРАЛОВ

Группа австралийских студентов обнаружила неподалеку от города Микаттара, расположенного на западе Австралии, в древнем русле реки минерал, возраст которого исчисляется в 4,1—4,2 миллиарда лет. Возраст на 400 миллионов лет больше, чем у самых древних земных пород, известных до этого. Другими словами, образование найденных минералов началось приблизительно в то же самое время, когда начала формироваться планета. Речь идет о гранулах циркония, содержащихся в песчаных отложениях, которые обнажились в процессе длительного выветривания.

«СКИНТЕЙЯ», РУМЫНИЯ

Карлсон, который едет по улице...

Прохожие в Париже стали недавно свидетелями необычного зрелища: по одному из мостов, перекинувшимся через Сену, несясь с невероятной скоростью какого-то молодой человека, ухватившись обеими руками за что-то наподобие вентилятора, с роликовыми коньками на ногах. Остановившись, незнакомец представлялся любопытным и объяснял: «Меня зовут Фрэнсис Траунинг, я являюсь автором изобретения, названного мною «роллермэн» — «катящийся человек». И пояснял: специальный моторчик приводит в движение пропеллер, который позволяет человеку, надевшему ролики, быстро и легко двигаться вперед. 27-летний Фрэнсис родился и ра-

ботает в Женеве. Он убежден, что открыл новое средство индивидуального передвижения, способное решить многие проблемы на перегруженных автотранспортом городских улицах.

«ФИГАРО», ФРАНЦИЯ

Почти всё о планете Земля

Выпуск оригинальных универсальных глобусов освоен на одном из предприятий итальянской фирмы «Нова Рико» во Флоренции. Новое наглядное пособие сочетает в себе сразу несколько достоинств: помимо физической и политической карт мира, по нему можно изучать данные о климате нашей планеты в зимнее и летнее времена года.

«СВЕТ В ОБРАЗЕХ», ЧССР

По патенту капитана Немо

Неподалеку от французского города Сен-Мalo спущено на воду исследовательское судно «Акваспас». По мнению многих специалистов, создатель этого судна, известный изобретатель Жак Ружки, просто-напросто воспользовался «патентом» капитана Немо из романа Жюля Верна и фактически построил надводный вариант знаменитой подводной лодки «Наутилус». Двадцатиметровый алюминиевый корпус не предназначен для погружения в морские глубины, но, несмотря на это, Жак Ружки намеревается совершить на нем увлекательное кругосветное путешествие — как герой Жюля Верна. Судно пригодно и для подводных исследований: нижняя часть его корпуса и все дно изготовлены из прозрачного материала.

«ОРБИТА», БОЛГАРИЯ

«Макаронный музей»

Такой музей открыт в Италии. В его залах экспонируются многочисленный ассортимент спагетти, а также представлены рецепты приготовления этого национального блюда. Одним из самых ценных экспонатов музея является документ, свидетельствующий о том, что впервые макароны вошли в рацион итальянцев в 1363 году.

«НОЙЕС ЛЕБЕН», ГДР

А ЧТО НА ДИСКЕ?

Артур Линджен, врач, практикующий в пригороде американского города Филадельфии, может «читать» пластинки с записями, определяя, чья и какая музыка на них записана. Он смотрит на рисунок бороздок и канавок на диске — и через несколько секунд уверенно произносит: Стравинский, «Весна»; Штраус, «Альпийская симфония» и т. д.

По настоянию друзей Линджен выдержал испытание скептически настроенных музыкантов и музыкальных критиков. Он выступил в телевизионной передаче «Просто невероятно», по ходу которой отгадал, вернее, «прочитал» все 20 предъявленных пластинок, которые ему показывал музикант Темплского университета Стимсон Карроу.

Свой секрет Линджен объясняет следующим образом. Все канавки незначительно отличаются по форме и величине, что зависит от силы звука и частоты музыкального звучания. Канавки с мягкими пассажами кажутся черными или темно-серыми. Когда музыка становится громче или сложнее, как, например, при симфоническом аккорде, вид канавок тоже изменяется и они становятся серебристыми. Ударные акценты имеют вид крохотных зубчиков. Конечно, Линджен не просто смотрит на пластинку, но сопоставляет рисунок на диске с тем, что знает о композиционных формах.

«КВИК», ФРГ

«ТАЙМ», США

П

оздним вечером 21 августа 1961 года из Национальной галереи Лондона исчез «Герцог Веллингтонский» работы Гойи. Произошло это через пятьдесят лет после похищения знаменитой «Моны Лизы».

Портрет герцога Веллингтонского не является шедевром Франиско Гойи. Тем не менее кража картины вызвала в Англии бурю негодования: ведь речь шла о портрете английского национального героя, своего рода британской святыни. Дело породило много толков, вызвало специальные заседания правительства и дебаты в палате общин...

Своей победой над Наполеоном в сражении под Ватерлоо 15 июня 1815 года герцог Веллингтонский снискал почти легендарную славу, еще при жизни ему были воздвигнуты памятники. До этого во главе английского корпуса он оказывал поддержку испанцам и португальцам в народной войне против французского владычества. Об этом рассказывают зарисовки Гойи «Бедствия войны». Художник хотел, как он сам однажды сказал, увековечить «важнейшие героические дела и эпизоды доблестного восстания против тирана Европы».

...12 августа 1961 года Веллингтон, бурно приветствуемый местным населением, въехал в испанскую столицу. Гойя спешил ему навстречу, миновал вражеские позиции и уже после битвы у Арапиласа делал зарисовки. Вслед за первыми набросками он писал в Мадриде портрет всадника и поясной портрет размером 64×52 сантиметра. Он изобразил герцога в красном мундире с золотым галуном, медалями и орденами. Коричневое, с бронзовым отливом лицо, загоревшее под солнцем Испании, со своеобразным лбом, крупными дугами бровей, впалыми щеками, линия которых упрямо спускалась к угловатой челюсти с длинным, выдающимся вперед подбородком... Орлиный нос, с тонкими губами рот, мощная спина... Это портрет полководца-триумфатора. И тем не менее он не был традиционным портретом властелина и оставлял у зрителя ощущение новизны взгляда.

Портрет Веллингтона прошел через множество рук и в конце концов оказался в собственности герцога Лидского. В мае 1961 года лондонская аукционная фирма Сосеби сообщила в ведущем художественном журнале «Барлингтон мэгзин», что 14 июня она будет проводить распродажу известных полотен старых мастеров из собраний герцога Лидского, киноактрисы Элизабет Тайлор, фигуристки Сони Хени и прочих. Среди предложенных к продаже полотен находились творения Рубенса, Брейгеля, Франса Гальса, Кранаха Старшего, Кааналетто и «Герцог Веллингтонский» Гойи.

Около 11 часов утра 14 июня перед домом на Нью-Бонд-стрит, 34/35, толпились покупатели. В не-

опубликованный в «Смене» очерк Винфрида Лешбурга «Похищение Моны Лизы» (№ 18, 1982 год) вызвал широкий читательский интерес. Мы получили много писем, авторы которых просили рассказать о таком распространении на Западе иллюзии, как хищение знаменитых произведений искусства.

Предлагаем читателям еще одно исследование Лешбурга — историю пропажи портreta «Герцог Веллингтонский» работы Франиско Гойи. То, о чем рассказывает автор, вновь дает нам возможность задуматься о сути и формах жизни столь далекого для нас общества, где основным законом является закон денежного мешка...

Портрет герцога Веллингтонского, выполненный Франиско Гойи. На картине изображён герцог в красном мундире с золотым галуном, медалями и орденами. У него коричневое лицо, сильный лоб, крупные дуги бровей, впалые щеки. Он смотрит вправо, с выражением, которое можно охарактеризовать как «новизну взгляда».

Портрет герцога Веллингтонского, выполненный Франиско Гойи. На картине изображён герцог в красном мундире с золотым галуном, медалями и орденами. У него коричневое лицо, сильный лоб, крупные дуги бровей, впалые щеки. Он смотрит вправо, с выражением, которое можно охарактеризовать как «новизну взгляда».

ЛАШНА И ВЕЛЛИНГТОНА

ИЛИ КАК И ПОЧЕМУ ИСЧЕЗАЮТ НА ЗАПАДЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСКУССТВА

большом здании, главном корпусе основанной еще в 1744 году знаменитой художественной фирмы, и находился центр международной торговли произведениями искусства. Публичные торги у Сосеби происходили два раза в неделю и всегда являлись заметным общественным событием.

Репортеры газет раздобывали сведения о почетных гостях, занимавшихnumерованные места на шатких позолоченных стульях — богатых коллекционерах, видных антикварах. Те из многочисленных покупателей, кто не нашел места в аукционном зале, находились в соседних помещениях, расположившихся у телевизоров. Сосеби — первый в мире дом антиквариев, ставший обладателем собственной телевизионной установки. Предлагаемые к распродаже предметы были уже известны по иллюстрированному каталогу...

Доставленные на аукцион 124 картины старых мастеров, в том числе 32 из собрания Лидса, были оценены в 6,5 миллиона марок ФРГ¹, что было наивысшим итогом сезона. Правда, подобные суммы для Сосеби не были чем-то диковинным. Бухгалтерские книги фирмы хранят более значительные цифры.

Среди представленных в тот день экспонатов только портрет работы Гойи принес 140 тысяч фунтов (около 1,5 миллиона марок). По этой сенсационной цене картину приобрел американский миллиардер и коллекционер произведений искусства Чарльз Б. Райтмен, бывший президент нефтяной компании

«Тексас ойл». На следующий день, как обычно, британские и зарубежные газеты сообщали о примечательных итогах торгов. Продажа американскому нефтяному магнату портreta английского национального героя привлекла всеобщее внимание и вызвала резкую критику. Факт, что эта картина будет вывезена за границу и, видимо, навсегда останется по ту сторону Атлантики, исчезнув в частной коллекции, взбудоражил англичан. В читательских письмах британцы требовали, чтобы правительство ввело запрет на вывоз картины.

Новый обладатель полотна заявил о своей готовности перепродать картину Национальной галерее. Бюджет музея, однако, не позволял затратить взвинченную на аукционе сумму. Только лишь когда частный Исаак-Вольфсон-фонд ассигновал 100 тысяч фунтов, правительство согласилось с проектом и внесло недоставшие 40 тысяч. Портрет был передан Национальной галерее и с 3 августа, расположенный на почетном месте в вестибюле, представил взорам лондонцев. Через несколько недель он таинственным образом исчез.

21 августа галерю посетили 5690 человек. В 18 часов для публики музей закрыли. Как обычно, служащие приступили к уборке и ремонтным работам. В тот вечер 17 человек, включая электрика, работали в помещениях. Сигнальное устройство во избежание ложной тревоги включили лишь в 21 час.

Национальная галерея считалась наименее надежной из охраняемых музеев мира. Все окна зарешечены и подключены к электрической сигнализации. Все мы-

лимые подступы к музею блокированы. Музей оборудован системой фотоэлектрических элементов. Лучевая сеть, проложенная в 18 сантиметрах от пола, немедленно срабатывала, как только кто-нибудь ступал в выставочный зал.

...В 19.40 дежурный обшёл галерею. Он убедился, что в выставочных помещениях все оставалось незыблым и Гойя висел на своем месте. Тремя часами позднее один из смотрителей неожиданно обнаружил, что портрет герцога Веллингтона отсутствует.

Руководство музея немедленно известило полицию. Заведующий отделом Скотланд-Ярда, связанным с раскрытием краж, направил в музей своих талантливейших сотрудников. Восемь специалистов по дактилоскопии изучили все следы и отпечатки. По их мнению, хищение совершили три человека. Поскольку никто не указывал на взлом, следовало предположить, что воры (или один из них) остались вечером запертными в галерее.

В аэропортах и гаванях служащие уголовного розыска предприняли проверку багажа. Однако портрет обнаружен не был.

16 июля 1961 года над Южной Францией завывал мистраль, жаркий сухой ветер. В Сан-Тропе, модном курорте на Ривьере, в тот вечер отмечали праздник лета. Шторм заглушил музыку и гомон веселящихся курортников, никто не присматривал за расположенной вне пределов городка капеллой, маленьким музеем, обладавшим прекраснейшим собранием произведений XIX и XX веков.

В два часа ночи к музею подъехал небольшой грузовик. Трои мужчины перелезли через ограду и открыли дверь. Из экспонировавшегося 91 полотна они со знанием дела отобрали 57 картин работы Матисса, Утилло, Синьяка, Боннара... Сторож находился в музее только днем. Охранное устройство отсутствовало. Как раз в прошедшие недели муниципалитет Сан-Тропе поднял вопрос об обеспечении аптекарских и парфюмерных магазинов города сигнальными системами...

Едва Интерпол успел сообщить полициям западноевропейских стран о краже в Сан-Тропе и передать описание похищенных картин, как произошло еще одно событие подобного свойства, но уже за океаном. 29 июля было совершено крупнейшее похищение художественных произведений в Соединенных Штатах Америки. Из дома промышленника и известного коллекционера произведений искусства Дэвида Дж. Томпсона было выкрадено десять полотен.

...Когда Томпсон с женой возвратились домой, их взору предстали голые стены. Воры вырезали или вырывали из рам шесть картин работы Пикассо, одну — Миро, одну — ДиФфи и две — Леже. Ультрасовременная вилла Томпсона имела надежную сигнализацию, которую хозяин, однако, по злой ironии судьбы в тот вечер забыл включить.

Томпсон не стал дожидаться требований о выкупе. Он немедленно объявил о вознаграждении в 400

тысяч марок за возврат картин и обещал не поднимать «никаких вопросов», если экспонаты будут добровольно возвращены. Но полиция обнаружила их прежде, чем был внесен выкуп.

Вскоре «бандиты от искусства» вновь заявили о себе — на Ривьере, где в местах, связанных с творчеством художников, создавались (в большинстве случаев на частные пожертвования) музеи, такие, как музей Леже в Био, фонд Мазта в Сан-Поль-де-Ванс или музей в Сан-Тропе с картинами из коллекции семьи Граммон.

13 августа 1961 года в Экс-ан-Провансе, родном городе Поля Сезанна, были похищены восемь шедевров мастера. Среди представленных на выставке 48 творений Сезанна находились полотна из коллекций Сан-Луи, Берлина, Цюриха, Кардиффа, включая всемирно известных «Игроков в карты» из Лувра.

Директора музеев и частные коллекционеры нередко считали, что благодаря всемирной известности картин неприкосненность их гарантирована: ведь их нигде открыто продать нельзя. Они упускали из виду ситуацию, когда картины могут быть приобретены супербогачами, которые для своих тайных собраний никогда не гнушались покупать украденные произведения. Многие значительные творения исчезли в такого рода «анонимных» коллекциях.

Возвращение картин Сезанна было ошеломляющим. В апреле 1962 года в парижской полиции раздался телефонный звонок: «В центре Марселя стоит брошенный автомобиль. Быть может, вы его повнимательнее обследуете...» Сотрудники уголов-

¹ В. Лешбург в большинстве случаев использует финансовый подсчет в марках ФРГ.

ной полиции обнаружили оставленный автомобиль, на заднем сиденье которого лежало несколько пакетов, завернутых в газетную бумагу: восемь работ Сезанна!

Что же случилось, кто звонил в полицию? Страховая компания заявила о своей «полной несведомленности». Искушенные же люди были убеждены, что состоялась сделка между ворами и страховой фирмой... прежде чем картины появились вновь.

Кража в Экс-ан-Прованс привела, кстати говоря, к сенсационному художественному открытию. Среди пропавших полотен Сезанна находилась картина «Сестра художника». При расчистке пострадавшего при краже портфеля реставратор обнаружил на обратной стороне другую, до сих пор неизвестную работу художника — незаконченный портрет крестьянки...

С возвращением в ноябре 1962 года картин, украшенных в Сан-Тропе, широко задуманная полицейская акция могла считаться законченной. Картины были переданы владельцам. Однако в том, что касалось «авторов» и мотивов краж, остались сплошные темные места. Интерпол, к примеру, в течение нескольких лет охотился за таинственным главарем банды, которого два задержанных вора назвали своим боссом. Они именовали его Эдуард ден Пинзель или Эдуард Генри Эшвонин и характеризовали как крупного знатока искусства. Человек этот, американец, обнаружен так и не был...

Можно считать весьма вероятным, что бандиты вымогали у владельцев или у страховых компаний высокий выкуп (с непременным условием молчания) и в качестве «ответной услуги» создавали предлоги, чтобы экспонаты были найдены полицией.

И в случае с портретом работы Гойя вымогатели вскоре дали о себе знать, требуя выкуп...

Через десять дней после кражи агентство Рейтер получило письмо без подписи. Неизвестный автор сообщал, что полотно находится у него. «Портрет теперь или позднее будет продан; его возвращение возможно только после уплаты выкупа в 140 тысяч фунтов, которые должны быть переданы благотворительным организациям». Он заверял: «Никто в группе, которая замешана в этой истории, не имеет склонностей к уголовным действиям». В качестве доказательства подлинности своих предложений аноним дал точное описание тыльной стороны картины, включая текст на наклеенном листке, принадлежавшем художественной фирме, у которой в 1958 году временно хранился портрет. Он сообщал, что полотно, «не считая нескольких царапин сбоку», не было повреждено.

Розыски, предпринятые полицией, не дали никаких результатов.

В конце концов было объявлено о вознаграждении за любое сообщение, которое привело бы к поимке воров и возврату Веллингтона.

Почти через год прибыли три, естественно, анонимные, письма. Первое, проштемпелеванное 4 июля 1962 года в Ланкастере, было адресовано информационному агентству «Биржевой телеграф». Среди прочего в нем значилось: «Герцог устроен хорошо. О его температуре заботятся. Мы требуем безнаказанности и права беспрепятственно покинуть Англию. Фонд в полмиллиона фунтов должен быть собран». Затем последовало другое письмо — оно было передано в редакцию газеты «Ланкашир ивнинг пост»: «Мы ожидаем гарантии безнаказанности в течение двух недель — иначе одному Богу известно, что произойдет с Гойей. Я не безумец, но портретом владеет мой эксцентричный шурин...»

Письма были немедленно доставлены в Лондон, в Скотланд-Ярд, где произвели общепринятые исследования: проверку отпечатков пальцев, почерка и бумаги, химические анализы. Однако они не открыли никаких новых путей к разоблачению преступников.

И вдруг...

В ночь на 11 июля 1962 года взломщики забрались в художественную галерею Джекьюса О'Хана и украли 35 картин общей обозначенной стоимостью в 4,5 миллиона марок. Среди них были 10 работ Ренуара, полотна Моне, Тулуз-Лотрека, Боннара и Пикассо.

Уже в тот же день лондонское страховое общество назначило за информацию, гарантировавшую возвращение картин, вознаграждение в 230 тысяч марок. Если бы ворам удалось в качестве выкупа заполучить эту сумму, следовало опасаться, что этот пример найдет много подражателей, и в Англии мог бы возникнуть новый «фронт деятельности» для преступников.

Скотланд-Ярд немедленно информировал все фирмы страны, торгующие произведениями искусства, полицейскую и таможенную службы аэропортов и гаваней. Был подключен и Интерпол. Полицейские центры 76 стран получили фотографии украденных произведений.

Антиквар О'Хана, уроженец Испании, — известная личность в мире искусства, один из лучших знатоков французского импрессионизма. В 1956 году он организовал кампанию против подделок работ французских мастеров, а ими наводнены рынки Европы и Америки. Широкую популярность его имя приобрело в связи с

предпринятым им актом протеста против продажи в Лондоне с торгов двух акварелей Гитлера. О'Хана вызвался купить оба «произведения искусства» за 500 тысяч марок, а потом сжечь их. Однако другой «заинтересованный покупатель» предложил более высокую цену...

В ноябре 1963 года снова пришло анонимное письмо, на сей раз направленное дирекции Национальной галереи. Оно уведомляло, что «неминуемое должно свершиться, если в течение одной недели не будет достигнут компромисс». Следовало ли считаться с тем, что картина в конце концов будет уничтожена, если за возврат ее не будет обещано вознаграждение?

Через неделю председатель совета по опеке Национальной галереи лорд Роббинс опять получил анонимное письмо, которое и на этот раз было составлено из букв, вырезанных из газет. Автор провозглашал в нем свое «последнее слово»: «Минувшая неделя, но нам не сделали какого-либо предложения. Теперь более нет никаких шансов на возврат Гойи».

Национальная галерея оказалась перед необходимостью принятия трудного решения. Лорд Роббинс обратился к преступникам по телевидению и радио с возвзванием о добровольном возвращении портфеля. Но результатов не последовало. 20 ноября 1963 года Роббинс заявил, что совершенно немыслимо, чтобы галерея как государственное учреждение вела с ворами финансовые переговоры. Государство не может финансировать кражу и разбой. Он еще раз настоятельно призвал грабителей добровольно возвратить нации картину.

В последний день 1963 года преступники в письме телеграфному агентству предложили новую фантастическую сделку. Передача портфеля должна произойти публично; податель, правда, хотел появиться в маске. Для этого полиция заедет за ним на установленную улицу, сопроводит к месту передачи и затем снова доставит на определенное место. Поскольку желаемое соглашение с галереей не осуществилось, теперь был предложен новый вариант выплаты вознаграждения. Газеты, которые захотят зафиксировать эту передачу (а при популярности объекта, пожалуй, ни одна крупная газета этого не упустит), должны соответственно тиражу внести своего рода выкуп, а именно 5 шиллингов от 1000 экземпляров...

Афера с Веллингтоном обрела облик скверного детективного романа. Угрозы, бессмысленные идеи и пошлые эффекты сопровождали странную историю с кражей...

Коренастый молодой человек в один из дней сдал в камеру хранения багажа лондонского вокзала «Виктория» маленькую картонную коробку. Потом он вызвал по телефону железнодорожную полицию и сообщил пришедшему в замешательство чиновникам, что сданная коробка содержит «пепел пропавшего Гойи». Когда полицейские вскрыли пакетик, оттуда посыпалась какие-то обуглившиеся остатки. Беспокойство сменилось облегчением: точные химические анализы показали, что бело-серый пепел имел отношение не к картине, а к сожженной старой бумаге.

Картина была написана на доске размером 64×52 сантиметра и, следовательно, не могла быть свернута в рулон. Место ее хранения требовало также определенных температурных условий. Для уголовной полиции оставалось загадкой, что, хотя со временем пропажи картины прошло уже четыре года, ни один из жуликов в нетерпении или ссоре с другими соучастниками не проболтался, как это часто случалось в истории криминалистики.

В марте 1965 года агентство «Биржевой телеграф» получило письмо из Дурхема. Автор предлагал экспонировать портрет в течение месяца в Лондонской национальной галерее за входную плату в пять шиллингов с человека и после этого не производить никаких полицейских расследований, чтобы выявить, кто «совершил это страшное деяние». Деньги должны были пойти на благотворительные цели.

Академия предложение отклонила. Лорд Роббинс заявил: «Мне хотелось бы, чтобы написавший письмо понял, что мы в сложившейся ситуации ни на какую сделку не можем пойти. Кроме того, противозаконно обещать, что против грабителя не будут приняты меры. Однако я полагаю, что человек, обладающий столь большой находчивостью, должен сообразить, что после возврата картины поиски виновника преступления не будут слишком интенсивными...»

Новое письмо незнакомца было весьма примечательно. Среди прочего он писал: «Ныне я сознаю, что поступил неправильно. Но у меня нет возможности отступиться от начатого. Я не могу поверить, что властям следует опасаться, что другие последуют моему примеру: риск слишком велик, а вознаграждение равно нулю». Казалось, он раскаивается.

21 мая 1965 года «Дейли миррор» получила письмо с уведомлением, что портрет находится в камере хранения в Бирмингеме. К письму была приложена багажная квитанция.

...Картина была завернута в коричневую упаковочную бумагу. Пакет был сдан 5 мая женщиной 20—25 лет, речь которой, по свидетельству приемщика, указывала на ее «высокую образованность». Молодой человек при сдаче свертка назывался «мистером Блоксхэмом». В пьесе Оскара Уайльда «Как важно быть серьезным» некая леди Блоксхэм арендовала дом у мужчины, который, будучи младенцем, был обнаружен в камере хранения на вокзале Виктория в Лондоне...

Вокруг истории с исчезновением «Герцога Веллингтона» возникло много толков и домыслов. Существовала ли взаимосвязь между кражами в Сан-Тропе, Питтсбурге, Экс-ан-Прованс и Лондоне? Полиция допускала, что они совершены одной бандой взломщиков. Налеты всегда происходили ночью, ворам были хорошо известны объекты и защитные устройства. В Питтсбурге и Лондоне они улучшили подходящий момент, когда электрическая сигнализация была отключена. В Экс-ан-Прованс для совершения кражи избрано время, когда вооруженные вахтеры сменялись.

Общей для краж была также важная характерная деталь: воры всегда забирали только наиболее ценные экземпляры. В Сан-Тропе 34 наименее ценных полотна и 5 скульптур были оставлены на своих местах. В Экс-ан-Прованс из 48 произведений Сезанна были выбраны лишь восемь. В Лондоне был похищен только «Герцог Веллингтонский».

Могло возникнуть подозрение, что хищения организованы и возглавлялись знатоком искусства, а поскольку картины были всемирно известны и официально непродажны, их украли по поручению платежеспособного коллекционера, в «сейфовой галерее» которого они исчезли. Так, представитель известной лондонской аукционной фирмы Кристи высказал предположение, что «картины скорее всего могли попасть в руки каких-нибудь эксцентричных частных коллекционеров, чьи собрания хранятся втайне и никогда не демонстрируются».

При грабежах в Сан-Тропе, Питтсбурге, Экс-ан-Прованс и у О'Хана в Лондоне воры шантажировали владельцев или страховые фирмы. Австрийское страховое общество, в котором были застрахованы полотна Сезанна, заявило: «Мы хотим получить картины обратно, и мы готовы платить — без того, чтобы задавать вопросы».

Так утверждали себя новые формы кражи произведений живописи, своего рода «киднаппинг от искусства»....

В случае с портретом герцога Веллингтона, судя по странным текстам вымогательских посланий, речь, как считали, шла о дилетантах, которые рискнули подступиться к бесперспективному объекту и не поняли, как его обратить в деньги. Шантажисты от искусства обыкновенно «выбивают» деньги не из государственных музеев, а от богатых частных коллекционеров или страховых обществ, которые, как американский промышленник Томпсон, предпринимают собственные шаги и самостоятельно ищут возможность сделки.

...Развязка произошла в августе 1965 года предподнесла вариант, какого после существовавших до сих пор precedents и аналогичных краж произведений искусства едва ли можно было ожидать: чудаковатый пожилой человек выкрал картину из оскорблённого чувства справедливости!

Шестидесятилетний безработный шофер грузовых перевозок Кемптон Бантон, житель Ньюкасла, счел несправедливым, что бедные люди должны платить деньги за... телевизионные передачи Би-би-си. Он сам не платил налога, за что должен был трижды отсидеть в тюрьме в совокупности десять недель. Бантон отомстил: он украл «Герцога Веллингтона».

В то время, как грандиозный розыск взволновал всю страну, Гойя покоился в бельевом шкафу Бантона. И ничего удивительного, что Скотланд-Ярд вначале даже не захотел поверить старику, когда он добровольно явился с признанием.

На предварительном следствии адвокат огласил следующее заявление Бантона:

«Я никогда ничего для себя не желал. Мое единственной целью было основать фонд для бедных и старых людей, которыми в нашем обществе явно пренебрегают...»

Поднялся занавес над обстоятельствами и мотивами кражи полотна Гойи. Многие другие случаи, как, например, преступление на Ривьере, остались нераскрытыми. Разбойничьи набеги международных воровских банд, организация подпольного рынка для реализации украденных произведений искусства — «темный лес» для полиции и общественности. Почти неизменно остается неразгаданной тайной практика преступного бизнеса на воровстве шедевров искусства, составляющих гордость мировой цивилизации. Сообщений о кражах все больше, раскрытия преступлений — все реже...

Перевели с немецкого
Валентина и Иосиф СВИРСКИЕ

анонимный заказчик

Сергей ВЫСОЦКИЙ

РОМАН

никин, что это она? — испуганно прошептал майор.

— Сердце, может, захолонуло, — с бабкиной интонацией, задумчиво, но почему-то очень спокойно сказал Аникин.

— Да ты чего не шевелишься? — возмутился Семен. — Я так и буду ее держать? — Он словно бы со стороны вдруг увидел себя держащим в руках пухлую старушку, от которой пахло сердечными каплями, луком, чем-то жареным — не то котлетами, не то картошкой.

— Может, на диванчик ее положить? — предложил Аникин.

— Клади куда хочешь, — прошипел Бугаев, — только забери ее у меня. Ну! — Он слегка качнул старушку к участковому. — Да поскорей же! Может, инфаркт?

— Мы ее сейчас в больницу отправим. В Ленинград, — спокойно сказал Аникин. — На вашей машине...

Бугаев почувствовал, как напряглось вдруг тело Блошкиной, и, наконец, понял: ничего страшного с ней не случилось и участковый ведет со старухой какой-то одним им понятный поединок.

— Но ты пока хоть возьми бабусю. А я шофера позову...

— Не надо, — подала голос Блошкина и, приоткрыв один глаз, посмотрела на Аникина. — Мне уж получше. Посади, посади в кресло-то, — тут же повысила она голос, обратясь к Бугаеву. — Что я тебе, куль с овсом? Зажал так, что ни дохнуть, ни охнуть.

Семен чуть не выругалась вслух. Участковый привинул самый красивый стул, и Бугаев опустил на него Блошкину.

— Ох, милые! — Старушка вздохнула и перекрестилась. — Никак дых появился. Ну, думала, совсем конец старухе.

— Может, все-таки в город, в хорошую больницу отправить? — сдерживая улыбку, спросил участковый.

— В город, в город... — проворчала Блошкина. — За домом кто смотреть будет? Ты, что ли? Все расташут, разнесут... И варенье еще не сварено. Надо было нашего доктора вызвать, Глобуса.

— Не знаю я никакого Глобуса! — покачал головой Аникин.

— Знаешь! Толстый такой. В кабину «Скорой» не умещается.

— Ну, хватит! — негромко, но строго сказал Бугаев, досадуя на то, что оказался втянутым в этот спектакль с болезнью. — У нас, Зинаида Васильевна, дело важное и срочное. Про вашего Глобуса потом с участковым инспектором поговорите. Ему это, наверное, интересно.

Аникин покраснел.

— А сейчас скажите, кто снимает у вас комнаты?

Наверное, Блошкина поняла, что с этим чернявым, как она окрестила Бугаева, шутки плохи.

— Сейчас тетрадку свою принесу. — И вышла с веранды, пробубнив себе под нос: «Иши, распоряжается. Тоже мне командир».

— Да, бабуся... — с ехидцей сказал Бугаев.

Аникин промолчал.

— Откуда у нее дом такой большой?

— Профессорская вдова. Физик, что ли, муж у нее был, — вяло отозвался Аникин. — Лет пятнадцать как умер. Заслуженный человек, а бабка на жильцах зарабатывает. Добро бы нуждалась, так ведь за мужа пенсию большую получает...

Прошло пять минут, десять. Блошкина все не возвращалась.

Аникин сказал с беспокойством:

— Что она там, уснула? Или теперь по-настоящему сердце схватило? Ведь бабке сто лет в обед. — Аникин пошел с веранды в дом. Было слышно, как он кричал в коридоре: «Зинаида Васильевна! Где вы?» Хлопнула одна дверь, вторая. И через минуту Бугаев услышал торопливые шаги по зыбким половицам. «Что-то случилось», — подумал он и вскочил со стула.

Аникин раскрыл дверь и сказал с порога:

Продолжение. Начало в №№ 14, 15.

— Товарищ майор, украли у нее тетрадку. С регистрацией.

— Врет, небось. — Бугаев никак не мог простить Блошкиной ее фокуса с обмороком.

— Точно украли. Сейчас она правду говорит.

— Что хоть за тетрадка-то? — поинтересовался Бугаев.

— Домовая книга. По всей форме. Блошкина вестисто вела ее, только в милицию на прописку не носила.

Старуха, растерянная, даже напуганная, сидела в маленькой кухне. На столе перед ней лежал целый ворох старых бумаг — жировок, чеков, описаний и технических паспортов купленных лет тридцать назад телевизоров и велосипедов. И прочего, давно, наверное, пришедшего в негодность и выброшенного инвентаря.

Увидев Бугаева, она сказала, разводя веснушчатыми руками:

— Кому моя тетрадка понадобилась?

— Может быть, в другое место засунули? — спросил Аникин.

— Здесь она у меня, голубушка, лежала.

— Ладно, не в книге дело, — сказал Бугаев. — Вы ведь и без книги своих жильцов, наверное, помните?

— Помню, — кивнула Блошкина. — Чего мне их не запомнить?

— Назовите, — попросил Бугаев и подумал с досадой: «Всего-то и дел — на одну минуту, а завязли на целый час!»

— Валя Терехова на втором этаже в кабинете живет. Продавщица наша из гастронома.

Аникин утвердительно кивнул:

— Знаем такую.

— Тоська... — Блошкина сморщилась, напрягая память, и повторила: — Тоська, забыла фамилию... Ездит из города. В мансарде живет. И Дмитрий Николаевич, пенсионер. Дачник. Живет только летом.

— Сколько ему лет? — спросил Бугаев.

— Вроде меня сморчок. Да вот он. — Блошкина кивнула на окно. Бугаев и Аникин увидели в саду благообразного старика с белой головой, сидевшего на скамейке с книгой в руках.

— А может быть, кто-то в последние дни к вам в гости приезжал? Или к вашим жильцам? — поинтересовался Аникин.

— Мужчина какой-нибудь?

— Нет, милый, мужчина в гости не приезжал. Тоську ее ухажер тоже позабыл. Две недели как нету.

— Понятно, — сказал Бугаев, теряя сразу всякий интерес к Блошкиной, и к ее жильцам, и к нескладному старому дому.

— Кто же мою книгу украл? — спросила Блошкина и с надеждой посмотрела на Аникина. — Вы милиция. Поисками бы.

— Некогда, некогда, Зинаида Васильевна, — отмахнулся Аникин, устремляясь вслед за Бугаевым к дверям.

— Некогда! — сердито бросила Блошкина. — Я сейчас заявление напишу и принесу к вам в отделение. Будешь искать как миленький.

Идя по шаткому коридору, Бугаев вдруг подумал о том, что не догадался выяснить у старухи еще одну деталь, и круто развернулся, чуть не сбив семеняющую следом Блошкину.

— Бабуся, а никто не съехал от вас в последние дни?

— Господи, твоя воля! — испуганно отшатнулась Блошкина. — С ног ведь, леший, собьешь!

— Ну, так как? Никто не съезжал? — повторил Бугаев.

— Жил один бука два месяца. И съехал как нелюдь, даже не попрощался.

— Когда съехал?

— Когда, когда... Третьего дня съехал. — Старушка засомневалась. — Или четвертого?

— Днем съехал? — спросил Семен, уже предчувствуя ответ.

— Ночью ему приспичило. Ушел и записки даже не оставил.

— Не прихрамывал?

Старуха пожала плечами.

— А кто его знает? Я не присматривалась. — Она

задумалась. Потом сказала: — Может, и припадал на одну ногу. А может быть, мозоль натер новыми ботинками. Он, помню, коробку скороходовскую выбрасывал.

— Ну и ладно, — сказал Бугаев, успокаиваясь. Он был готов теперь простить Блошкиной все ее представление, потерянную домовую книгу и непрописанных жильцов. — Сядем теперь рядом да поговорим ладком. А то остановились посреди коридора, доски здесь гнилые, того и гляди рухнем. Ведь рухнем, Зинаида Васильевна?

— Может. — Блошкина еще не могла понять, почему это у чернявого милиционера так резко переменилось настроение. — Пойдем опять на веранду, что ли? — поинтересовалась она.

— Зачем на веранду? — весело сказал Бугаев. — Пойдем в ту комнату, где ваш беглец жил. Там вы еще никого не поселили?

— Нет. Не поселила. Вот тут его комната, рядом с кухней.

Бугаев обернулся. Оказалось, что Аникин стоит как раз перед обитой черным дерматином дверью сбравшего жильца.

— Там не закрыто, — сказала старуха.

Аникин толкнул дверь и пропустил в комнату Бугаева. Следом вошла Блошкина и остановилась у порога как вкопанная.

— Ой! — прошептала она испуганно. — Обокрали! — И схватилась за сердце, готовясь снова упасть в обморок.

— Не надо, Зинаида Васильевна, — проникновенно сказал Бугаев. — Не надо, миленькая. Не падайте. Давайте посидим. — Он взял Блошкину за локоток и усадил на тревожно скрипнувшую незастеленную кровать. А сам сел на табуретку и огляделся. Комната была небольшая. Кровать, громоздкий, красного дерева платяной шкаф с раскрытыми дверцами, две табуретки, небольшое зеркало.

— Что же у вас украли? — спросил Аникин.

— Как что? — Старуха обвела комнату взглядом. Остановилась на шкафу с раскрытыми дверцами. — Из шифоньера все вынуто. И чемодана Николая Алексеевича нет. Да, и еще... — Она опять огляделась. — Ничего здесь нет. А раньше было.

— А чьи вещи? — поинтересовался Семен.

— Его вещи, но... — Она не нашлась, что сказать, и растерянно посмотрела на Аникина.

Бугаев подумал: «Ты, небось, надеялась, что жилец неожиданно съехал, а вещи тебе достанутся».

— Значит, пропавшие вещи принадлежали вашему жильцу Николаю Алексеевичу... Как его фамилия?

— Не помню. У меня на фамилии память плохая, — сказала Блошкина. — А вещи его пропали. Мои вот остались. — Она потрогала постель, на которой сидела.

— А может быть, он сам эти вещи забрал? — спросил Бугаев.

— Тайком? — догадалась старуха. — Так чего ему тайтесь? Платят он мне за месяц вперед отдал! Да ведь еще вчера вечером все было на месте...

Бугаев прошелся по комнате, заглянул в открытый шкаф. Всюду было пусто. Только обрывки газет, куски проволоки... «Фантастика», — подумал Семен. — Если это тот самый дядя, то, значит, он остался жив. Но почему тайком?

Следующие два часа, проведенные в доме Блошкиной, словесный портрет постояльца, нарисованный Зинаидой Васильевной, а главное, упоминание ею о маленьком потертом чемоданчике с инструментами, в который она однажды из любопытства заглянула, с неоспоримостью свидетельствовали о том, что бабкин постоялец и сбитый на шоссе мужчина — одно и то же лицо.

Блошкина больше не падала в обморок, не капала себе капли. Почувствовав, что дело серьезное и от нее многое зависит, Зинаида Васильевна старалась рассказать все, что знала.

Николай Алексеевич появился у нее в доме в июне. В какой день, Блошкина точно не помнила. Зато помнила, что постоялец заплатил за весь месяц. Показал он ей свой паспорт, и Блошкина занесла в

свою домовую книгу все данные из этого паспорта. — А как же? — сказала она. — Вдруг у него и денег нет? Поживет неделю — и ищи ветра в поле. Такие у меня тоже бывали, а так он знает, что оприходован.

Блошкина так и сказала: «оприходован». Но вспомнила, что за данные о Николае Алексеевиче она вписала в книгу, старуха не смогла. И фамилию не вспомнила. Постоялец рассказал ей, что работал на Севере, теперь решил обосноваться в Ленинградской области, поближе к городу. «Куплю домик, привезу семью», — говорил он. Человек был спокойный, пил в меру. Разва два-три отсутствовал по неделе. Приезжали к нему и знакомые. Но только мужчины. Женщин в дом не водил, но однажды Блошкина видела Николая Алексеевича выходящим из ресторана «Олень» с молодой девицей. Зинаида Васильевна девицу эту знала, потому что каждый месяц получала из ее рук в сберкассе пенсию.

Бугаев поинтересовался друзьями постояльца.

— Серьезные люди, — сказала Блошкина. — Только помоложе, чем Николай Алексеевич. И знаете... — Она помолчала, словно пытаясь поточнее воскресить их в своей памяти. — Другого круга люди. Николай-то Алексеевич — простой мужик. Да и сероват. А это нет! И одеты модно.

«А ведь бабка умненькая», — думал Бугаев, приглядываясь к Блошкиной. — Разговорилась — теперь и на профессоршу похожа. А ведь как опростилась со своим хозяйством. Прямо шут гороховый».

Криминалист, вызванный майором из управления, взял, где только было можно, отпечатки пальцев, а сам Бугаев, увидев у Блошкиной в углу на веранде большую сетку с пустыми бутылками, поинтересовался, нет ли там принадлежащих Николаю Алексеевичу.

Оказалось, что три большие бутылки из-под портвейна старуха взяла из его комнаты.

Водку же пила Тоська со своим кавалером и тихая Варя Терехова, продавщица из гастронома. Нужные бутылки были осторожно изъяты из сетки и бережно упакованы.

Пока Бугаев занимался всеми этими делами, участковый вышел в сад и подсели к старичку пенсионеру Дмитрию Николаевичу, читавшему потрепанную книгу. Но ничего путного из этой беседы не получилось. Дмитрий Николаевич недавно пережил инсульт, говорил с трудом, с большими паузами и почему-то с неохотой.

Уже на следующее утро из дактилоскопического хранилища сообщили, что среди многих других «пальчиков», обнаруженных на бутылках и принадлежащих неизвестным лицам, есть отпечатки пальцев Льва Александровича Котлукова, по кличке «Бур», много раз судимого за ограбления и в июне нынешнего года вышедшего из колонии и направленного на административное поселение в Архангельскую область.

Свою кличку Котлуков получил за редкое в наши дни умение вскрывать сейфы.

7

Осокин пережидал в лесу до полудня. Его то трясло, было мелкой дрожью от озноба, то бросало в жар и начинало нещадно колотиться сердце. Он пугался, считал пульс и пугался еще больше. Ему казалось, что сердце сейчас не выдержит, произойдет непоправимое. И здесь, в лесу, вдали от людей, ему никто не поможет. Потом он достал из сумки бутылку коньяка, сделал несколько больших глотков прямо из горлышика. Сидел на заднем сиденье расслабившись, безучастно глядя на большого дятла, долбившего сухую елку рядом с машиной. Ну и что? Ну и что? — думал он вяло. И в тюрьме люди живут. Большой срок мне не дадут, все-таки человек с незапятнанной репутацией, известный в своем кругу. Возьму хорошего адвоката. Будут общественные защитники... Нет, нет! Будет правильнее пойти самому в милицию... — остановил себя Осокин. Нечего паниковать. Самое большое, что мне предъявят, — оставил человека без помощи. Да ведь и в милиции люди, поймут, что от испуга перестал выражать. А пришел в себя и сам явился. Сам! Он все больше и больше успокаивался. Даже если и судить будут?! Совсем не обязательно, что в тюрьму посадят. Сейчас на стройки посыпают. Как это у них там называется... Осокин наморщил лоб, вспомнил. Условно-досрочное освобождение... А могут присудить платить по месту службы... И тут его словно током ударило: он почувствовал, как все тело покрылось испариной. Зимой у него защита! Защита на соискание ученой степени доктора экономических наук. Соискатель — условно-досрочно освобожденный Борис Дмитриевич Осокин? Абракадабра! А представление на заслуженного работника культуры, которое послали в исполнком? Тоже псу под хвост? Он вздохнул.

Дятел, теперь совсем обнаглев, долбил елку, спустившись вниз; протяни руку из машины — можно достать. Яркий, гладенький, перышко к перышку, словно маслом смазаны, дятел показался Осокину не ко времени праздничным и самодовольным.

Аленке на будущий год в консерваторию поступать! — с тоской подумал Осокин. Это значит, уже

сейчас надо начинать суетиться. И чтобы школу с медалью окончила — тут без меня ничего не сдвигнется. Знаю я их школу: у кого из родителей веса да амбиций больше, у того и медаль в кармане. В крайнем случае аттестат с отличием... А консерватория? Будет со мной декан Геня Павлов после суда разговаривать? Чушь собачья! Ой, как не ко времени! А может быть, тот мужик живой? Это я с перепугу решил, что насмерть? Может, жив? Да вины-то моей нет — выскоцил прямо под машину. А где свидетели? Кто поверит? И тут он горько пожалел о том, что удрал. Трус, трус! — твердил Борис Дмитриевич. Твердил не со злостью, не с горечью, а с сожалением, словно бы смотрел на себя со стороны. Словно бы думал о каком-то близком ему человеке, которого он не в силах ни осудить до конца, ни простить, а лишь сожалеет о его беде. Рано или поздно все равно погадусь, — думал он. Начнут искасть... Борис Дмитриевич стал вспоминать, кто мог его видеть. В Солнечном, около отделения ГАИ, никого не было. В Лисьем Носу ехал сразу машин двадцать — целая колонна. Но все равно будут искать машину с вмятиной на радиаторе. Пойдут на станции техобслуживания, проверят мастерские... Если бы я мог отремонтировать сам! — подумал он с сожалением. Надо отыскать мастера-частника. Какого-нибудь умельца. Машину оставить в гараже на даче, пускай он на даче и отремонтирует. Но тут же Борис Дмитриевич отверг эту мысль. Милиция тоже не лыком шита, знает, что виновник на СТО не сунется, будет искать умельца. А что я скажу дома? Соседям? Друзьям? Наехал на дерево? Тогда почему не иду в ГАИ, не получаю страховку? Он вдруг насторожился. Что-то в этой тягучей череде невеселых рассуждений царапнуло его сознание. Какой-то лучик надежды блеснул. Наехал на дерево... А почему, собственно, и не наехал? И не надо будет бояться объяснений, тайно ремонтировать машину. Осокин воодушевился. Наехать на дерево — так просто. Даже подставить себе синяк или шишку на лбу. Легкая улыбка мелькнула на его лице. Жаль машину? А себя не жаль? Мудро, мудро, Боря! — похвалил он себя. Даже выпитый коньяк здесь на пользу. Да, выпил! Кстати, надо хлебнуть еще! За ваши здоровье, Борис Дмитриевич. Такая идея! Он глотнул большую порцию. Пусть проверяют, пусть лишают на год прав. Я и так теперь долго не смогу сесть за руль. Только зачем же на дерево? Мысль его лихорадочно пульсировала. В лесу, недалеко от этого места? Без свидетелей? Надо на виду у всех, в городе! Стукнуть другую машину! Не рассчитал, не предусмотрел! А этот, другой водитель? Он что, сумасшедший! Так резко затормозил у светофора! Всегда виноват тот, кто сяди? Виноват, но тот, кто впереди, тоже не должен лихачить! Скоря, ГАИ, акт. Неосторожно ездите, товарищ Осокин! Может быть, проверить на алкоголь? Пожалуйста! Не страшно, не страшно! Какая мелочь — лишение прав! А может, обойтись и без этого? Сколько я выпил? Три глотка? Смешно. Осокин ликовал. Он чувствовал себя заново родившимся.

Место, где проспект Энгельса пересекается со Светлановским и Мицуриным проспектами, шоферы окрешили «чертовым пятаком»: — уж очень много понавешено здесь светофоров и дорожных знаков, разобраться в которых не так-то просто. Поневоле задумаешься и начнешь соображать, какому знаку повиноваться.

С одним из таких «задумавшихся» водителей, молодым усатым толстяком, беседовал недалеко от перекрестка инспектор ГАИ лейтенант Волков, когда раздался резкий скрежет тормозов и почти одновременно один за другим два гулких удара.

Волков оторвал взгляд от новеньких водительских прав провинившегося толстяка. Перед светофором, воткнувшись одна в другую, застыли три машины: «Волга» и два «Жигули». Два водителя уже вылезли из своих машин и пытались открыть дверцу «Жигулей», попавших в «коробочку». Видно, дверь у машины заклинило. Наконец водитель сообразил, что есть еще одна дверца, и выбрался через нее. Молча, сосредоточенно принял разглядывать водители своих машин. На тротуаре, напротив места аварии, уже скапливались любопытные пешеходы.

— Видите, молодой человек, к чему приводит излишняя задумчивость? — поучительно сказал автоинспектор толстяку, уже который раз вытирающему платком потеющий лоб. — Целое чепе! — Он понимал, что надо поскорее идти на место происшествия, но никак не мог решиться, отпустить с миром этого потеющего толстяка или сделать дырку в его талоне предупреждения. Инспектора раздражала и молодость нарушителя — «Ведь лет двадцать, не больше, сукину сыну, — думал он. — А тоже мне! На собственной шестой модели разъезжает!» — и первоначальная дерзость нарушителя, так быстро перешедшая в заискивающую любезность, с которой он вымаливал себе прощение.

— Ладно, — наконец решился автоинспектор. — Техпаспорт и талон тебе отдаю, а за правами заедешь в отделение.

— Товарищ инспектор! — жалобно начал толстяк... — Сам видишь, некогда! — отмахнулся инспектор. — Лети отсюда соколом. Не то заработаешь прокол. — Он круто повернулся и зашагал к перекрестку.

Когда инспектор подошел к месту аварии, водители столкнувшихся автомашин, наверное, уже прикинули, во что им обойдется ремонт, и с завидным красноречием предъявляли друг другу претензии. Особенно усердствовал высокий молодой брюнет в модной кожаной куртке.

— Так могут ездить только пьяные! — кричал он, обращаясь к пожилому водителю черной «Волги», стоявшей первой у перекрестка. — Вы только подумайте, товарищ лейтенант! — бросился он к Волкову. — Тормозит, как будто один на дороге!

Водитель «Волги» молча пожал плечами. Он был спокоен. Инспектор, скосив взгляд на его автомобиль, сразу понял причину спокойствия: у «Волги» повреждения были небольшие: помят бампер, стекла багажника, левый стоп-сигнал. Да и машина к тому же была государственная. Больше всего пострадали белые «Жигули», оказавшиеся в середине, — сильно помята решетка радиатора, правое крыло в лепешку, разбиты подфарники. А багажник смят так, что жалко было смотреть.

— Ваш автомобиль? — спросил Волков у молодого крикна.

— Моя машина, — мрачно отозвался третий участник столкновения. Чувствовалось, что он переживает больше всех: лицо у него было бледное, вымученное, прядка влажных волос прилипла к большому лбу.

— Теперь хоть в металлическом. Хорошо, сам цел остался. Лихо затормозил товарищ! — Он кивнул на водителя «Волги».

— Дистанцию соблюдайте, — спокойно сказал Волков. — И машины целы будут и головы. — И добавил, уже строго официально: — Документы прошу!

Все отдали ему документы молча, только мужчина в кожаной куртке, роясь в своей «прикованной» к запястью сумке-портмоне, не переставал громко возмущаться:

— Безобразие! Просто хулиганство! Так ездят только пьяные.

«Хорош гусь, — подумал инспектор. — Мало того, что сам виноват, не затормозил вовремя у светофора, так еще хочет своего коллегу заложить».

— Машины на ходу? — спросил он водителей.

Шофер «Волги» кивнул. У крикна мотор тоже сразу завелся. Только белые «Жигули» пришлось брать на буксир. Поставив машины у обочины и попросив разойтись любопытных, инспектор сел в «Волгу» и, посадив рядом всех участников аварии, принялся составлять протокол...

Когда протокол был составлен и в него внесены все повреждения, полученные автомашинами, Волков дал всем подписать его. Кадымов, шофер «Волги», и Осокин, владелец особенно пострадавших белых «Жигулей», подписали протокол безропотно. Осокин только вздохнул. Вздохнул так тяжело, что инспектор пожал его и сказал:

— Да не горюйте. Найдете хорошего мастера, он вам так отлучит, лучше новых будут. Тем более, страховку получите...

Один Петр Викторович Вязгин долго отказывался ставить свою подпись, требуя, чтобы Волков записал в протоколе, что от удара у него «пошел» кузов.

— Это вам пусть эксперт в Госстрахе пишет, — сердито сказал Волков. — Они там во все тонкости винят.

Сказал: «Вашей вины, товарищ, нет! — он отдал Кадымову права, а документы Осокина и Вязгина положил в свою сумку. Потом полистал записную книжку.

— Послезавтра в районное ГАИ к десяти часам.

Когда они вылезли из «Волги», инспектор кивнул на осокинские «Жигули» и спросил Кадымова:

— Не отбуксируете товарища?

— Могу, — без особой охоты согласился шофер. И спросил Осокина: — Вы где живете?

— На Чайковского.

— Подходит. Целляйте трос.

Осокин засуетился, доставая из багажника трос, и, почувствовав свою суетливость, заставил себя двигаться медленнее, спокойно прикрепил трос, сел в машину, включил фары. Кадымов обернулся узнать, готов ли он. Осокин тихонько нажал на клаксон. Они медленно тронулись. И тут только Борис Дмитриевич почувствовал, как сквозь нервное напряжение, сквозь усталость где-то в глубине его души запели победные трубы...

8

«Неужели Лева Бур появился на горизонте? — думал Корнилов, слушая доклад Семена Бугаева о квартиранте старушки Блошкиной. — Только живой или мертвый?»

Теперь рассказ инженера Колокольникова о маленьком чемоданчике потерпевшего — полковник не

Рисунок Мариной ПИНКИСЕВИЧ

хотел да и просто не мог пока считать человека, сбитого автомашиной на Приморском шоссе, погибшим — приобретал высокую степень достоверности. Все выстраивалось логично: Лев Котлуков вышел из заключения в июне и сразу поселился у Блошкиной. Паспорт на имя Николая Алексеевича с неизвестной фамилией у него, конечно, чужой. «Липовый» или краденый. Пять лет Котлуков по приговору суда не мог проживать ни в Ленинграде, ни в его пригородах. Во всяком случае, под своей фамилией. А если опытный взломщик идет куда-то ночью с набором инструментов в чемодане, не может быть двух мнений о цели его прогулки. Только вот последующие события никакой логики не поддавались.

— Дружки его ухлопали, товарищ полковник! — Бугаев приехал из Зеленогорска возбужденный и не мог минуты спокойно сидеть на месте. То и дело вскакивал и начинал нервно расхаживать по кабинету.

Корнилову наконец надоели его метания.

— Семен, хватит бегать! Мелькаешь, голова кружится.

Бугаев сел.

— Давай-ка порассуждаем, Семен Иванович, по этому поводу...

— Могла произойти ссора...

— Могла, могла. — Корнилов поднял ладонь. — Но сейчас посида молча и послушай начальство.

Бугаев улыбнулся:

— Значит, рассуждать будете вы?

Корнилов не обратил на его улыбку внимания.

— Отпечатки пальцев Котлукова обнаружены и на бутылках и в комнате. Но откуда у тебя такая уверенность, что у Блошкиной жил именно он?

Заметив, что Бугаев хочет возразить, полковник остановил его:

— Возражения потом. Лева Бур мог быть просто частным гостем в этом доме. Гостем неизвестного нам постояльца. Надо срочно размножить фото Котлукова и провести опознание. По всем правилам. И Блошкиной предъявить, и ее старику дачнику, и кочегару... — Корнилов задумался. — И, конечно, Колокольникову. Вот уж если они опознают — тогда уверенность будет стопроцентная. — Он улыбнулся логоруствшему Бугаеву и сказал: — А вообще-то, Семен, у меня такое предчувствие, что ты прав. Лева Бур это. Но предчувствия нас немало уже подводили.

Полковник откинулся на спинку кресла, вытянул ноги и с удовольствием закурил.

— О чём-то, Сеня, я еще позабыл тебе сказать. Какую-то мелочь, детальку упустил, но уж очень важную... Вот память: подсказывает — забыл, а что именно, не выдает. Рыбы, наверное, мало стал есть, фосфора не хватает.

— А чего же вы? Рыба в магазинах есть. Марокканские сардины, такие красивые баночки.

— Для фосфора, Семен, свежая рыбка нужна. Об осетрине не говорю, а вот хотя бы тресочки. Ну да ладно о рыбе, — резко оборвал он себя. — Пофантазируем про наши дела.

— Лева Бур идет ночью с инструментом на операцию. Против этого ты не возражаешь?

— Нет!

— Каждому младшему инспектору в нашем управлении известно, что такие «специалисты», как Котлуков, в одиночку дела не делают. Значит, он должен был с кем-то встретиться. Но шел Котлуков не к электричке, а на шоссе. Можно предположить, что его дружки должны были приехать на машине...

— Игорь Васильевич! — не вытерпел Бугаев. — Да я об этом же и говорю!

— Ты бы какое-нибудь успокаивающее средство принимал, что ли? Валерьяновый корень пил, — чуть поморщившись, тихо сказал Корнилов. — А если была заранее спланирована и разработана операция — зачем же дружкам ухлопывать Котлукова? Человека, на чьи руки они рассчитывали?

Бугаев промолчал.

— Если Лева Бур проштрафился или вышел из доверия, его могли убить после ограбления. Да и в любое время могли убить! Но ты когда-нибудь слышал, что уголовники расправились со своими дружками таким способом? Они бы нашли что-нибудь попроще.

— Теперь мне можно, товарищ полковник? — смиренно попросил Бугаев.

— Валяй! — благодушно отозвался Корнилов.

— Все, что вы сказали, правильно. Насчет способов. Если это были уголовники. Они народ примитивный. А если Бур связался не с уголовниками? Блошкина мне говорила, что к нему разные люди захаживали. Но чаще всего интеллигентные.

— Может быть, твоя Блошкина каждого прилично одетого уже интеллигентным считает?

— Она, между прочим, профессорская вдовья, — сказал Бугаев и насупился, вспомнив, как держал эту пахнущую котлетами вдову, упавшую в обморок перед веранды. — Ну, может, тут я лишний хватил, — поправился он. — Блошкина просто насчет людей другого круга обмолвилась. Дело не в этом — Котлуков мог связаться с фрайерами...

— Когда ты отучишься от жаргона! — неодобрительно покачал головой Корнилов.

— Мог же, Игорь Васильевич?

— Мог.

— Ну вот. А для них легче на машине сбить, чем лицом к лицу с таким, как Бур, схватиться.

— Да зачем они за час до операции стали с ним расправляться? Что бы он ни натворил! — устало спросил Корнилов. — Другого времени не нашли?

— Не нашли! Повздорили неожиданно. Испугались чего-то! — Бугаев воодушевился. — И заметьте еще одну деталь: все вещи Котлукова у старушки Блошкиной вынесли. Все! И домовую книгу украли. Хотите узнать, зачем?

— Вот поэтому я и не хочу считать Котлукова погибшим.

— Нет, Игорь Васильевич, это не сам Лева Бур за своими вещичками с того света пожаловал. Его дружки решили следы замести. Не забрали бы вещи — Блошкина тревогу подняла. Может, и не сразу, но подняла. Был человек — и нету. Пришла бы в милицию, как миленькая пришла! Не рискнула бы вещи себе взять. У меня, честно говоря, сначала мелькнуло сомнение, но потом почувствовал: старушка не дура. И начались бы в милиции вопросы да расспросы. Кто, почему, куда делись...

— Чудак ты, Семен! — перебил майора Корнилов.

— Почему же? — подозрительно спросил Бугаев.

— Своими руками собственную версию разрушавшь.

Бугаев смотрел на полковника с недоумением.

— Да если ты считаешь сообщников Котлукова случайными людьми, то как же они решились в дом к старухе залезть? Все вещи вынести, найти домовую книгу и следов не оставить? Не слишком ли сложно?

— Сложно. Все в жизни сложно, — сказал Бугаев, и Корнилов улыбнулся. Когда майор не мог чего-то объяснить, он всегда подпускал тумана. Сослуживцы хорошо знали про этот его грех и частенько подсмеивались. Заметив улыбку Корнилова, Семен смущился и несколько секунд молчал, собираясь с мыслями. Потом спросил:

— А как вы объясняете пропажу трупа?

— Я тебе про Фому, а ты мне про Ерему, — вздохнул Корнилов. И сказал с нажимом: — Трупа ли?

— Колокольников так убедительно все описал...

— Два дня назад ты ни одному его слову не верил. Уши у Бугаева порозовели.

— Зачем вы так? Я верил, но сомневался.

— Во-первых, сбитый машиной человек, Бур ли это, или кто другой, может быть, жив. Мало ли? Шок, потерял сознание, под дождиком пришел в себя. Если это Бур, то он предпочел где-то отлежаться, чем обращаться к врачам. Во-вторых, его могла сбить случайная машина. Мы ведь уже говорили об этом.

— Такой подонок мог сбить и просто уехать. А если Котлуков шел на встречу с дружками, они могли подобрать его и увезти.

— Молодец. Наконец-то начинаешь смотреть поши-

ре.—усмехнулся Корнилов.—И так тоже могло быть! Мы теперь должны всерьез за автомобилистов взяться.

— И еще я об одном подумал: если у Котлукова партнеры—серьезные люди и дело крупное задумано, их его смерть не остановит... Они нового «специалиста» искать будут. Как ты думаешь, будут?

— Будут,—убежденно сказал Семен.

— Вот и здадись вплотную взломщиками. После того, как проведешь опознание в поселке. Полистай нашу картотеку. Проверь, кто из них сидит, кто на свободе. Много времени это у тебя не займет, таких монстров единицы остались. Раз, два—и очелся...

— И вот еще вспомнил про «мелочь», что в голове засела! Эта девушка... Ну, та, с которой старуха предполагаемого Леву Буру у ресторана «Олең» видела. Ты с ней поговорил?

— Поручил участковому.

— Напрасно поручил,—сердито отчеканил полковник.

— Да ведь Аникин...—Бугаев хотел сказать, что участковый—человек хоть и молодой, да опытный. И людей в поселке лучше знает. Но Корнилов не дал ему договорить.

— Пять раз подумать надо было перед этим. Девушка-то в сберкассе работает. В сберкассе! А Лев Котлуков по сейфам специалист. Может быть, они в словоре были. А твой Аникин к ней с вопросами: что да как? Где познакомились?

Бугаев подавленно молчал, понимая, что совершил непростительную промашку. Обрадовался, что бутылки с «пальчиками» отыскались, и поторопился в управление, о такой простой вещи не подумал: девчонка-кассир могла и наводчицей быть!

Он лихорадочно соображал, как можно поправить дело. Посмотрел на часы и сказал с затаенной надеждой:

— Товарищ полковник, Аникин еще не успел с ней встретиться! Наверное, не успел...

Корнилов смотрел на Бугаева вопросительно.

— Сейчас пятнадцать минут третьего. Сберкасса закрыта на обед. Участковый собирается подойти туда к открытию. Ну, знаете, посмотреть на девчонку со стороны, приглядеться, а потом уже разговоры разворачивать. Если...

— Твое счастье, если успеем!—не дав договорить Семену, Корнилов нажал на клавиш внутренней связи.

— Слушаю, Игорь Васильевич,—отозвалась секретаря.

— Срочно Зеленогорскую милицию. Срочно! Начальника, дежурного, кто подойдет!

— Игорь Васильевич, Архангельский из Красногвардейского района,—раздался в динамике голос секретаря.

— Пусть звонит позже. Ни с кем, кроме Зеленогорска, не соединяй. Что у них там, не отвечает никто?

— Линия занята.—Варин голос умолк и тут же снова ворвался в накаленную тишину кабинета:—Зеленогорск. Игорь Васильевич. Дежурный.

Корнилов рывком схватил трубку с аппарата. Несколько секунд слушал молча. По-видимому, дежурный докладывал ему по всей форме.

— Сберкасса далеко от вас?—наконец спросил он.—Так, так. Пять минут езды. Сколько на ваших часах? На моих тоже...

Бугаев невольно скосил взгляд на свои часы. Стрелки показывали двадцать пять минут третьего.

— Срочно пошлите человека... Да нет, одного. Лучше в штатском. К сберкассе сейчас идет Аникин. Да ваш, ваш Аникин, участковый! Нужно предупредить его, чтобы в сберкассе нос не совал. Пусть идет к вам в отдел и срочно позвонит мне. Нет. Ничего не случилось. Ничего. Выполняйте. Вы мне лично за это ответите.

Он повесил трубку. Сказал:

— Успеют, наверное,—и засмеялся.—Как бы они твоему Аникину наручники не надели!—и тут же, погасив улыбку, спросил:—А он точно в сберкассе пойдет? Не будет кассиршу у дома встречать?

— Точно, товарищ полковник. В сберкассе.—кивнул Бугаев.

— Ладно. Семен, заказывай фотографии Котлукова. Кстати, если найдутся карточки его бывших подельцев, тоже на всякий случай захвати. Может, твоя старушка кого из гостей среди них опознает. Будешь готов—зайди ко мне. Я дождуся звонка от Аникина и, если он там ничего не напортчил, в Зеленогорск поеду.

— Сами?—удивился Бугаев.

— Угу. Только я хочу не с девчонкой-кассиром повидаться, а с заведующей сберкассы. И с постыдными, которые там дежурят. Не надо девчонку пока трогать. Но и глаз с нее не спускать.

— Понял, товарищ полковник,—кивнул Бугаев.—Надо бы еще людей в группу привлечь.

— Надо. Сегодня вечером соберемся, составим план разыскных мероприятий. Непростое дело.

Бугаев ушел. И по тому, как он подчеркнуто спокойно, ни разу не обернувшись, прошел от стола до двери, как деликатно прикрыл ее за собой, Корнилов почувствовал, что Семен обижен его выговором.

«Не красна девица,—усмехнулся полковник.—При его-то опыте такие просчеты недопустимы.—Но тут же он подсодировал на себя за то, что погорячился, не сдержал раздражения.—Когда-то я умел это делать помягче, даже с шуткой. И понимали меня не хуже, чем сейчас, и не обижались...Что-то со мной творится в последнее время? Возраст, что ли? Стал замечать за людьми то, на что раньше и внимания не обращал. Тогда это еще не так и страшно. А может быть, стал нетерпим и раздражителен?»

На душе у Корнилова было мутно, ему вдруг захотелось вернуть Бугаева и объясниться с ним, но он тут же оборвал себя: еще чего надумал! Встал из-за стола, засунув руки в карманы брюк, сердито прошелся по кабинету.

«Непростое дело. Непростое,—в который раз уже мысленно повторял Корнилов.—Над какой же кассой тучки стуслились? Наверное, над той, где знакомая Бура работает. А может, это случайное совпадение. Или просто разведка. А брат хотели другую. Какую только? Предупредить, пожалуй, надо еще раз всех. И сберкассы и предприятия. Это, конечно, вызовет у людей нервозность, но не предупредить нельзя. И запросите следует, не было ли каких подозрительных происшествий вокруг касс. Вот ведь как все обернулись!—Он с теплотой вспомнил о Колокольникове. Сколько мужику пришлось доказывать, что он не сумасшедший и не сказочник. А мог бы плюнуть, и дело с концом. Надо будет все-таки наказать этих ребят из Зеленогорской милиции. Чтобы на будущее повнимательнее были».

Он закурил и с удовольствием затянулся. Вспомнил, как рассказывал ему режиссер Грановский, что в кино запретили снимать человека с сигаретой. «Ну-ну, боритесь,—усмехнулся полковник.—Так же и с водкой мы боремся».

И снова его мысли вернулись к Леониду Ивановичу Колокольникову. Что-то беспокоило Корнилова в этой связи. Но что? «А-а! Человек на месте катастрофы! Чего он там разыскивал? Сверло, найденное потом Колокольниковым?»

Теперь, после того как из дома, где обитал Лева Бур, исчезли его вещи и домовая книга, этот человек на щоссе воспринимался совсем по-новому. Если он из той же шайки? И пришел за маленькой деталью из чемоданчика Льва Котлукова—за сверлом с наконечником из алмазной хрюшки, перед которым не устоит ни один сейф. «Надо Колокольникову предупредить,—подумал Корнилов.—Пусть будет предосторожнее».

Дома у Колокольникова телефон молчал, а на работе сказали, что он выйдет только через неделю.

Повесив трубку, Корнилов спросил секретаршу, не звонили ли еще из Зеленогорска. Оказалось—не звонили. Он посмотрел на часы. Было ровно три. «Сейчас Аникин уже предупрежден, спешит в городок. Минут через пять позвонит...»

Колокольников заметил того типа у билетной кассы. Очередь была совсем небольшая—человек семь. Между Леонидом Ивановичем и этим парнем было всего два человека. Ошибки быть не могло: парень тот самый, что шарил на месте аварии. Только теперь на нем была не потерянная кожанка, а модный темносиний пиджак и светлые брюки. «Пижон,—подумал Колокольников.—А машину-то, наверное, в ремонт отдал какому-нибудь халтурщику. Теперь общественным транспортом пользуется». Колокольников оглянулся, пытаясь отыскать в зале милиционера, но, как назло, милиционера не было видно. «А чего мне милиционер,—решил он,—попадется такой, как Бурая... Я лучше узнаю, куда едет этот хмырь, а потом Корнилову позвоню. А ведь как ни вспоминал тогда его лицо—ничего примечательного вспомнить не мог,—огорчился Колокольников.—Волновался, наверное. Лицо-то у него какое непривлекательное—носик маленький, в небо смотрит. Нахальный носик. Уши, как звукоуловители.—Колокольников придилично рассматривал парня, осторожно выглядывая из-за широкой спины какой-то тетки, стоявшей прямо перед ним.—Да и ноги у него подкачали. Кавалерийские ноги. Штаны вот ничего, модные». Он так увлекся своими ядовитыми рассуждениями, что чуть было не пропустил мимо ушей название станции, до которой парень брал билет. Уловил только последний слог—«град» и обрадовался. «Значит, Ленинград, значит, по пути. Времени много не потребуется...»

До отхода электрички оставалось еще минут десять, и Колокольников, купив в киоске пачку сигарет и с удовольствием закурив, пристроившись за углом ларька, наблюдал, как расхаживает по перрону этот здоровый парень. Неторопливо, заложив руки за спину, ни на кого не обращая внимания, чуть наклонив набок голову. «Задумался, стервец,—решил Колокольников,—заели, наверное, тебя невеселые мысли. Боишься, что подойдет товарищ в форме или в штатском и спросит: ваши документы, гражданин...»

И тут Леонид Иванович вспомнил вдруг предупреждение Корнилова—ни в коем случае не впутываться ни в какие разыски. В случае чего звонить ему или в райотдел. И участковый инспектор Аникин специально приходил к нему—о том же предупреждал.

«Что ж делать?—с сомнением подумал Колокольников.—Звонить сейчас—через пять минут электричка, уедет этот тип—и привет! Да и лишние все эти предосторожности... Боятся, что я его спугну? Да я к нему ближе чем на сто метров и не подойду. Только адрес узнаю...»

Успокаивая себя так, Леонид Иванович между тем внимательно оглядывал пассажиров на платформе: людей, стоявших на привокзальной площади у автобусных остановок, надеясь увидеть кого-нибудь из знакомых. И увидел пожилого, с красным, испитым лицом мужика, которого все в поселке знали как Константино—без отчества и без фамилии. Иногда за глаза величая еще и «мордой».

«Ненадежный человек!—подумал Колокольников, но времени на раздумье уже не оставалось, и он, быстро сбежав по ступенькам с платформы, дернул Костю за руку:

— Константин, ты куда?

— Пивка хочу кружечку взять. А потом домой.

— Вот и хорошо,—обрадовался Леонид Иванович. Константин жил совсем недалеко от его дачи.—Пиво отменяется, бери такси.—Он вынул трешку из кармана.—И поезжай к моей жене. Скажи ей—только запомни точно: я поехал на электричке в Ленинград за мужиком, который сбил человека. Пусть она тут же позвонит в милицию. Корнилову.

Он едва успел вскочить в вагон, как двери с прохладом закрылись и поезд мягко тронулся.

Продолжение следует.

СМЕНА-84
ПОДПИСКА
ПРОВОДИТСЯ
БЕЗ
ОГРАНИЧЕНИЙ

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!
С 1 АВГУСТА ПО 31 ОКТЯБРЯ ВО ВСЕХ АГЕНТСТВАХ СОЮЗПЕЧАТИ
И ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ, У НАШИХ ДРУЗЕЙ—ОБЩЕСТВЕННЫХ
РАСПРОСТРАНИТЕЛЕЙ ПЕЧАТИ ВЫ СМОЖЕТЕ ОФОРМИТЬ
ПОДПИСКУ НА ЖУРНАЛ «СМЕНА».
ПОДПИСКА ПРОВОДИТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ.

Подписная цена журнала на год—8 рублей 40 копеек,
на полгода—4 рубля 20 копеек.

В случае возникновения сложностей с оформлением подписки
просьба обращаться в журнал «Смена». Пишите нам по адресу:
101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

Сдано в набор 05.07.83. Подписано к печати 18.07.83. А 02735. Формат 70×106^{1/2}. Глубокая печать.
Усл. печ. л. 5.60. Уч.-изд. л. 11.55. Усл. кр.-отт. 17.50. Тираж 1170000 экз. Изд. № 1913. Заказ № 1066.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

КОНКУРС ЭРУДИТОВ «ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО»

Третий тур

Дорогие читатели! Прежде чем предложить вам вопросы третьего тура конкурса эрудитов «Литература и искусство», которые, как всегда, мы отбрали из ваших писем, напоминаем его условия. Участником третьего тура может стать каждый из вас, независимо от того, выполняли вы или нет домашние задания первых двух туров. Отвечать на вопросы надо точно и четко. Чем полнее ответ, тем лучше.

У жюри конкурса к вам обычная просьба: старайтесь отвечать на вопросы в том же порядке, как они заданы. Пишите по возможности аккуратно и разборчиво, на одной стороне листа. Самые существенные места подчеркните цветным карандашом. Будет очень хорошо, если вы укажете источники, в которых нашли ответы.

Тридцать участников третьего тура, чьи работы жюри найдет самыми интересными, будут награждены призами: книгами, альбомами, почетными дипломами. Кроме того, трое участников конкурса будут награждены почетными дипломами — за наиболее удачные ответы на отдельные вопросы. Поэтому, дорогие читатели, присыпайте письма с любым числом ответов. Даже если вам удалось успешно спрятаться только с одним вопросом, все равно направляйте свое письмо в редакцию «Смены» — ведь и в этом случае вы можете оказаться в числе призеров.

Приятного вам досуга, дорогие читатели!

А теперь задание третьего тура конкурса эрудитов «Литература и искусство»:

1. В 20-е годы в нашей стране был нарисован уникальный портрет В.И. Ленина на скале. Где и когда именно? Кто его автор?

Н. ИГНАТЕНКО,
Донецк

2. Съемочной группе одного из первых советских фильмов в знак благодарности было вручено знамя. Во второй части текста на знамени были слова: «От многих тысяч рабочих фабрики «Коммунавангард» пролетарское спасибо. Да здравствует советское кино, великий спутник социализма!» Что было в первой части текста? О каком фильме идет речь? Назовите режиссера и оператора.

Ю. ШАДРИН,
Иваново

3. Советской поэт и композитор впервые встретились в 1939 году. В результате их сотрудничества родилась песня, которая в течение года завоевала популярность во всем мире. Итальянские партизаны, сражавшиеся с фашистами, сделали ее своим гимном. Назовите поэта, композитора и песню.

Г. СИДОРОВ,
Барнаул

4. А. М. Горький писал: «Это непобедимый герой...

он побеждает всех и всё... сам же остается бессмертен». «Какой характер, какой цельный и художественный характер, как он доверчив, как он весел и прямодушен: как он не хочет верить злу и обману, как быстро гневается и бросается на несправедливость» — писал Ф. М. Достоевский. О каком герое русского народного театра идет речь? От какого аналогичного итальянского героя он ведет свою родословную? Как возник этот последний?

В. ДРОЗДОВ,
г. Горький

5. Эта античная статуя — один из самых редких памятников искусства в Эрмитаже. Она первой привезена в Россию. Когда и кому? Назовите статую и ее прообраз. Почему она называется именно так? Ее видел А. С. Пушкин. Где?

Я. ЯНУШ,
Ленинград

6. Все знают поэму А. Твардовского «Василий Теркин». А есть ли в литературе еще произведение с таким названием?

И если есть, то кто его автор?

А. ПЛАТОВ,
г. Собинка

Владimirской области

7. Назовите одно из самых интересных в нашей стране хранилищ древних рукописей. У его подножия стоит памятник создателю национального алфавита, а справа и слева от входа помещены шесть фигур выдающихся деятелей средневековья. Кто они? Творчеством скольких поэтов представлена в хранилище средневековая национальная поэзия?

М. ЛОТЯНУ,
г. Калараш

Молдавской ССР

8. Справедливо считают, что первым «в мир абстрактных геометрических форм серебряных сосудов натуральные формы» ввел великий А. Дюрер. Но на Руси такие формы известны с глубокой древности. Назовите одну из самых древних форм русского ковша, которая не встречается больше нигде — ни в Европе, ни в Азии. Где хранится самый старый из металлических ковшей этой формы? Его вывезли из Новгорода. Кому он принадлежал? Как называется отогнутый конец ковша?

И. ШАРАФОВ,
г. Гулистан

9. Какую роль в судьбе Т. Г. Шевченко сыграл портрет В. А. Жуковского? Кто написал этот портрет?

В. СИНИЦКАЯ,
Евпатория

Крымской области

10. В 1907 году стараниями известного театрального деятеля С. Дягилева в Париже открылся первый русский оперный сезон. Оперы «Борис Годунов», «Руслан и Людмила», «Князь Игорь» прославили русское искусство. А когда в столице Франции открылся первый русский балетный сезон? Что стало его символом и эмблемой? Кто нарисовал эмблему? Какой балет был показан в первый вечер? Кто танцевал партию героини?

Г. АРДАЕВ,
г. Аягуз

Семипалатинской области

11. Первого октября 1872 года на премьере драмы А. Доде «Арлезианка», музыку к которой написал Ж. Бизе, впервые прозвучал новый инструмент, о котором Д. Россини сказал: «Никогда не слышал ничего прекраснее!» Правда, лестная оценка не помогла, и новый инструмент с трудом приживался в оркестрах. Назовите этот инструмент.

Б. ЖЕЛТОВ,
Рязань

12. Известно изречение древнегреческого поэта Симонида Коесского: «Живопись — немая музыка, а поэзия — говорящая живопись». А кто и когда впервые сказал: «Архитектура — застывшая музыка»?

И. КАЛМЫКОВА,
Волгоград

13. В ноябре 1966 года был открыт для посетителей музей древнейшего в мире искусства. Он расположен в одном из самых современных по архитектуре и одном из самых старых городов мира. Назовите музей и город, где он находится.

В. ИВАНОВА,
г. Уссурийск

Приморского края

14. С давних пор дирижер стоял лицом к зрителям, что мешало музыкантам следить за ним. Кто первым из дирижеров повернулся к оркестру лицом?

Н. СЕЛИВАНОВ,
пос. Орловка

Киргизской ССР

15. Как известно, Ганс Фаллада — псевдоним немецкого писателя. Назовите его настоящую фамилию. Откуда он взял себе псевдоним?

Ю. ПРОЗОРОВ,
Ташкент

Ждем ваших писем
с ответами на вопросы третьего тура.
Последний срок их отсылки —
30 сентября.

КРОССВОРД

Составил К. ОЗЕРОВ
Москва

По горизонтали:

7. Картина В. М. Васнецова. 8. Подъемный брус, препримывающий доступ на железнодорожный переход. 10. Основа для полотна под живопись. 11. Неизменяемая математическая величина. 12. Южноамериканский плащ. 13. Воинское звание. 16. Архитектурное перекрытие, полукупол. 19. Наименьшая величина, низший предел. 20. Швейцарский писатель, автор романа «Игра в бисер». 21. Трагедия Еврипида. 24. Отрасль материального производства. 25. Население краевого центра РСФСР. 30. Верхняя створка окна. 31. Вид ювелирной техники. 32. Прибор для визуального отображения информации в ЭВМ. 35. Естественный водоем. 36. Деталь крючкошпинного механизма, ползун. 37. Город в Танзании. 40. Садовый цветок. 41. Место в лесу, свободное от деревьев. 42. Житель острогого государства в Тихом океане. 43. Остров у берегов Эстонии.

По вертикали:

1. Овощное и лекарственное растение, медонос. 2. Трафарет, шаблон. 3. Древнегреческий поэт-лирик. 4. Натриевый препарат для крашения и беления тканей. 5. Одна из героинь романа Ф. М. Достоевского «Идиот». 6. Певчая птица. 7. Наука о живой природе. 9. Прибор для изучения законов колебания струн. 14. Русский писатель XIX века. 15. Травянистое декоративное растение. 17. Хищная птица. 18. Русский живописец, автор картины «Княжна Тараканова». 22. Марка японского автомобиля. 23. Начало реки, ручья. 26. Драгоценный камень. 27. Ягодный кустарник. 28. Свадебная песня в античной поэзии. 29. Кавказский народный танец. 33. Рыболовное судно. 34. Роман Р. Джокони. 38. Герой рассказа М. Горького «Макар Чудра». 39. Веретенообразная рыба.

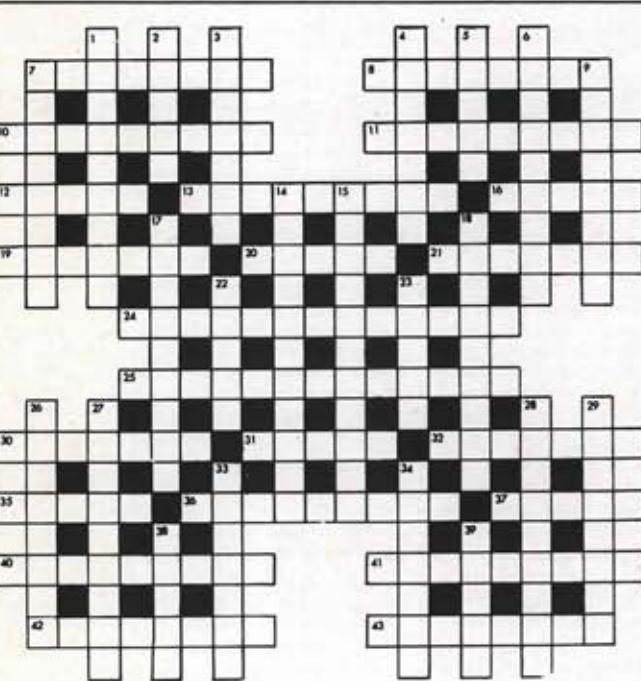
ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 15

По горизонтали:

5. Скалка. 6. Салихова. 8. Тайм. 9. Колесница. 11. Клим. 12. Татами. 15. Фигура. 16. Терян. 17. Пассах. 19. Москва. 20. Сальников. 22. Капитонов. 25. Тарпон. 26. Томсон. 27. Гольф. 28. Теннис. 29. Козлов. 33. Финт. 34. Алексеева. 35. Таль. 36. Олимпиец. 37. Пистолет.

По вертикали:

1. Шахматист. 2. Школа. 3. Савин. 4. Подкрутка. 5. Старт. 7. Анина. 9. Компас. 10. Авилов. 13. Мельников. 14. Пятиборье. 18. Жакан. 19. Молот. 21. Гранаткин. 22. Козина. 23. Ворота. 24. Усилитель. 28. Трико. 30. Вольт. 31. Медео. 32. «Зенит».

СЮЖЕТЫ МОЕГО КРАЯ

РЕГИНА.

ДАЧА НА АПШЕРОНЕ.

ЛЕГЕНДА ВОСТОКА.

Молодой азербайджанский живописец Ашраф Гейбатов еще студентом изъездил, исходил пешком весь Азербайджан — от больших городов, с напряженным их ритмом, до тихих горных селений, парящих между небом и землей. Он изучал людей деревенского труда, рисовал, писал этюды древних памятников, открывал удивительные красоты национального орнамента.

Культура народа, самобытный азербайджанский фольклор пленили художника прелестью мудрости, а пленив, помогли постичь глубины классической поэзии Востока. Впечатление оказалось настолько сильным, что за короткое время он создает серию картин «Легенды Востока».

Что же привлекает в этих работах Ашрафа Гейбатова? Необычайная яркость красок? Неожиданный, гиперболический, можно сказать, взгляд на природу? Да, все это, конечно, присутствует. Но это внешняя сторона его картин. Главное в том, что он избежал столь опасного в национальных темах срыва, когда дух Востока, образ его подменяется экзотикой, а культура — этнографией. Такие вещи подобны вспышке,

освещющей лишь на мгновение, и потому, даже при всей колористической расточительности, остаются холодными и способны претендовать разве что на познавательное значение. Картины же Ашрафа Гейбатова — и в этом их особенность — светятся постоянным огнем, ибо проникнуты культурой Востока, а не окрашены ею.

Цикл «Легенды Востока» питают, как можно заметить, два источника — народный фольклор и классическая поэзия. Очень интересно, как в том и другом случае чувствует художник единство формы и содержания. Картины, рожденные азербайджанским народным творчеством, написаны «весомо, грубо, зримо», передавая самый дух этого поразительного явления национальной культуры — его юмор, гротеск, иронию, безграничную фантазию и удивительное жизнелюбие. Видимо, особенности эти так настойчиво заявляют о себе оттого, чтоозвучены собственному мироощущению художника. Если не бояться тривиальных определений, фольклорные вещи Гейбатова можно назвать фантастическим реализмом. Соседство двух этих понятий правомерно, как нам

кажется, потому, что фантазии художника постоянно и тесно переплетаются с действительностью настолько конкретной, что в них ощущаешь реальные приметы сегодняшнего дня его родины.

Холсты же, навеянные поэтической классикой Востока, отличает тонкое, изысканное письмо. Четкость, чеканность образа, свойственная поэзии Физули, Хайяма, Низами, естественно переливается в пластическое мышление художника. Именно пластическими средствами стремится он передать их спокойную мудрость и неспешную созерцательность, достигая этого в мягких переходах цвета, в округлых и плавных линиях, не имеющих будто бы видимого начала и затухающих только для того, чтобы затеплиться и гореть снова. Власть первоисточника здесь очевидна. Поэты древности учат художника видеть, и потому взгляд его философичен, а цветок и камень в его холстах одинаково полны жизни и глубокого смысла, как в классической поэзии Востока.

Нетрудно заметить и еще одну особенность работ Гейбатова. Художник стремится не столько к отражению действительности, сколько к философско-

му ее осмыслинию, подчас добавляя то, чего, по его убеждению, ей недостает. В этом он щедр и оптимистичен. Исходя из действительности, Гейбатов создает на холсте новую жизнь, мир, в котором он живет и в котором прозаическая реальность сосуществует с высокой мечтой. И, надо сказать, делает это убедительно, оттого и не удивляемся мы, увидев на его холсте гранат величиной с арбуз, перец неправдоподобно красного цвета, ослика голубым, как небо в горах его родины... Картины Гейбатова естественны и гармоничны в соответствии формы и содержания; его сочная, пряная живопись подобна плодам юга.

В станковой живописи успел художник сделать много. И тем более примечательно, что станковая живопись не ограничила интересы художника: он автор стенных росписей — больницы и детского сада в Баку, на очереди и другие монументальные работы.

Как сложится дальнейший путь Ашрафа Гейбатова, в каких жанрах и формах скажет художник новое слово, покажет, конечно, время, но энергия начала говорит сама за себя.

Алексей ВЛАДИМИРОВ